

2022 № 1

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ



ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Дворянчиков Н.В.

Вступительное слово.....1

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.

Основные модели медико-психологической работы по профилактике
повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт).....2–14

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Москвитина М.М., Бовин Б.Г.

Психологическая характеристика осужденных беременных женщин..... 15–29

Мельникова Д.В.

Участие психолога в принятии решения о рекомендации осужденного
к условно-досрочному освобождению30–43

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Рябова М.Г., Канунников Р.И.

Личностные детерминанты форм аддиктивного поведения у сотрудников
органов внутренних дел (на примере ургентной зависимости).....44–53

Душкин А.С., Гончарова Н.А., Коноплева И.Н., Костина Л.Н., Ковальчук И.А.

Особенности профессиональных компетенций наставников и
межличностных отношений наставников и стажеров в системе МВД России.....54–66

Пухарева Т.С., Шерстюк Т.С.

Социально-психологические установки адвокатов,
сменивших профессию следователя.....67–76

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PERSONALITY ORIENTED PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Васильченко А.С., Проничева М.М., Костина Е.В.

Возрастная специфика саморегуляции у сотрудников ФСИН77–90

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ |
JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.

Психологические особенности самоотношения несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления91–102

Корсаков К.В.

Особенности психолого-воспитательной работы с подростками-правонарушителями, у которых имеются антисоциальные психопатии 103–114

Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Калашникова А.С., Кулаков С.С., Переправина Ю.О., Забежинская И.Д., Малиновская М.А., Солдатова К.М., Бодрова О.К.

Взаимодействие ребенка с родителем: судебно-психологические экспертные оценки 115–132

Умняшова И.Б.

Нормативные основания профилактики различных видов девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования 133–146

Бусарова О.Р., Евсина Е.О.

Особенности личной профессиональной перспективы старших подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению 147–159

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Кобзев Е.А., Шульга Т.И.

Модель исследования социально-психологических особенностей студентов-курильщиков 160–179

Немзер Е.А., Бородина Л.Г.

Особенности взаимосвязи моральных суждений и модели психического (на примере взрослых с РАС) 180–195

Хохлова Н.И., Плеханова Н.П.

Психологические факторы, обуславливающие доверие потребителей к юридической компании 196–208

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ |
PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Собчик Л.Н., Спасенников Б.А., Кулакова С.В.

Криминологические аспекты агрессивности 209–225

CONTENTS:

THEMATIC ISSUE:

CONTEMPORARY PROBLEMS OF LEGAL AND FORENSIC PSYCHOLOGY

Dvoryanchikov N.V.

Foreword..... 1

FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.

Main Models of Medical and Psychological Work for Prevention
of Repeated Drunk Driving (International Experience) 2–14

THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Moskvitina M.M., Bovin B.G.

Psychological Characteristics of Convicted Pregnant Women 15–29

Melnikova D.V.

Psychologist's Participation in Deciding whether to Recommend
a Convict for a Conditional Release 30–43

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Ryabova M.G., Kanunnikov R.I.

Personality Determinants of the Forms of Addictive Behavior
of Internal Affairs Officers (on the Example of Urgency Addiction) 44–53

Dushkin A.S., Goncharova N.A., Konopleva I.N., Kostina L.N., Kovalchuk I.A.

The Peculiarities of Tutors' Professional Competences and Interpersonal Relationships
between Tutors and Interns in the System of the Ministry of the Interior of Russia..... 54–66

Pukhareva T.S., Sherstyuk T.S.

The Socio-Psychological Attitudes of Lawyers Who Previously Worked as Investigators.... 67–76

PERSONALITY ORIENTED PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Vasilchenko A.S., Pronicheva M.M., Kostina E.V.

Age-Related Specifics of Self-Regulation
in Employees of FPS (Federal Penitentiary Service) 77–90

JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Vetra A.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.

Psychological Characteristics of Self-attitude of Juvenile
Suspects, Accused, Convicted of Violent Crimes 91–102

Korsakov K.V.

Psychological and Educational Work with Adolescent Delinquents with Antisocial Psychopathies 103–114

Safuanov F.S., Savina O.F., Morozova M.V., Kalashnikova A.S., Kulakov S.S., Perepravina J.O., Zabezhinskaya I.D., Malinovskaya M.A., Soldatova K.M., Bodrova O.K.

Parent-Child Interaction: Forensic and Psychological Expert Evaluations..... 115–132

Umnyashova I.B.

Legislative Framework for Prevention of Various Kinds of Deviant Behavior of Children and Adolescents in the General Education System..... 133–146

Busarova O.R., Evsina E.O.

Specifics of Personal Vocational Outlook of Senior Adolescents and Youth with Sociopathy 147–159

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Kobzev E.A., Shulga T.I.

Model of Research of Social and Psychological Characteristics of Smoker Students..... 160–179

Nemzer E.A., Borodina L.G.

Features of Relationship between Moral Judgments and Mental Model (on the Example of Adults with ASD) 180–195

Khokhlova N.I., Plekhanova N.P.

Psychological Factors Contributing to Clients' Trust for a Law Company 196–208

PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Sobchik L.N., Spasennikov B.A., Kulakova S.V.

Criminological Aspects of Aggression..... 209–225

Уважаемые читатели и коллеги!

Мы рады представить вам первый в 2022 году выпуск журнала «Психология и право».

В номере несколько рубрик. Традиционно представлены новые исследования в рамках судебной и клинической психологии, ювенальной, пенитенциарной, криминальной психологии.

Вы познакомитесь с современными направлениями работы с девиантными подростками, в том числе подростками, совершившими преступления. Узнаете о новых разработках в русле судебно-психологической экспертизы и взаимодействии ребенка с родителями. В рубрике «Психология девиантного и криминального поведения» ознакомитесь со взглядом практиков на криминологические аспекты агрессивности.

В разделе «Судебная и клиническая психология в юридическом контексте» вместе с авторами проанализируете международный опыт профилактики управления транспортным средством в состоянии опьянения.

Не обошли вниманием мы и новые работы в разделе психологии профессиональной деятельности и личностно-ориентированных психотехнологий в правоохранительной деятельности.

В этой рубрике работы посвящены психологическому сопровождению правоохранительной деятельности, работе с практическими сотрудниками разных ведомств.

Надеемся, что подготовленный нами выпуск вызовет ваш интерес и окажет практическую помощь в работе.

Н.В. Дворянчиков,
главный редактор журнала «Психология и право»

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Основные модели медико-психологической работы по профилактике повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения (международный опыт)

Бедина И.А.

Московский научно-практический центр наркологии Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ «МНПЦ наркологии ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9040-2913>, e-mail: ibedina@mail.ru

Бурцев А.А.

Московский научно-практический центр наркологии Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ «МНПЦ наркологии ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2710-1285>, e-mail: burtsev@mail.ru

Кочетова Т.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovativ@gmail.com

В статье рассмотрена медико-психологическая составляющая современной зарубежной системы профилактики управления транспортным средством (далее — ТС) в состоянии опьянения. На основании обобщения изученного материала авторами сформулированы и предложены несколько организационных моделей работы врачей и психологов по предупреждению повторного управления ТС водителем в состоянии опьянения. Согласно первой из них, профилактические мероприятия направлены лишь на повышение уровня информированности водителей-нарушителей в вопросах алкогольной и наркотической зависимости. Вторая модель требует от специалистов оценки психического здоровья водителей-нарушителей, а также определения их готовности к безопасному управлению ТС в дальнейшем. Третья модель предполагает наличие длительных реабилитационных программ для водителей-нарушителей. В задачи подобных программ входят выявление неосознанных мотиваций и последующая трансформация прежних убеждений и паттернов поведения человека. Авторы статьи отмечают социально-экономическую эффективность обсуждаемых моделей и обосновывают возможность их применения в отечественной системе профилактики повторного управления автомобилем в состоянии опьянения.

Ключевые слова: вождение в нетрезвом состоянии, опасное вождение, медицинское освидетельствование, медико-психологический ассессмент.

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

Для цитаты: *Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.* Основные модели медико-психологической работы по профилактике повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения (международный опыт) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2—14. DOI:10.17759/psylaw.2022120101

Main Models of Medical and Psychological Work for Prevention of Repeated Drunk Driving (International Experience)

Inessa A. Bedina

Moscow Research and Practical Narcology Centre of the Department of Public Health, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9040-2913>, e-mail: ibedina@mail.ru

Alexander A. Burtsev

Moscow Research and Practical Narcology Centre of the Department of Public Health, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2710-1285>, e-mail: burtsev@mail.ru

Tatyana V. Kochetova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovatv@gmail.com

The article analyses foreign scientific data and looks into the medical and psychological aspect of modern system of prevention of recurring crimes arising from drunk driving. Economically developed countries are shown to have obligatory medical and psychological interventions as part of their process of re-authorization to drive, and the scale and duration of such interventions depend on the legal framework of a particular state. Generalization of the material studied by the authors of the article led to formulation of a few organizational work models for medical practitioners and psychologists to help them prevent recurring drunk driving. The first model suggests that preventive measures are only aimed to raise offending drivers' awareness of alcohol and drug addiction. The second model demands that the authorities assess the mental health and psychological preparedness for safe driving in offending drivers. The compulsory therapeutic and rehabilitation measures for persons addicted to psychoactive substances in these countries are not included in drunk driving prevention system. The third model involves extended and long-term therapeutic and rehabilitation programs for persons who indulged in drunk driving. Such programs include revealing one's unconscious motivations along with subsequent transformation of one's former convictions and customary behavioral patterns. The authors believe that the "extended outcome" of these programs can be seen as an advantage of this model, since overcoming one's addiction has a positive impact on all social aspects of one's life activity. The authors point out the social and economical effectiveness of the models under discussion and substantiate their applicability in the domestic system of recurrent drunk driving prevention.

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

Keywords: dangerous driving, drunk driving, medical examination, medical and psychological assessment.

For citation: Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V. Main Models of Medical and Psychological Work for Prevention of Repeated Drunk Driving (International Experience). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14. DOI:10.17759/psylaw.2022120101 (In Russ.).

В настоящее время уже не оспаривается утверждение о том, что автомобиль является источником повышенной опасности. Это наглядно иллюстрируют данные ГИБДД МВД России. Так, в 2019 г. в Российской Федерации произошло 164358 дорожно-транспортных происшествий (ДТП), в которых погибли 116981 человек, получили травмы 210877 человек (<http://stat.gibdd.ru>) [11].

Одной из основных причин ДТП до настоящего времени остается управление ТС в состоянии алкогольного опьянения, несмотря на то, что сами водители такое поведение считают максимально рискованным [13]. В России в 2019 г. число ДТП с участие водителей, находившихся в нетрезвом виде, составило 19300 случаев, в которых погибли 4400 человек (показатель летальности — 24%). Следует отметить, что даже в случае отсутствия летального исхода для участников ДТП результатом последнего может стать нанесение существенного физического, материального, а также морального ущерба, причем не только пострадавшему, но и самому водителю — виновнику аварии. Очевидно, что управление ТС в состоянии опьянения сопровождается значительными социально-экономическими потерями и имеет выраженные медико-психологические последствия [12].

Едва ли не самой актуальной на сегодняшний день является проблема повторного управления ТС в нетрезвом виде. Исследования показывают, что водители, допускающие подобные инциденты, отличаются повышенной импульсивностью и сниженной субъективной оценкой уровня алкогольной интоксикации [21]. В целом, они чаще других употребляют наркотики, склонны к делинквентному поведению, а при обследовании у них во многих случаях выявляются психические нарушения, например, депрессивное расстройство непсихотического уровня [13]. При этом специалисты подчеркивают значение гендерного фактора, указывая на большую частоту выявляемых расстройств аффективного спектра у женщин, управляющих ТС в нетрезвом виде, в сравнении с мужчинами. Кроме того, эти женщины нередко сообщают о фактах домашнего насилия со стороны партнера [25]. Насилие само по себе является мощной пролонгированной стрессогенной ситуацией, которая становится причиной развития у жертв насилия психических нарушений в виде расстройств адаптации и других расстройств, связанных со стрессом (рубрика F43 МКБ-10) [1; 2].

Сказанное выше безусловно требует от заинтересованных специалистов совершенствования профилактических мероприятий, проводимых в рамках обеспечения безопасности дорожного движения. Как следует из анализа международного опыта, профилактика повторных правонарушений вследствие управления ТС в нетрезвом виде наряду с административными и уголовными санкциями может включать медико-психологическую составляющую, которая зачастую является основным звеном в системе мероприятий по осуществлению повторного допуска водителей [22], выявленных в состоянии опьянения, к управлению ТС. Объем медико-психологического вмешательства и качественно-количественный состав задействованных специалистов во многом зависят от тех профилактических задач, которые закреплены в нор-

мативной базе конкретного государства [23; 26]. К примеру, в Финляндии основной упор делается на установку алкоблокиратора в ТС провинившегося водителя. Вместе с тем этого недостаточно для повторного получения права управления ТС. Предварительно в полицию предоставляется справка из медицинского учреждения, в штате которого есть специалист по оказанию помощи лицам с алкогольными проблемами, которая подтверждает присутствие водителя на профилактической лекции «Об употреблении интоксикантов, их влиянии на здоровье и возможных вариантах оказания медицинской помощи» [6].

Аналогичная практика существует и в Испании. Управление ТС возможно после прохождения специальных курсов по теме «Повышение осведомленности об управлении ТС в состоянии опьянения». Вместе с тем, по сравнению с Финляндией, в Испании медико-психологической составляющей профилактических мер по безопасности дорожного движения уделяется большее внимание [5]. С 2010 г. в этой европейской стране работают Центры освидетельствования, предназначенные для проверки психофизических навыков водителей. В настоящее время функционируют почти 3 000 Центров, уполномоченных на оказание этих услуг; в их штате отсутствует должность врача-психиатра, но в обязательном порядке имеется психолог, в обязанности которого входит проведение клинико-психологического исследования потенциального водителя, включающего диагностику его личности, оценку практического и общего интеллекта, скорости реакции. Следует отметить, что указанные Центры в подавляющем большинстве случаев являются негосударственными организациями, которые, тем не менее, должны быть аккредитованы и зарегистрированы в территориальных департаментах дорожного движения, а также включены в единый Реестр центров. В случае, если на одного водителя имеется два противоречащих друг другу медико-психологических заключения, назначается дополнительный медицинский осмотр по месту жительства водителя в подведомственном Минздраву Испании медицинском учреждении. Существование противоречивых медико-психологических заключений является основанием для проведения проверки деятельности аккредитованных Центров. При выявлении недостатков в их работе выносится решение о наложении штрафа (до 20 000 евро) с возможным приостановлением деятельности Центра на срок до одного года [5].

Подобный государственный контроль за деятельностью Центров по оценке пригодности для вождения осуществляется в Германии (эта деятельность предполагает осуществление надзора за автотранспортными средствами, водительскими удостоверениями, учебно-методической продукцией и входит в функции так называемых центров TÜV) [8]. Лицензия на указанный вид деятельности выдается строго на определенный срок, но с возможностью последующего ее продления. Причем лицензия может быть отозвана, если качество проводимых организацией медико-психологических или медицинских освидетельствований не соответствует установленным требованиям или выявлены какие-либо грубые нарушения в деятельности Центра. При этом проведение проверки качества предоставляемых организацией услуг проводится за счет средств последней. В период судебного обжалования Центром отзыва лицензии ее деятельность приостанавливается.

В соответствии с законодательством Германии управление ТС с признаками потребления алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ и (или) психоактивных лекарственных препаратов в обязательном порядке предусматривает направление водителя на медико-психологическое освидетельствование. Обследование является добровольным для тех водителей, которые хотят вернуть себе право управление ТС в случае их изъятия. Вернуть пра-

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

ва на управления ТС можно только после успешного прохождения процедуры медико-психологического обследования (MPU — Medizinisch-Psychologische Untersuchung) [14]. В направлении на проведение медико-психологического освидетельствования ведомство, отвечающее за выдачу водительских удостоверений, непременно указывает конкретный перечень вопросов, ответы на которые должны быть получены по результатам проведенного медицинского освидетельствования. При этом вопросы о наличии заболевания в результате употребления алкоголя, наркотических средств и иных психоактивных веществ (ПАВ) могут рассматриваться только в рамках медицинского освидетельствования. В направлении на проведение медицинского освидетельствования компетентный орган также указывает на квалификацию специалистов, квалификацию врача, которая необходима для проведения освидетельствования. В частности, это может быть врач, специализирующийся на дорожно-транспортных проблемах, или врач, имеющий практику в ведомстве, занимающемся выдачей водительских удостоверений и специализирующийся на вопросах допуска к управлению ТС [4]. Список требований к квалификации врача, в компетенцию которого входит освидетельствование водителей, закреплено нормативными актами [14]. Важно отметить, что для получения объективного медицинского заключения введено правило, согласно которому специалист, проводящий освидетельствование, не должен являться лечащим врачом обследуемого водителя.

В свою очередь, вопросы, связанные с эпизодическим употреблением ПАВ, могут рассматриваться в рамках психологического обследования. Психологическое консультирование по вопросам дорожного движения проводят «психологи дорожного движения», состоящие в Профессиональной ассоциации немецких психологов (Deutsche Gesellschaft für Verkehrspsychologie) [18]. Для допуска к осуществлению деятельности «дорожного психолога» претенденты должны отвечать следующим требованиям:

- иметь профессиональную квалификацию в области психологии дорожного движения;
- пройти обучение психологии дорожного движения в университете;
- иметь опыт (не менее трех лет) по оценке или восстановлению «водительских способностей»;
- пройти дополнительное образование (программу профессиональной переподготовки в области психологии дорожного движения) [4; 9].

В отношении самой процедуры освидетельствования водителей, которые управляли ТС состоянии опьянения, в Германии существуют правила, закрепленные нормативными актами. Так, в документах указывается, что во время обследования предметом исследования является не вся личность водителя, а только те психомоторные навыки и характеристики (в том числе поведенческие), которые имеют значение для управления ТС [14]; методы обследования должны быть научно обоснованными [26]; обследование проводится с соблюдением этических норм, т. е. обследуемый в доступной форме должен быть информирован о цели и задачах экспертизы; ведется видео- и/или аудиозапись процедуры проведения экспертизы, чтобы в случае спорных ситуаций можно было удостовериться в верности решения эксперта; результатом обследования является прогноз будущего поведения водителя и решение о его возможном повторном управлении ТС в состоянии опьянения. Положительное заключение эксперта по результатам обследования можно получить только при наличии доказанной разницы между предыдущим и настоящим поведением водителя, а также при условии подтвержденного стабильного воздержания от употребления ПАВ. В случае выявления злоупотреб-

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

ления алкоголем без сформировавшейся зависимости необходимо определить, сможет ли заинтересованное лицо в дальнейшем надежно разделить потребление алкоголя и управление ТС. Водителю возвращают водительские права только тогда, когда он кардинально изменил свое отношение к управлению ТС под воздействием ПАВ. Эксперт может рекомендовать обследуемому пройти курсы или психотерапевтические программы, направленные на воздержание от приема алкоголя, наркотиков и лекарственных препаратов.

Следует отметить, что менее половины водителей с первого раза получают положительное медико-психологическое заключение, особенно в части, касающейся медико-психологического обследования. В связи с этим в Германии востребована система тренингов и занятий по подготовке к прохождению медико-психологического обследования [23]. При этом между тренингами/курсами должен соблюдаться определенный временной интервал, поэтому процесс такой реабилитации водителей, лишенных права на управления ТС, может оказаться довольно продолжительным. Помимо психологической составляющей, по сути являющейся заключительным этапом обследования, MPU включает и другие этапы [14]. В частности, на первом этапе обследования проводится медицинский осмотр, который в том числе предполагает проведение химико-токсикологического тестирования биологических материалов водителя на содержание алкоголя и наркотиков. Результаты тестирования должны подтвердить длительное воздержание водителя от употребления ПАВ. Далее специалист проверяет реакцию и внимание водителя с помощью специальных компьютерных программ и специального программного обеспечения (второй этап обследования). В случае отрицательного результата, обследование можно повторно пройти только через шесть месяцев. Как было отмечено выше, заключительной частью обследования (третий этап обследования) является глубинное интервью (эксплорация) с дорожным психологом, который должен определить, насколько алкоголь и/или наркотики влияют на жизнь обследуемого (проходящего медико-психологическое обследование водителя) и планирует ли последний изменить ситуацию в будущем [14]. Важно, что оплату медико-психологического обследования, в том числе и повторных попыток, производит водитель, восстанавливающий право на управление ТС. Цена прохождения MPU-тестирования зависит от тяжести правонарушений водителя, среди которых вождение ТС в состоянии опьянения считается наиболее тяжелым. Кроме того, дополнительно взимается плата за предоставление отчета о прохождении MPU при необходимости его предъявления в суде или других инстанциях. В данном случае стоимость отчета также будет напрямую зависеть от тяжести правонарушения [14].

Изучение международного опыта получения повторного допуска к вождению водителей, ранее управлявших ТС в нетрезвом состоянии, свидетельствует о том, что медико-психологической составляющей процесса уделяют внимание, как правило, в странах с высоким уровнем экономического развития [4]. Так, в стране, лидирующей по номинальному значению валового внутреннего продукта — Соединенных Штатах Америки (США), вождение ТС в нетрезвом виде, точнее с превышением допустимой концентрации алкоголя в крови, помимо жестких правовых санкций (вплоть до лишения свободы) может повлечь за собой назначение нарушителю обязательного прохождения программы лечения от алкоголизма или наркомании, в случае, если судом будет подтвержден факт наличия зависимости от ПАВ [7]. Длительность курса будет напрямую зависеть от количества повторных правонарушений, связанных с управлением водителем ТС в состоянии опьянения. Водителю, впервые задержанному за управлением ТС с концентрацией алкоголя в крови 2,0 г/л или выше, вероятнее

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

всего назначат прохождение 6-месячной (расширенной) программы. За аналогичное повторное правонарушение водитель будет обязан пройти более интенсивную, 18-месячную, программу (52 часа группового консультирования, 12—16 часов обучения и двухнедельные индивидуальные консультации), так как предполагается, что вероятность наличия серьезных проблем с алкоголем и/или наркотиками у «повторных» правонарушителей выше. Лица, совершившие подобного рода преступления в третий раз, могут быть приговорены к программе продолжительностью 30 месяцев [20]. Особенно строго оценивается состояние водителей-профессионалов, когда при тестировании на содержание алкоголя или иных ПАВ ранее был выявлен положительный результат. Водитель-профессионал в дальнейшем может возобновить трудовую деятельность только после завершения терапевтического курса, проведенного квалифицированным специалистом по химическим зависимостям, и предоставления подтвержденных отрицательных результатов тестирования. После завершения терапевтического курса указанный специалист назначает как минимум шесть аналогичных неожиданных тестирований в течение последующих 12 месяцев работы водителя. Кроме того, по решению специалиста по химическим зависимостям тестирование может быть продлено на следующие 4 года работы водителя [7]. Основой терапевтического курса для водителей, управлявших ТС в состоянии опьянения, в США является Парадигмальная развивающая модель лечения (PDMT), которая, по сути, включает в себя темы, заимствованные из Программы 12 шагов Анонимных Алкоголиков (AA) [20]. Эти темы прежде всего необходимы для определения целей терапевтического курса, но они не фокусируются на духовных/религиозных аспектах традиционной 12-ступенчатой программы. PDMT, как правило, использует мотивационные методы интервьюирования и техники когнитивно-поведенческой терапии (КПТ), поскольку КПТ широко применяется для лечения химических зависимостей и считается терапией с высоким уровнем доказательности [16]. Групповые темы предназначены для стимулирования идеаторных и поведенческих изменений. Опираясь на указанные модели терапевтические вмешательства, PDMT фактически помогает правонарушителям (в данном случае клиентам) пройти серию из четырех «сдвигов парадигмы»: 1) принятие помощи; 2) принятие ответственности; 3) стремление к изменениям и саморегуляции; 4) трансформация. Иными словами, посредством самоанализа и психотерапевтического вмешательства клиент проходит процесс развития от констатации факта употребления ПАВ к созданию в дальнейшем «нового Я». Смена парадигмы сопровождается оценкой мотивации к изменениям, а также анализом самих изменений (взгляд изнутри и со стороны), которые имеют решающее значение. В рамках PDMT к работе с правонарушителями привлекаются консультанты по химическим зависимостям, которые ранее употребляли ПАВ и имеют положительный опыт преодоления зависимости.

Заключение

Во всех рассмотренных нами случаях медико-психологические вмешательства проводятся по решению суда и являются обязательными при осуществлении повторного допуска к управлению ТС водителей, ранее выявленных за рулем в состоянии опьянения.

Объем медико-психологической составляющей в системе превентивных и реабилитационных мер в отношении повторного управления ТС в состоянии опьянения в странах Европейского Союза и США сильно различается [19]. Вместе с тем анализ материалов, касающихся данного вида деятельности, позволил авторам статьи сформулировать основные модели медико-психологических вмешательств, направленных на профилактику повторного

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

управления ТС в состоянии опьянения [10; 15; 17; 24]. В части стран профилактическая деятельность требует от специалистов, занимающихся проблемой употребления ПАВ, лишь повышения уровня информированности водителей-нарушителей в вопросах алкогольной и наркотической зависимости (первая модель). В других странах задачей специалистов является оценка психического здоровья водителей, управлявших автомобилем в нетрезвом виде, и определение их психологической готовности к безопасному управлению ТС в дальнейшем (вторая модель). В данном случае функции медико-психологических служб являются, скорее, контролирующими, поскольку терапия и реабилитация водителей, зависимых от ПАВ, в этих странах не включена в систему мер по предупреждению вождения в состоянии опьянения. И, наконец, в отдельных странах приняты развернутые и пролонгированные лечебно-реабилитационные программы для водителей, ранее управлявших ТС в нетрезвом виде (третья модель). В задачи подобных программ входит выявление неосознанных мотиваций человека и перевод их на сознательный уровень, изменение его убеждений и привычных паттернов поведения. С помощью специалиста водитель проходит путь переосмысления своего отношения к употреблению алкоголя и наркотиков, что в итоге приводит к трансформации личности и отказу от употребления ПАВ. Достоинством лечебно-реабилитационных программ может считаться их «расширенный» результат, так как помимо восстановления права вождения, преодоление зависимости оказывает мощное положительное влияние на социальные аспекты жизнедеятельности человека (профессиональные, семейные и др.) и опосредованно способствует его интеграции в общество [3].

По мнению авторов статьи, реабилитационные программы следует разрабатывать в контексте гендерного аспекта, поскольку доказано, что в условиях стрессовой ситуации (само правонарушение, связанные с ним судебные разбирательства, возможное осуждение со стороны общества) женщины в большей степени нуждаются в социально-психологической поддержке, своевременной эффективной медико-психологической помощи и формировании объективного отношения к происшедшему [1].

Интересным с практической точки зрения также является тот факт, что медико-психологическая помощь, адресованная данной категории водителей, оказывается негосударственными организациями. По нашему мнению, существование подобных Центров освидетельствования и оказания медико-психологической помощи водителям, управляющим ТС в нетрезвом виде, существенно снижает затраты государства в части организации данного вида деятельности. В свою очередь, органы государственной власти осуществляют надзорные функции за деятельностью Центров и несут обязанности по созданию и ведению их общего реестра. Оценка профессиональных навыков специалистов в части, касающейся работы по профилактике повторного управления ТС в нетрезвом состоянии, осуществляется посредством профессиональных ассоциаций, членство в которых фактически подтверждает квалификацию специалиста и гарантирует его компетентность в вопросах безопасности дорожного движения.

В настоящее время Российская Федерация занимает обособленное место среди рассмотренных стран, поскольку в России не используются представленные в статье превентивные меры управления ТС в состоянии опьянения [3]. Однако регистрируемые негативные тенденции в области безопасности дорожного движения, связанные с управлением ТС в нетрезвом виде, свидетельствуют о целесообразности разработки модели оказания медико-

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

психологической помощи водителям, ранее управлявшим ТС в состоянии опьянения и лишенным прав на период их реабилитации и оценки пригодности к вождению.

Литература

1. *Бедина И.А.* Особенности психических расстройств у женщин, подвергшихся воздействию стресса, вызванного террористическим актом (клинико-социальные аспекты): Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2008.
2. *Бедина И.А., Шпорт С.В.* Психические расстройства у женщин в чрезвычайных ситуациях // Психиатрия чрезвычайных ситуаций: руководство: В 2 т. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского», 2011. С. 234—247.
3. *Бурцев А.А.* Проблемы комплексной превенции управления транспортным средством в состоянии опьянения: организационно-правовые, медицинские и социально-психологические аспекты [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 4. С. 98—107. doi:10.17759/sps.2018090409
4. *Бурцев А.А., Баканов К.С., Бедина И.А.* Обзор мирового опыта допуска к управлению транспортными средствами (Германия) [Электронный ресурс] // Наркология. 2020. Том 19. № 4. С. 56—67. doi:10.25557/1682-8313.2020.04.56-67
5. *Бурцев А.А., Баканов К.С., Бедина И.А.* Обзор мирового опыта допуска к управлению транспортными средствами (Испания, Хорватия) [Электронный ресурс] // Наркология. 2020. Том 19. № 8. С. 56—63. doi:10.25557/1682-8313.2020.08.56-63
6. *Бурцев А.А., Баканов К.С., Бедина И.А.* Обзор мирового опыта допуска к управлению транспортными средствами (Финляндия, Китай, Беларусь) [Электронный ресурс] // Наркология. 2020. Том 19. № 12. С. 80—88. doi:10.25557/1682-8313.2020.12.80-88
7. *Бурцев А.А., Баканов К.С., Бедина И.А.* Обзор мирового опыта допуска к управлению транспортными средствами (Швейцария, США) [Электронный ресурс] // Наркология. 2020. Том 19. № 11. С. 91—102. doi:10.25557/1682-8313.2020.11.91-102
8. *Кочетова Т.В.* Международная научно-практическая конференция «Психология дорожного движения: вопросы теории и практики» [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 2. С. 160—163. doi:10.17759/sps.2017080212
9. *Макеева С.А., Кочетова Т.В.* Междисциплинарная модель поддержки и содействия развития «компетенции мобильности» в Европе [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 38—43. doi:10.17759/jmfp.2017060105
10. *Плотникова М.А.* Практико-ориентированные исследования психологии дорожного движения (по материалам зарубежных публикаций) [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 4. С. 108—118. doi:10.17759/sps.2018090410
11. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения Российской Федерации [Электронный ресурс] // Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
12. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018—2024 годы [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/31102/> (дата обращения: 26.12.2020).

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

13. *Alonso F., Pastor J., Montoro L., Esteban C.* Driving under the influence of alcohol: frequency, reasons, perceived risk and punishment [Электронный ресурс] // Substance Abuse Treatment Prevention and Policy. 2015. Mar 12;10:11. doi: 10.1186/s13011-015-0007-4
14. Assessment of personal resources for safe driving: the principles of medical psychological assessment in Germany / Brenner-Hartmann Ju. et al. Bonn: Kirschbaum Verlag GmbH, 2014. 100 p.
15. *Bjerre B, Laurell H.* The Swedish Alcohol Ignition Interlock Programme. Proceedings of the 15th International Conference on Alcohol, Drugs and Traffic Safety - T2000. Stockholm, Sweden, 2000.
16. *Carroll K.M., Kiluk B.D.* Cognitive behavioral interventions for alcohol and drug use disorders: Through the stage model and back again [Электронный ресурс] // Psychology of Addictive Behaviors. 2017. Vol. 31. No. 8. P. 847—861. doi:10.1037/adb0000311
17. *Corbett Cl.* The penalty points (demerit) system in the UK and Ireland // Fit to Drive: 4th International Traffic Expert Congress Tallinn. Bonn, 2009. P. 61—63.
18. Deutsche Gesellschaft für Verkehrspsychologie [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dgvp-verkehrspsychologie.de/> (дата обращения: 14.12.2020).
19. *De Young D.J.* An evaluation of the effectiveness of alcohol treatment driver license actions and jail terms in reducing drunk driving recidivism in California [Электронный ресурс] // Addiction. 1997. Vol. 92. No. 8. P. 989—997. doi:10.1111/J.1360-0443.1997.TB02978.X
20. *Distefano G., Hohman M.* The Paradigm Developmental Model of Treatment [Электронный ресурс] // Alcoholism Treatment Quarterly. 2007. Vol. 25. No. 3. P. 13—147, doi:10.1300/J020v25n03_10
21. *Fillmore M.T., Dyke N. van.* DUI offenders display reduced perception of intoxication and heightened impulsive choice in response to alcohol [Электронный ресурс] // Experimental and Clinical Psychopharmacology, 2019. Jul 8;10.1037/pha0000311. doi:10.1037/pha0000311
22. International commission for driver testing CIECA. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cieca.eu/> (дата обращения: 14.12.2020).
23. *Meinhard G.* “Klare Sicht...!?”: Evaluation der Wirksamkeit eines primärpräventiven Programmes zur Erhöhung der Verkehrssicherheit: Dissertation [Электронный ресурс]. Bonn, 2019 // Universitäts- und Landesbibliothek Bonn. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:hbz:5-55895> (дата обращения 14.12.2020).
24. *Michon J.* A critical review of driver behavior models: what do we know, what should we do // Human Behavior and Traffic safety. New York: Plenum Press, 1985. P. 475—524.
25. *Reilly K., Woodruff S., Hohman M., Barker M.* Gender differences in driving under the influence (DUI) program client characteristics: Implications for treatment delivery [Электронный ресурс] // Women Health. 2019. Vol. 59. No. 2. P. 132—144. doi:10.1080/03630242.2018.1434589
26. *Tornowsky A., Luczak A.* Fitted personality — beyond the traits // The proceedings of the 8th Fit to Drive International Traffic Experts Congress, Warsaw, May 8-9, 2014. Bonn: Kirschbaum Verlag, 2014. P. 16—18.

References

1. Bedina I.A. Osobennosti psikhicheskikh rasstroistv u zhenshchin, podverghshikhsya vozdeistviyu stressa, vyzvannogo terroristicheskim aktom (kliniko-sotsial'nye aspekty). Avtoref. diss. kand. med. nauk. Moscow, 2008. (In Russ.).

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

2. Bedina I.A., Shport S.V. Psikhicheskie rasstroistva u zhenshchin v chrezvychainykh situatsiyakh. V knige: Psikhatriya chrezvychainykh situatsii. Rukovodstvo: V 2 t. Moscow: FGBU “GNTsSSP im. V.P. Serbskogo” Publ., 2011, pp. 234—247. (In Russ.).
3. Burtsev A.A. Problemy kompleksnoi preventsii upravleniya transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya: organizatsionno-pravovye, meditsinskie i sotsial'no-psikhologicheskie aspekty [Comprehensive prevention issues of impaired driving:organizational, legal, medical and socio-psychological aspects] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 4, pp. 98—107. doi:10.17759/sps.2018090409 (In Russ.).
4. Burtsev A.A., Bakanov K.S., Bedina I.A. Obzor mirovogo opyta dopuska k upravleniyu transportnymi sredstvami (Germaniya) [A review of international experience of the admission to driving vehicles (Federal Republic of Germany)] [Elektronnyi resurs]. *Narkologiya = Narcology*, 2020. Vol.19, no. 4, pp. 56—67. doi:10.25557/1682-8313.2020.04.56-67 (In Russ.).
5. Burtsev A.A., Bakanov K.S., Bedina I.A. Obzor mirovogo opyta dopuska k upravleniyu transportnymi sredstvami (Ispaniya, Khorvatiya) [A review of international experience of the admission to driving vehicles (Kingdom of Spain, Republic of Croatia)] [Elektronnyi resurs]. *Narkologiya = Narcology*, 2020. Vol. 19, no. 8, pp. 56—63. doi:10.25557/1682-8313.2020.08.56-63 (In Russ.).
6. Burtsev A.A., Bakanov K.S., Bedina I.A. Obzor mirovogo opyta dopuska k upravleniyu transportnymi sredstvami (Finlyandiya, Kitai, Belarus') [A review of international experience of the admission to driving vehicles (Finland, China, Belarus)] [Elektronnyi resurs]. *Narkologiya = Narcology*, 2020. Vol. 19, no. 12, pp. 80—88. doi:10.25557/1682-8313.2020.12.80-88. (In Russ.).
7. Burtsev A.A., Bakanov K.S., Bedina I.A. Obzor mirovogo opyta dopuska k upravleniyu transportnymi sredstvami (Shveysariya, SShA) [A review of international experience of the admission to driving vehicles (Switzerland, The United States of America)] [Elektronnyi resurs]. *Narkologiya = Narcology*, 2020. Vol., no. 11, pp. 91—102. doi:10.25557/1682-8313.2020.11.91-102 (In Russ.).
8. Kochetova T.V. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Psikhologiya dorozhnogo dvizheniya: voprosy teorii i praktiki” [The International Scientific-Practical Conference “Traffic Psychology:Theory and Practice”] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 160—163. doi:10.17759/sps.2017080212 (In Russ.).
9. Makeeva S.A., Kochetova T.V. Mezhdistsiplinarnaya model' podderzhki i sodeistviya razvitiya “kompetentsii mobil'nosti” v Evrope [An interdisciplinary model to support and promote the development of “mobility competence” in Europe] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 1, pp. 38—43. doi:10.17759/jmfp.2017060105 (In Russ.).
10. Plotnikova M.A. Praktiko-orientirovannye issledovaniya psikhologii dorozhnogo dvizheniya (po materialam zarubezhnykh publikatsii) [Practice-oriented researches in the field of Traffic Psychology (according to foreign publications)] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 4, pp. 108—118. doi:10.17759/sps.2018090410 (In Russ.).
11. Svedeniya o pokazatelyakh sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs]. *Pokazateli sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya*. Available at: <http://stat.gibdd.ru> (Accessed 25.12.2020).

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

12. Strategiya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiiskoi Federatsii na 2018—2024 gody [Elektronnyi resurs]. *Pravitel'stvo Rossii = The Russian Government*. Available at: <http://government.ru/docs/31102/> (Accessed 26.12.2020). (In Russ.).
13. Alonso F., Pastor J., Montoro L., Esteban C. Driving under the influence of alcohol: frequency, reasons, perceived risk and punishment [Elektronnyi resurs]. *Substance Abuse Treatment Prevention and Policy*, 2015. Mar 12;10:11. doi:10.1186/s13011-015-0007-4
14. Brenner-Hartmann Ju. et al. Assessment of personal resources for safe driving: the principles of medical psychological assessment in Germany. Bonn: Kirschbaum Verlag GmbH, 2014. 100 p.
15. Bjerre B, Laurell H. The Swedish Alcohol Ignition Interlock Programme. Proceedings of the 15th International Conference on Alcohol, Drugs and Traffic Safety - T2000. Stockholm, Sweden, 2000.
16. Carroll K.M., Kiluk B.D. Cognitive behavioral interventions for alcohol and drug use disorders: Through the stage model and back again [Elektronnyi resurs]. *Psychol. Addict. Behav*, 2017. Vol. 31, no. 8, pp. 847—861. doi:10.1037/adb0000311
17. Corbett Cl. The penalty points (demerit) system in the UK and Ireland. *Fit to Drive: 4th International Traffic Expert Congress Tallinn*. Bonn, 2009, pp. 61—63.
18. Deutsche Gesellschaft für Verkehrspsychologie. Evrope [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.dgvp-verkehrspsychologie.de/> (Accessed 14.12.2020).
19. De Young D.J. An evaluation of the effectiveness of alcohol treatment driver license actions and jail terms in reducing drunk driving recidivism in California [Elektronnyi resurs]. *Addiction*, 1997. Vol. 92, no. 8, pp. 989—997. doi:10.1111/J.1360-0443.1997.TB02978.X
20. Distefano G., Hohman M. The Paradigm Developmental Model of Treatment. The Paradigm Developmental Model of Treatment [Elektronnyi resurs]. *Alcoholism Treatment Quarterly*, 2007. Vol. 25, no. 3, pp. 133—147. doi:10.1300/J020v25n03_10
21. Fillmore M.T., Dyke N. van. DUI offenders display reduced perception of intoxication and heightened impulsive choice in response to alcohol [Elektronnyi resurs]. *Experimental and Clinical Psychopharmacology*, 2019. Jul 8;10.1037/pha0000311. doi:10.1037/pha0000311
22. International commission for driver testing CIECA [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://www.cieca.eu/> (Accessed 14.01.2021).
23. Meinhard G. “Klare Sicht...!?”, Evaluation der Wirksamkeit eines primärpräventiven Programmes zur Erhöhung der Verkehrssicherheit: Dissertation [Elektronnyi resurs]. Bonn, 2019. Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:hbz:5-55895> (Accessed 14.12.2020).
24. Michon J. A critical review of driver behavior models: what do we know, what should we do. *Human Behavior and Traffic Safety*. New York: Plenum Press, 1985. P. 475—524.
25. Reilly K., Woodruff S., Hohman M., Barker M. Gender differences in driving under the influence (DUI) program client characteristics: Implications for treatment delivery [Elektronnyi resurs]. *Women Health*. 2019. Vol. 59, no. 2, pp. 132—144. doi:10.1080/03630242.2018.1434589
26. Tornowsky A., Luczak A. Fitted personality — beyond the traits. *The proceedings of the 8th Fit to Drive International Traffic Experts Congress, Warsaw, May 8-9, 2014*. Bonn: Kirschbaum Verlag, 2014, pp. 16—18.

Бедина И.А., Бурцев А.А., Кочетова Т.В.
Основные модели медико-психологической работы
по профилактике повторного управления
транспортным средством в состоянии опьянения
(международный опыт)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 2–14.

Bedina I.A., Burtsev A.A., Kochetova T.V.
Main Models of Medical and Psychological Work
for Prevention of Repeated Drunk Driving
(International Experience)

Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 2–14.

Информация об авторах

Бедина Инесса Александровна, кандидат медицинских наук, ученый секретарь, Московский научно-практический центр наркологии Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ «МНПЦ наркологии ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9040-2913>, e-mail: ibedina@mail.ru

Бурцев Александр Александрович, кандидат медицинских наук, заведующий, Референс-центр по мониторингу потребления психоактивных веществ (филиал), Московский научно-практический центр наркологии Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ «МНПЦ наркологии ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2710-1285>, e-mail: burtsev@mail.ru

Кочетова Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии управления, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovatv@gmail.com

Information about the authors

Inessa A. Bedina, PhD in Medicine, Scientific Secretary, Moscow Research and Practical Narcology Centre of the Department of Public Health, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9040-2913>, e-mail: ibedina@mail.ru

Alexander A. Burtsev, PhD in Medicine, Head, Reference Center for Monitoring Psychoactive Substance Consumption, Moscow Research and Practical Narcology Centre of the Department of Public Health, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2710-1285>, e-mail: burtsev@mail.ru

Tatyana V. Kochetova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Management Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0746-680X>, e-mail: kochetovatv@gmail.com

Получена 10.08.2021

Принята в печать 10.01.2022

Received 10.08.2021

Accepted 10.01.2022

Психологическая характеристика осужденных беременных женщин

Москвитина М.М.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>; e-mail: bovinbg@yandex.ru

Работа направлена на выявление психологических характеристик беременных женщин, осужденных к наказанию в виде лишения свободы. В частности, рассматривается их отношение к беременности, к будущему ребенку, к роли матери и материнству в целом. Представлены материалы эмпирического исследования, проведенного в 2020 г., полученные на выборке из 72 беременных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях и колониях поселений (участках колоний-поселений) ФСИН России. Исследовались социально-демографические и криминологические характеристики, а также их взаимосвязь с особенностями, выявленными в результате обработки психологических методик. Использовалась анкета, в которой отражались социально-демографические характеристики респондентов. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные характеристики заполнялись сотрудниками учреждений в анкете «Характеристика беременных осужденных женщин». Психологический аспект исследовался по таким методикам, как «Шкала материнской привязанности к ребенку в пренатальный период» Дж. Кондона, «Тест отношений беременной» И.В. Добрякова, «Методика диагностики самооценки психических состояний» Г. Айзенка, анкета «Моя беременность», рисуночный тест «Я и мой ребенок» Г.Г. Филипповой. На основе результатов исследования беременную можно отнести к одной из трех групп, требующих различной тактики проведения дородовой подготовки.

Ключевые слова: беременность, осужденные женщины, уголовно-исполнительная система, психологическая работа с осужденными, социально-демографические характеристики, криминологические характеристики, психологические характеристики, роль матери, переживание беременности, гестационная доминанта.

Для цитаты: Москвитина М.М., Бовин Б.Г. Психологическая характеристика осужденных беременных женщин [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 15—29. DOI:10.17759/psylaw.2022120102

Psychological Characteristics of Convicted Pregnant Women

Maria M. Moskvitina

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Boris G. Bovin

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>; e-mail: bovinbg@yandex.ru

The work is focused on revealing psychological characteristics of pregnant women condemned to prison sentence. Among other things, we studied their attitudes towards their pregnancy, the coming child, mother's role and motherhood in general. The materials presented are from an empirical study we carried out in 2020 on a sample of 72 pregnant women serving their prison sentences in penal colonies and open prisons of the Federal Penitentiary Service of Russia. Social and demographic as well as criminological parameters were studied along with their relationship with characteristics found through psychological methodologies. A questionnaire was used which reflected the respondents' sociodemographic characteristics. The data related to their criminal-law and correctional characteristics were filled in by the personnel in the questionnaire Characteristics of Convicted Pregnant Women. The psychological aspect was studied using the following: 1) Maternal-Foetal Attachment Scale by J. T. Condon; 2) Test of a Pregnant Woman's Attitudes by I.V. Dobryakov; 3) Methodology for Diagnostics of Psychic States by H.J. Eysenck; 4) My Pregnancy questionnaire; 5) "My Child and I" drawing test by G.G. Filippova. As the results of the study suggest, a pregnant woman can be put into one of three groups needing a specific approach for their prenatal preparation.

Keywords: pregnancy, convicted women, penal correction system, psychological work with convicts, social and demographic parameters, criminological parameters, psychological characteristics, mother's role, experiencing one's pregnancy, gestational dominant.

For citation: Moskvitina M.M., Bovin B.G. Psychological Characteristics of Convicted Pregnant Women. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 15–29. DOI:10.17759/psylaw.2022120102 (In Russ.).

В настоящее время в психологии разрабатывается феномен психологической готовности к материнству. Это лишь один из аспектов перинатальной психологии, которая определяется как область психологической науки, изучающая возникновение, динамику и особенности психологического и психического развития системы «Мать и дитя», закономерности самых ранних этапов онтогенеза человека от зачатия до первых лет жизни после рождения и его взаимодействие с матерью [2]. Исследователи нового направления в перинатальной психологии выделяют следующие три раздела этой науки: психология материнства; психология пренатального ребенка; психология новорожденного. Исследователи феномена материнской готовности отмечают ее сильное влияние на эмоциональное и социальное развитие ребенка после рождения [5]. М. Эйнсворт и Дж. Боулби в теории пренатальной привязанности утвер-

ждают, что отношения матери и ребенка начинаются задолго до рождения и влияют на отношение матери и ребенка в постнатальный период. Андре Бертин, президент французской национальной ассоциации пренатального воспитания отмечает, что ни в один из моментов своей дальнейшей жизни человек не развивается столь интенсивно, как в пренатальном периоде, начиная от клетки и превращаясь всего через несколько месяцев в совершенное существо, обладающее удивительными способностями и неугасимым стремлением к знанию [1]. В структуре пренатальной привязанности выделяются когнитивный, эмоциональный и поведенческий уровни, или компоненты. Когнитивный включает представление о плоде как будущей личности, эмоциональный — позитивные чувства по отношению к ребенку, поведенческий — взаимодействие, желание ухаживать, проявлять заботу о благополучии ребенка [5].

Наиболее актуальна в местах лишения свободы, в которых находятся беременные женщины, осужденные судом за совершенные преступления, проблема материнской привязанности.

В 2020 г. в исправительных учреждениях (далее — ИУ) содержались 72 беременные женщины, что составляет 0,23% от общего количества женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. 55,6% из них содержались в ИК и 44,4% — в колониях поселений (КП УКП).

Возраст осужденных варьировал от 18 до 44 лет. При этом наибольшую долю из них составили осужденные следующих возрастов: 21 год (7%), 23 года (8%), 30 лет (10%), 31 год (7%), 34 года (8%), 35 лет (7%). Все они имеют гражданство Российской Федерации.

71% женщин — не замужем, большая часть из них на момент осуждения сожительствовала с отцами их будущих детей. В официальном браке состояли 26% женщин от общего количества опрошенных; детей нет у 25% опрошенных, одного ребенка имеют 28% осужденных; двоих — 25%, троих — 12,5%, четверых и более — 9%; более четверти опрошенных женщин, имеющих детей (28%), лишены родительских прав, а 4% — ограничены в правах. Не совершеннолетние дети проживают у родственников, в детских домах, в центрах социальной помощи, в приемных семьях, у опекунов, а также в детских домах при исправительном учреждении.

Анализ данных об уровне образования беременных осужденных женщин показал, что 30% из них имеют среднее специальное, среднее и неоконченное среднее образование — 29% и 28% соответственно, женщин с высшим и неоконченным высшим образованием значительно меньше — 8% и 3% соответственно, 47% опрошенных женщин до осуждения работали. Получали образование только 3% респондентов, из которых половина получали среднее специальное образование.

Большинство опрошенных (33%) осуждены по ст. 228 УК РФ (наркотики). Остальные составы преступлений распределены следующим образом: по ст. 158 УК РФ осуждены за кражу 30,5%; по ст. 111 УК РФ, за умышленное нанесение тяжкого вреда здоровью — 10%; ст. 161 УК РФ (грабеж) — 8%; ст. 159 УК РФ (мошенничество) и ст. 157 УК РФ (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей) — 5,5%; ст. 105 УК РФ (умышленное убийство) — 4%; ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью) и ст. 160 УК РФ (растрата) — 3%. Приблизительно по 1% пришлось на следующие статьи: ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка), ст. 112 УК РФ (умышленное нанесение вреда здоровью средней тяжести), ст. 166 УК РФ (неправомерное завладение транспортным средством), ст. 264 УК РФ (нарушение ПДД (повлекшее причинение тяжкого вреда), ст. 314 УК РФ (уклонение от отбывания ограничений свободы), ст. 319 УК РФ (оскорбление представителей власти). Осужденная может отбывать наказание как по одной, так и по нескольким статьям одновременно.

Если классифицировать преступления по главам УК РФ, то их можно расположить в убывающий по частоте ряд: преступления против собственности — 43%; преступления против здоровья населения — 30%; преступления против жизни и здоровья личности — 16%; преступления против семьи и несовершеннолетних — 5%; преступления против правосудия — 5%; преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта — 1%.

Наиболее многочисленной является категория осужденных, чей срок отбывания наказания составляет до 2 лет — 28%, это в основном осужденные, отбывающие наказание в КП (УКП); столько же (28%) осужденных отбывают наказание со сроком от 2 до 4 лет; срок от 4 до 6 лет установлен для 7% осужденных женщин; от 6 до 8 лет — у 15% осужденных; срок от 8 до 10 лет имеют 10% женщин и свыше 10 лет — 3%. Многие из женщин были осуждены не первый раз. Судимыми однократно были только 24%, у остальных — от 2 до 4 судимостей. Практически все повторно осужденные имели предыдущие судимости по тем же статьям, что и на момент исследования.

Администрацией ИУ положительно характеризуются половина опрошенных беременных осужденных женщин (51%), нейтрально — 11%, отрицательно — 19%. Что касается остальных осужденных, то они находятся в карантине учреждения или поступили в учреждение относительно недавно, что не позволило оценить их поведение.

Участвуют в кружковой работе лишь 22% от общего количества беременных осужденных женщин. Они посещают следующие кружки: православный, художественная самодеятельность, садоводство и растениеводство, декоративно-прикладное творчество, «мастерица», театральный, «любитель книги», вязание, рукоделие, «волшебный клубок». Как видно из названий и направлений деятельности указанных кружков, занятия в них не связаны с активной деятельностью, требующей значительных физических усилий, и предполагают спокойное проведение времени.

У исследуемых осужденных наблюдаются разного рода зависимости и социально значимые заболевания. Так, зависимости имеет 29% осужденных. Из них 67% от общего числа зависимых имеют наркотическую зависимость, 29% — алкогольную, 5% зависимы от курения.

Лишь 4% осужденных стоят на профилактическом учете в связи со своей наркотической и алкогольной зависимостью. Многие из них стояли на учете и ранее, в наркологическом диспансере. Склонны к побегу 3% осужденных. Наиболее многочисленная группа женщин (11%) поставлены на профилактический учет как склонные к суициду и членовредительству. В связи с этим такие осужденные нуждаются в более пристальном внимании со стороны сотрудников администрации учреждения, медицинского персонала и психологов ИУ.

8% беременных женщин являются ВИЧ-положительными, а 12,5% человек страдают различными формами гепатита. При этом несколько женщин больны одновременно обоими заболеваниями.

Сроки беременности у опрошенных женщин варьировали от 9 до 40 недель. Наиболее распространенный срок беременности составлял 27—28 недель (6 месяцев). Осужденных с небольшим сроком беременности было меньше. Это связано с тем, что женщины не всегда сами знают о своей беременности или умышленно скрывают данный факт от администрации ИУ. Также нередко осужденные часть своего срока беременности проводят в следственном изоляторе.

32 осужденные (45%) отмечают, что их беременность была запланирована, аргументируя это тем, что «сильно хотелось ребенка», «было желание таким образом укрепить семью», «хотелось большую семью», «хотелось полноценную семью», «начать все сначала». Вместе с тем 40 осужденных (55%) подтверждают, что беременность была незапланированной. Тем не

менее, 53% от числа осужденных, беременность которых была незапланированной, находят аргументы в пользу сохранения беременности: «Бог дал», «это дар», «радость жизни», что свидетельствует о принятии ими беременности. Только две женщины заявляют, что беременность для них является не только незапланированной, но и нежеланной.

Абсолютное большинство (99%) подтвердили, что в случае прерывания беременности почувствовали бы сильную печаль. Все осужденные отнеслись к своим изменениям внешности спокойно.

Изучение привязанности осужденных к будущему ребенку по Шкале материнской привязанности к ребенку в пренатальный период Дж. Кондона показало, что большинство осужденных (83%) испытывали сильную привязанность к будущему ребенку. Умеренный уровень привязанности (16%) чаще встречается у женщин, имеющих плохое самочувствие и/или эмоциональное состояние во время беременности, небольшой срок беременности, а также отсутствие старших детей. Лишь в 1% случаев отмечена низкая привязанность к будущему ребенку, для них характерны: отсутствие брака, сожительство с отцом ребенка, неполная родительская семья, отсутствие старших детей, незапланированная и нежеланная беременность, низкая готовность к материнству, депрессивное эмоциональное состояние и плохое самочувствие, различные страхи и тревоги, связанные с родами. Рисунок «Я и мой ребенок», где изображена женщина с коляской, лишь подтверждает психологическую неготовность к материнству (рис. 1).

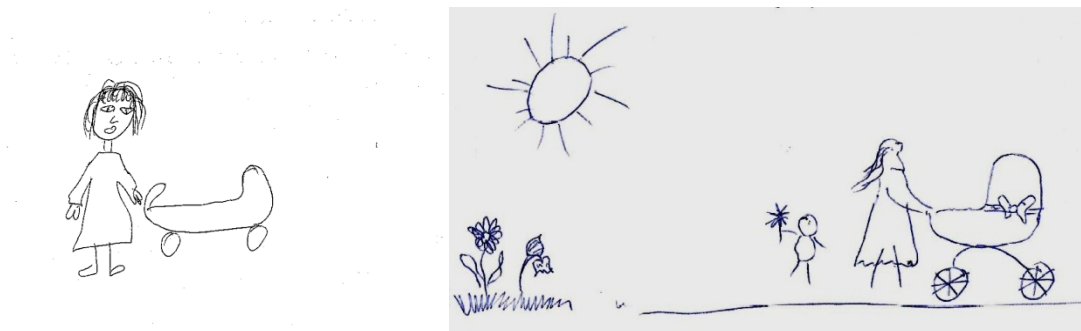


Рис. 1. Рисунок осужденной «Я и мой ребенок».

При этом подобные изображения рисуют и другие осужденные с более высокой привязанностью. Стоит отметить, что «мама с коляской» является часто встречающейся ассоциацией, вызванной заданием нарисовать рисунок на данную тему. Проективная методика Г.Г. Филипповой «Я и мой ребенок» является довольно эффективным тестом для выявления особенностей отношения женщины к ситуации материнства, ценности ребенка для матери, представления о себе в роли матери, особенностей восприятия ребенка. С помощью данной методики диагностируются стиль переживания беременности, отношение к ребенку, стиль материнского отношения, ценность ребенка, взаимодействие этой ценности с другими, актуальными для матери.

Для первого триместра беременности в рисуночном тесте нормальными являются незначительные симптомы тревожности, неуверенности в себе, конфликтности. Выраженное проявление этих качеств и устойчивое их сохранение во втором и третьем триместрах отражают неблагополучие в отношении к беременности и к материнству. Наиболее диагностически значимыми являются следующие особенности рисунка: отсутствие на рисунке себя; отсутствие на рисунке ребенка; замена образа себя или ребенка на символ, растение, животное;

«спрятанность» ребенка в коляске, кроватке, животе матери; изоляция ребенка; пространственная дистанция между матерью и ребенком.

Существует четыре симптомокомплекса, характеризующиеся проявлением в рисунке «Я и мой ребенок» переживания женщиной беременности и ситуации формирования материнской привязанности.

1. Благоприятная ситуация. Наличие себя и ребенка на рисунке, отсутствие их замен; соразмерность фигур; дополнительные предметы и детали одежды, не составляющие главную часть рисунка; наличие совместной деятельности матери и ребенка, наличие телесного контакта; ребенок не спрятан (в коляске, кроватке, животе матери) и не изолирован (ребенок, завернутый в пеленки с прорисованным лицом — нормальный признак); прорисовка лица ребенка; изображение всех фигур лицом к зрителю; приближение возраста ребенка к младенческому прогрессивно с первого к третьему триместру, после родов — ребенок в нормальном возрасте.

Благоприятный симптомокомплекс был выявлен по данной методике лишь у 10 осужденных (14%). Притом не наблюдается никакой связи с социально-демографической или уголовно-правовой характеристикой. Ниже представлены рисунки осужденных, наиболее ярко отражающие перечисленные факторы (рис. 2).



Рис. 2. Благоприятные рисунки «Я и мой ребенок», нарисованные беременными осужденными женщинами

2. Незначительные симптомы тревоги, неуверенности, конфликтности. Наличие себя и ребенка на рисунке, отсутствие их замен; несоизмерная фигура ребенка, наличие других людей; большое количество других предметов, их неадекватные размеры; нахождение ребенка в коляске или в другом подвижном объекте, при этом наличие контакта (мать держит ребенка за руку или за деталь объекта, в котором расположен ребенок); фигура и лицо ребенка прорисованы; все фигуры лицом к зрителю или в профиль; совместная деятельность может отсутствовать; возраст ребенка — в пределах раннего, к концу родов приближается к младенческому, после родов — ребенок в настоящем возрасте.

Незначительные симптомы тревоги наблюдаются у 3 осужденных (4%). Как и в предыдущем случае, отсутствует связь с социально-демографическими и уголовно-правовыми характеристиками. Ниже представлен рисунок, отражающий симптомы легкой тревоги (рис. 3).



Рис. 3. Рисунок беременной осужденной женщины с признаками незначительной тревоги

3. Тревога и неуверенность в себе. Наличие себя и ребенка на рисунке, без их замен; несоизмерная фигура ребенка; большое количество дополнительных объектов; тщательная прорисовка деталей; недостаточная прорисовка фигур и лиц себя и ребенка; схематизация; отсутствие совместной деятельности; контакт с ребенком по типу 1 и 2 или наличие формального контакта без телесного прикосновения; наличие на рисунке нескольких членов семьи, своей матери; большое количество дополнительных предметов, их неадекватно большие размеры; возраст ребенка — дошкольный, к концу беременности приближается к раннему и младенческому, после родов — ребенок в настоящем возрасте.

В данную группу попадает большая часть осужденных (35 человек — 49%). Дистанция встречается в 30 случаях (42%), в 13 случаях (18%) ребенок уже подросток. Лишь в 2 случаях (3%) изображена мама, держащая коляску с прорисованным ребенком. Ниже представлен вариант рисунка с признаками тревоги и неуверенности в себе (рис. 4).



Рис. 4. Рисунки беременных осужденных женщин «Я и мой ребенок», демонстрирующие тревогу и неуверенность в себе

4. Конфликт с беременностью или ситуацией материнства. Отсутствие на рисунке себя и/или ребенка, замена образа ребенка и/или себя; отсутствие совместной деятельности и контакта с ребенком; «спрятанность» ребенка (в пеленках, коляске, кроватке, животе матери); изоляция ребенка (в коляске, кроватке, на коврике, на качелях и т. п.); большая пространственная дистанция между фигурами матери и ребенка; фигуры, изображенные со спины; отсутствие у фигур лица, реже — тела; большое количество дополнительных предметов, их неадекватно большие размеры; возраст ребенка — дошкольный, реже — ранний, к концу беременности не снижается или даже увеличивается, после родов — ребенок более старшего, реже — более младшего возраста, чем в настоящем.

Данный симптомокомплекс был диагностирован у 24 женщин (33%). Содержания рисунков варьируются от полной изоляции ребенка до абстракций, где невозможно проследить даже образов, намекающих на мать и ребенка. Итак, ребенок полностью скрыт — 6 случаев (8%); отсутствие на рисунке матери — 5 случаев (7%); замена образов — 13 случаев (18%); нет образов матери и ребенка — 5 случаев (7%). Интересно отметить, что в 2 случаях (3%) с детьми были изображены отцы при отсутствии на рисунках матери. Ниже приведены яркие примеры конфликта с беременностью или ситуацией материнства: вверху слева — отсутствие образов матери и ребенка; вверху справа — замена образов; посередине слева — отсутствие матери; посередине справа — ребенок полностью скрыт; внизу слева — полная изоляция ребенка в другой комнате; внизу справа — абстракция без лиц, ребенок повернут к матери спиной, при этом подпись гласит «Мы вместе всегда рядом» (рис. 5).



Рис. 5. Рисунки беременных осужденных женщин, демонстрирующие наличие конфликта с беременностью или ситуацией материнства

Наиболее часто встречающиеся рисунки: мама с младенцем на руках — 15 случаев (21%); мама с коляской — 14 случаев (19%); мама (и другие члены семьи) с подросшим ребенком — 13 случаев (18%); замена образов на цветочки/сердечки — 13 случаев (18%); вся большая семья с отцом, детьми и домашними животными — 7 случаев (10%).

Для изучения отношения к своей беременности, образу жизни, родам др. использовался «Тест отношений беременной И.В. Добрякова», построенный на основе теории психологии отношений В.Н. Мясищева, позволяющей рассматривать беременность через призму единства организма и личности. Благодаря этому появилась возможность проанализировать: отношение женщины к себе беременной (беременность; образ жизни; роды), отношение женщины в формирующейся системе «мать—дитя» (я-мать; ребенок; грудное вскармливание), отношение беременной женщины к тому, как к ней относятся окружающие (муж; родственни-

ки и близкие; посторонние). Тест позволяет определить пять различных типов психологического компонента гестационной доминанты (далее — ПКГД).

1. Оптимальный тип — характеризуется адекватным отношением женщины к происходящим в ней изменениям, к предстоящим трудностям, высокой степенью ответственности будущей мамы за свое дитя.

2. Гипогестогнозический тип — характеризуется недооцениванием важности и серьезности происходящего. Женщины, имеющие данный тип ПКГД, не склонны менять жизненный стереотип. После родов у них часто отмечается гипогалактия. Уход за детьми, как правило, передоверяется другим лицам (бабушкам, няням), так как сами матери очень заняты. Нередко этот тип ПКГД встречается у многодетных матерей.

3. Эйфорический тип — характеризуется преобладанием повышенного настроения, уверенностью в благополучном родоразрешении, легковесностью и непониманием своей новой роли сейчас и в ближайшем будущем. Беременность может быть очень желанной, однако, убедившись, что зачатие произошло, «беспечная женщина» добровольно одевает «розовые» очки. Если возникают какие-то осложнения беременности, то они застают женщин врасплох, их тяжесть преувеличивается. Эти женщины претенциозны, требуют от окружающих повышенного внимания.

4. Тревожный тип — характеризуется повышенной тревожностью, которая определяет все поведение женщины, может быть вполне объяснимой, связанной с семейными неурядицами, состоянием здоровья, бытовыми трудностями и т. п. Гестационная доминанта подавляется доминантой нерешенных социальных проблем, бытовыми трудностями, состоянием здоровья и др. Подобная доминанта в результате выброса материнских гормонов может наносить серьезный вред ребенку

5. Депрессивный тип — предполагает максимальную выраженность тревожных состояний, что, в свою очередь, может привести к развитию невротических реакций. Могут обнаруживаться бредовые, ипохондрические идеи, идеи самоуничтожения, намерения «освободиться от ребенка» [7]

Данный тест используется как для исследований, так и в практической работе. На основе результатов исследования беременную можно отнести к одной из трех групп, требующих различной тактики проведения дородовой подготовки. Первая группа включает в себя практически здоровых беременных женщин, находящихся в состоянии психологического комфорта, имеющих оптимальный тип ПКГД. Вторая группа может быть названа «группой риска». В нее следует включать женщин, имеющих эйфорический, гипогестогнозический, иногда тревожный тип ПКГД. У них отмечается повышенная вероятность развития нервно-психических нарушений, соматических заболеваний или обострения хронических расстройств. Третья группа состоит из женщин, также имеющих гипогестогнозический и тревожный типы ПКГД, но выраженность их клинических проявлений значительно больше, чем у представительниц второй группы. Сюда следует включать всех, имеющих депрессивный тип ПКГД. Многие беременные женщины из этой группы обнаруживают нервно-психические расстройства различной степени тяжести и нуждаются в индивидуальном наблюдении и углубленной работе с психологом, а также, вероятно, в лечении у психиатра.

Результаты нашего исследования показали, что преимущественно депрессивные компоненты встречаются по отношению к родам и ребенку в 5% случаев; по отношению к грудному вскармливанию и отношению к себе со стороны близких и родственников — в 10%. В частности, некоторые из таких женщин в методике диагностики пренатальной привязанности сообщали, что переживают, что им может что-то не понравится во внешности новорожден-

ного. Нужно отметить тот положительный момент, что доминирующего депрессивного типа ни у одной из осужденных выявлено не было.

Тревожное отношение к образу жизни встречается в 25% случаев, что не удивительно, так как женщины находятся в ситуации лишения свободы. Тревожное отношение к родам встречается в 20% случаев. Впрочем, многие испытывают тревогу относительно этого процесса и вне исправительных учреждений. 15% осужденных тревожатся по поводу своего отношения к ребенку. Причем нет особой закономерности, ведь среди этих женщин были как бездетные, так и многодетные, как молодые, так и довольно зрелые. 10% осужденных испытывают тревожные переживания, связанные с отношениями к ним посторонних людей. Вероятно, это вновь связано с ситуацией отбывания наказания. И 5% осужденных тревожатся относительно отношений к себе со стороны близких. В данном случае можно сформировать образ такой осужденной: зрелая незамужняя женщина со старшим ребенком, проживающим у родственников, со сроком наказания более трех лет. Возможно, данную категорию женщин пугает тот факт, что их будущий ребенок снова ляжет на плечи родственников, пока она будет находиться в исправительном учреждении. Как и в случае с депрессивным типом ПКГД, тревожный тип ни в одном из случаев не является доминантным, и у одной осужденной тревога может проявляться в не более трех рассматриваемых в тесте аспектах.

Наиболее часто ответы по гипогестогнозическому типу встречаются по отношению к грудному вскармливанию: 30% респондентов не думают о грудном вскармливании. 15% осужденных недооценивают важность и серьезность своей беременности. 10% женщин не интересуются, что скажут их родственники и близкие по поводу их беременности. Как и в случае тревожного типа ответов по вопросам об отношениях к близким, к этим 10% относятся незамужние женщины, имеющие старших детей, проживающих у родственников. 5% осужденных дают гипогестогнозический тип ответов про отношения к ним мужа (отца ребенка). И 5% недооценивают серьезность процесса родов. Ни у одной из опрошенных осужденных не было выявлено доминирующего гипогестогнозического типа ПКГД (не более 3 ответов у 1 испытуемой).

Заметно чаще у осужденных встречаются ответы по эйфорическому типу. В 10% случаев эйфорический тип ПКГД является доминирующим, а в 35% случаев по данному типу дается 4 ответа из 9. Наиболее часто (60%) подобное отношение складывается относительно образа себя-матери; 55% — к беременности; 45% — по отношению к ребенку; 40% — по отношению к посторонним. Можно предположить, что в виду невозможности в ближайшее время изменить свое местонахождение, наиболее адаптивные осужденные начинают положительно и/или эйфорически относиться к окружающим в целях сохранения собственного эмоционального благополучия.

Самым распространенным, он же считается самым благоприятным, является оптимальный тип ПКГД. В 30% случаев он является доминирующим. Также в 30% случаев подобным образом респонденты отвечают на 4 вопроса из 9. Как ни странно, наиболее часто «оптимальные» ответы дают осужденные относительно их образа жизни (70%). Беременность не заставила их существенно изменить образ жизни, но они стали себя кое в чем ограничивать. Исходя из того, что они находятся в местах лишения свободы, они действительно не могут как-то значительно изменить образ своей жизни, что вполне оправдывает столь высокий процент ответов по данному вопросу. 60% опрошенных считают, что муж/отец ребенка стал к ним относиться внимательнее и теплее. Насколько возможно это было проследить, большинство женщин, давших подобный ответ, либо находятся в официальном браке, либо сожительствовали с отцом ребенка до осуждения. 50% осужденных проявили оптимальное отношение к

близким, родственникам и посторонним, 45% — к родам. Практически все респонденты, давшие ответ по оптимальному типу ПКГД относительно родов, уже имеют старших детей. Наименьшее количество «оптимальных» ответов получило отношение к грудному вскармливанию (20%). Стоит отметить, что грудное вскармливание среди других рассмотренных аспектов в принципе имеет самое большое разнообразие по типам ПКГД.

Притом у 60% осужденных ни по какому типу нет преобладающих баллов ПКГД. Это говорит о том, что многие подсистемы ПКГД у них нуждаются в коррекции. Для наглядности представим диаграмму, демонстрирующую один из наиболее благоприятных типов, встречающихся у беременных осужденных женщин (рис. 6).

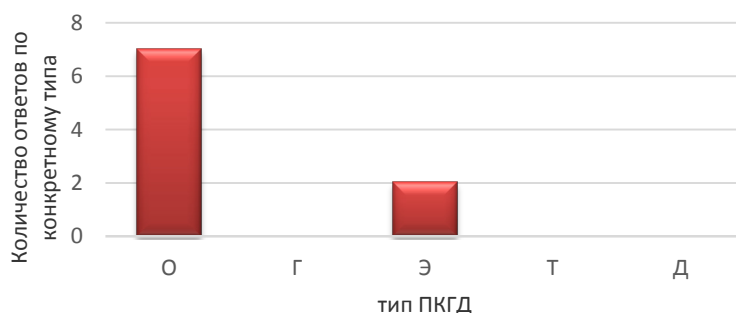


Рис. 6. Оптимальный тип психологического компонента гестационной доминанты диагностирован как определяющий у одной из осужденных

Наиболее неблагоприятно выглядит гистограмма осужденной, беременность которой незапланирована и нежеланна. Ее эмоциональное и физическое состояние во время беременности она описывала как ужасное, а рисунок «Я и мой ребенок» отображает конфликт с беременностью или ситуацией материнства (рис. 7).

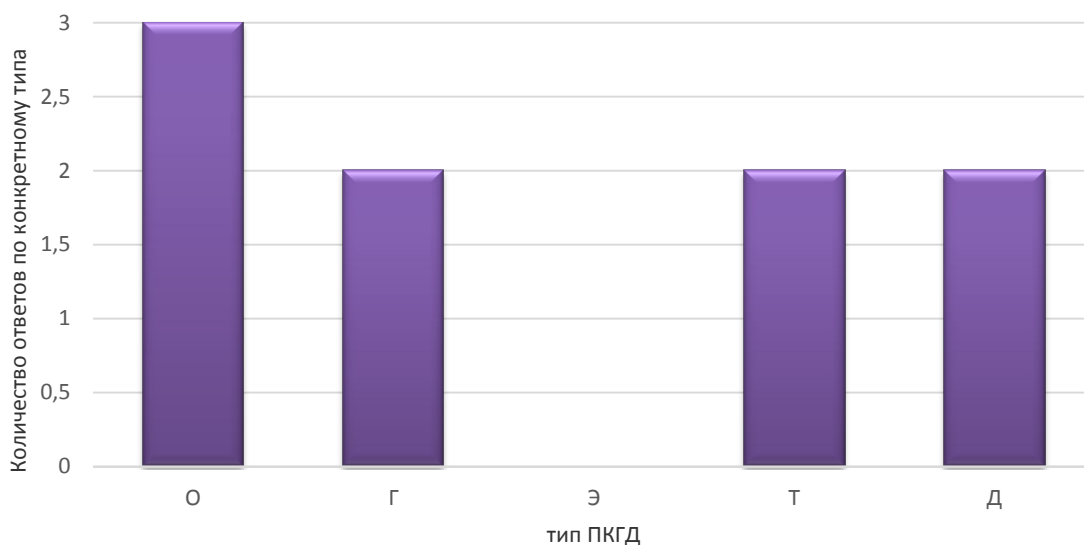


Рис. 7. Не диагностирован ни один из типов психологического компонента гестационной доминанты как определяющий у одной из осужденных

Примечательно, что результаты Теста отношений беременной зачастую сочетались с проективной методикой «Я и мой ребенок». Так, у 83% респондентов, у которых оптимальный тип ПКГД был определяющим, рисунки носили благоприятный характер или были с признаками легкой тревоги. У оставшихся 17% рисунки отражали тревогу и неуверенность в себе. В 100% случаях осужденные с доминирующим эйфорическим типом ПКГД на рисунках демонстрируют тревожность и неуверенность в себе. Дети у них часто изображены дошкольного возраста, в 50% случаев имеется дистанция.

Осужденные беременные женщины в силу своего положения несколько отличаются от остальных осужденных, в связи с чем проводимая с ними воспитательная и психологическая работа имеет некоторые особенности.

Как и со всеми осужденными, работа сотрудников администрации исправительных учреждений с рассматриваемой категорией осужденных начинается сразу после поступления в учреждение, в карантинном отделении. Сотрудники воспитательной, социальной и психологических служб учреждения проводят воспитательную работу и психологическое сопровождение осужденных беременных женщин с учетом их положения. На основном этапе отбывания наказания с рассматриваемой категорией осужденных проводятся мероприятия психолого-просветительского характера. В частности, психолог читает лекции и проводит беседы. Работа с осужденными беременными женщинами, как и с другими осужденными, содержащимися в учреждении, проводится в индивидуальной и групповой формах. Психологическая работа проводится только с согласия осужденных и в тесном взаимодействии с ними. Так, совместно с осужденными определяются конкретные формы поведения, которые помогают смягчить дезадаптивные состояния, связанные с изоляцией, обеспечить контроль эмоциональных реакций в психотравмирующих ситуациях, ненормированных кризисах (потери, конфликты и др.); проводится профилактика деструктивных состояний и деструктивных явлений (психопрофилактическая групповая работа), обучение бесконфликтному общению, формирование положительных установок в отношении основных средств исправления и ресоциализации, формирование психологической готовности для позитивных личностных изменений, формирование мотивации на здоровье сберегающее для себя и для окружающих поведение. Поощряется проявление положительных качеств в общении с окружающими, дружелюбности и тактичности.

Психологом проводятся консультации, направленные на сохранение беременности, где рассматриваются аргументы против абортов — медицинские, социальные и этические; беременные предупреждаются о возможном «постабортном синдроме». Проводится психопрофилактическая работа с целью коррекции детско-родительских отношений по программе активации позитивного мышления. В результате должно формироваться осознание и принятие своего нового статуса (ожидание ребенка).

Говоря об индивидуальной психологической работе с осужденными беременными женщинами, необходимо обратить внимание на занятия, направленные на снятие тревожности и эмоционального напряжения, индивидуальные консультации по вопросам, которые беспокоят осужденных женщин в связи с беременностью. При консультации делается акцент на адаптацию к новому образу жизни, формирование своего нового образа как матери.

При рассмотрении форм работы, проводимой с исследуемой категорией осужденных, необходимо отметить, что большая ее часть проводится психологом, однако в ней участвуют и сотрудники других подразделений и служб исправительного учреждения.

Подводя итоги анализа воспитательной и психологической работы с осужденными беременными женщинами, можно сказать, что основную ее часть составляет работа психолога. Это связано, прежде всего, с особым положением представителей рассматриваемой категории осужденных — беременностью. При этом психологическая работа направлена не только на коррекцию личностных особенностей осужденных, выявленных по результатам диагностического обследования, но и на осознание осужденными своего положения и формирование роли матери, положительного отношения к будущему ребенку [6].

Литература

1. Бертин А. Воспитание в утробе матери, или Рассказ об упущенных возможностях. СПб: Жизнь, 1992. 32 с.
2. Добряков И.В. Перинатальная психология. СПб: Питер, 2010. 272 с.
3. Забродин Ю.М., Метелькова Е.И., Рубцов В.В. Концепция и организационно-структурные модели психологической службы образования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 3. С. 1—15. doi:10.17759/psyedu.2016080301
4. Кельмансон И.А. Перинатология и перинатальная психология. СПб: СпецЛит, 2015. 343 с.
5. Савеньшиева С.С. Перинатальная привязанность: понятие, структура, детерминанты // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 1 (62). С. 243—248.
6. Трифонов С.С., Москвитина М.М. Воспитательные и психологические мероприятия, проводимые с осужденными беременными женщинами [Электронный ресурс] // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3. С. 228—229. doi:10.24411/2073-3305-2020-10186
7. Хазова С.А., Золотова И.А. Особенности гестационной доминанты женщин, не встающих на учет по беременности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2009. Том 15. № 5. С. 200—205.
8. Blair C. How similar are fluid cognition and general intelligence? A developmental neuroscience perspective on fluid cognition as an aspect of human cognitive ability // Behavioral Brain Science. 2006. Vol. 29. No. 2. P. 109—125. doi:10.1017/S0140525X06009034

References

1. Bertin A. Vospitaniye v utrobe materi ili rasskaz ob upushchennykh vozmozhnostyakh [Raising in the womb or a story about missed opportunities]. Saint Petersburg: Life, 1992. 32 p. (In Russ.).
2. Dobryakov I.V. Perinatal'naya psikhologiya. Saint Petersburg: Piter, 2010. 272 p. (In Russ.).
3. Zabrodin Yu.M., Metel'kova E.I., Rubtsov V.V. Kontseptsiya i organizatsionno-strukturnye modeli psikhologicheskoi sluzhby obrazovaniya [Conception and Organizational and Structural Models of Psychological Service in Education] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2016. Vol. 8, no. 3, pp. 1—15. doi:10.17759/psyedu.2016080301. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Kelmanson I.A. Perinatologiya i perinatal'naya psikhologiya [Perinatology and perinatal psychology]. Saint Petersburg: SpetsLit., 2015. 343 p. (In Russ.).
5. Savenysheva S.S. Perinatal'naya privyazannost': ponyatiye, struktura, determinanty [Perinatal attachment: concept, structure, determinants]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education*, 2017, no. 1 (62), pp. 243—248. (In Russ.).

Москвитина М.М., Бовин Б.Г.
Психологическая характеристика
осужденных беременных женщин
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 15–29.

Moskvitina M.M., Bovin B.G.
Psychological Characteristics
of Convicted Pregnant Women
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 15–29.

6. Trifonov S.S., Moskvitina M.M. Vospitatel'nyye i psikhologicheskiye meropriyatiya, provodimyue s osuzhdennymi beremennymi zhenshchinami [Educational and psychological activities for convicted pregnant women] [Elektronnyi resurs]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnyye kadry = Education. Science. Scientific Personnel*, 2020, no 3, pp. 228—229. doi:10.24411/2073-3305-2020-10186 (In Russ.).
7. Khazova S.A., Zolotova I.A. Osobnosti gestatsionnoy dominanty zhenshchin, ne vstayushchikh na uchet po beremennosti [Features of the gestational dominance of women who are not registered for pregnancy]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology Sociokinetics*, 2009. Vol. 15, no. 5, pp. 200—205. (In Russ.).
8. Blair C. How similar are fluid cognition and general intelligence? A developmental neuroscience perspective on fluid cognition as an aspect of human cognitive ability. *Behavioral Brain Science*, 2006. Vol. 29, no. 2, pp. 109—125. doi:10.1017/S01405 25X06009034

Информация об авторах

Москвитина Мария Михайловна, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>; e-mail: bovinbg@yandex.ru

Information about the authors

Maria M. Moskvitina, Researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Docent, Leading Researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Получена 07.12.2021
Принята в печать 08.02.2022

Received 07.12.2021
Accepted 08.02.2022

Участие психолога в принятии решения о рекомендации осужденного к условно-досрочному освобождению

Мельникова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

В теоретической части представленной работы описываются основные нормативно-правовые документы, регламентирующие процесс условно-досрочного освобождения осужденных. На основе проведенного анализа зарубежной и отечественной научной литературы выявлены и описаны основные критерии, учитываемые при принятии решения о рекомендации осужденных к условно-досрочному освобождению и основные проблемы практики применения условно-досрочного освобождения. Посредством эмпирического анализа (при помощи контент-анализа и статистической обработки имеющихся данных были проанализированы основные результаты работы психологической службы с 46 обследуемыми) выделены и описаны основные виды психологической работы, проводимые с осужденными в исправительных учреждениях, выявлены основные критерии принятия решений о рекомендации (констатирующего и прогностического характера) к условно-досрочному освобождению осужденных сотрудниками психологической службы. Также на основе проведенного теоретического и эмпирического анализа мы обобщаем рекомендации учет которых, на наш взгляд, может повысить имеющуюся эффективность практики применения условно-досрочного освобождения.

Ключевые слова: пенитенциарная психология, условно-досрочное освобождение, осужденный, критерии исправления, факторы риска, рецидив, ресоциализация, психологическая помощь.

Для цитаты: Мельникова Д.В. Участие психолога в принятии решения о рекомендации осужденного к условно-досрочному освобождению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 30—43. DOI:10.17759/psylaw.2022120103

Psychologist's Participation in Deciding whether to Recommend a Convict for a Conditional Release

Daria V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

The theoretical part of this work describes main legal normative documents which regulate the process of conditional release of convicts. Based on the analysis which was carried out on a number of foreign and domestic scientific publications, the author identified and described the main criteria taken into account in making a decision whether to recommend a convict for a conditional release as well as the major challenges in implementing conditional release. Using empirical analysis (content analysis and statistical data processing was performed on the key work results of a psychological service unit with 46 subjects), we isolated and described the main types of psychological work carried out with convicts in correctional facilities. We also formulated major criteria for the psychological service experts to make decisions (of indicative and prognostic character) as to whether to recommend a convict for paroling. From the theoretical and empirical analysis we distil certain recommendations whose further research and consideration might (in our opinion) improve the efficiency of conditional release implementation.

Keywords: penitentiary psychology, conditional release, release on parole, convict, correction criteria, risk factors, repetition of a crime, re-socialization, psychological support.

For citation: Melnikova D.V. Psychologist's Participation in Deciding whether to Recommend a Convict for a Conditional Release. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 30–43. DOI:10.17759/psylaw.2022120103 (In Russ.).

Введение

Ранее психолог не привлекался к решению вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного. Сейчас такая практика распространена в большей степени. Условно-досрочное освобождение, согласно законодательству Российской Федерации, становится возможным в случае, если будет установлено, что срок, который отбыл осужденный на данный момент, был достаточным для его исправления и необходимости в отбывании оставшейся части срока нет. Традиционно в России и за рубежом существуют две парадигмы решения вопроса о рекомендации к условно-досрочному освобождению. Первая связана с оценкой исправления осужденного, вторая — с оценкой факторов риска повторного правонарушения. При этом в настоящий момент идет курс на применение обеих парадигм параллельно, и целесообразным становится определение критериев оценки, как степени исправления осужденного, так и факторов риска повторного правонарушения.

Объектом нашего исследования стал психологический аспект правоприменительной практики условно-досрочного освобождения. Предметом исследования являются критерии, лежащие в основе принятия решения в отношении условно-досрочного освобождения осужденных психологами исправительного учреждения, с учетом проведенной ими работы. Таким образом, целью исследования стало выявление особенностей участия пенитенциарных психологов в принятии решения о рекомендации осужденного к условно-досрочному освобождению. Гипотезой исследования стало предположение о том, что существуют различия между осужденными, рекомендованными и не рекомендованными к УДО, по соответствующим психологическим, социально-демографическим, криминологическим критериям.

Нормативно-правовые основания условно-досрочного освобождения

Основными нормативно-правовыми документами, регламентирующими процесс условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в Российской Федерации, являются:

- Уголовный кодекс Российской Федерации (статья 79) [17];

- Уголовно-исполнительный кодекс РФ (часть 1 статьи 175) [16];
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [13].

Порядок обращения с ходатайством и направление представления об освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания обозначены в статье 175 уголовно-исполнительного кодекса.

Статья 79 УК РФ разъясняет условия рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного. Обозначим ключевые для настоящего исследования процессуальные и социально-психологические условия указанной выше статьи.

Процессуальные условия:

- 1) решение в отношении освобождения осужденного условно-досрочно принимается судом;
- 2) рассмотрение вопроса об условно-досрочном освобождении становится возможным только в случае, если осужденным отбита соответствующая тяжести доля назначенного срока за совершенное преступление;
- 3) если в течении оставшейся части назначенного судом срока отбывания наказания совершаются нарушения, предусмотренные пунктом 7 статьи 79 УК РФ, судом может быть принято решение об отмене условно-досрочного освобождения.

Применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного обязанности, предусмотренные частью пятой статьи 73 настоящего Кодекса, которые должны им исполняться в течение оставшейся не отбытой части наказания.

Социально-психологические условия

1. Суд, принимая решение об освобождении осужденного условно-досрочно, должен установить, что срок, который отбыл осужденный на данный момент, был достаточным для его исправления и необходимости в отбывании оставшейся части срока нет.
2. В процессе рассмотрения судом вопроса об условно-досрочном освобождении устанавливается, что осужденный частично или полностью возместил вред/ущерб, причиненный совершенным правонарушением. С.П. Шумаков, анализируя данный вопрос, делает предположение о том, что учет факта возмещения ущерба необходим, как один из основных факторов для принятия решения о возможности условно-досрочного освобождения [19].
3. Учитываются особенности поведения осужденного за весь отбытый в исправительном учреждении на данный момент период.
4. Учитываются особенности отношения к труду и учебе.
5. Особое внимание уделяется учету поощрений и взысканий и их содержательной характеристике.
6. Отношение к совершенному правонарушению.

Со стороны администрации исправительного учреждения подается заключение о целесообразности условно-досрочного освобождения осужденного.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», даны разъяснения по особенностям применения законодательства об условно-досрочном освобождении от наказания. Перечислим ряд вопросов, которые становятся важными с психологической точки зрения (исключая вопросы, которые были рассмотрены выше):

- 1) в процессе принятия решения о возможности условно-досрочного освобождения рекомендуется применять индивидуальный подход к каждому случаю;
- 2) такие факты, как наличие предыдущей судимости, мягкость изначально назначенного наказания, непризнание вины, не могут стать основанием для отказа в условно-досрочном освобождении;
- 3) тяжесть совершенного преступления также не может быть основанием для отказа в условно-досрочном освобождении, данный фактор влияет только на определение доли срока, по истечению которого осужденный может претендовать на условно-досрочное освобождение;
- 4) учитываемые судом в процессе принятия решения об условно-досрочном освобождении взыскания, применяемые в процессе отбывания наказания к осужденному, не могут являться причиной для отказа в условно-досрочном освобождении, поскольку необходим подробный содержательный анализ данного факта.

Также мы считаем важным обратить внимание на формулировку, которая встречается в минимальных стандартных правилах в отношении обращения с заключенными [9], которые очерчивают основные общепринятые достижения в исследованиях и практике обращения с заключенными. Целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является, в конечном счете, защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Поставленная цель становится достижимой только при условии готовности правонарушителя к жизни на свободе.

Таким образом, основные нормативно-правовые акты, а именно: Уголовный кодекс Российской Федерации, статья 79; уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, статья 175 часть 1; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания». Однако важной проблемой становится вопрос трактовки законодательных актов и критериев, которые ложатся в основу принятия решения об условно-досрочном освобождении.

Практика условно-досрочного освобождения. Критерии принятия решения о рекомендации к условно-досрочному освобождению

Как отмечает М.Г. Дебольский [5; 6], несмотря на то, что в уголовно-исполнительном законодательстве России, как мы выше отмечали, главный критерий (основание) УДО — исправление осужденных, большинство граждан и сотрудников УИС, в том числе за рубежом, полагают, что в качестве критерия для рекомендации осужденного к УДО необходимо также учитывать вероятность повторных правонарушений со стороны осужденного. Поэтому проблема перемещается в плоскость того, какие критерии (показатели) должны быть положены в основу прогнозирования рецидива.

Исходя из законодательных актов РФ, в нашей стране основным критерием, оказывающим влияние на принятие судом решения об условно-досрочном освобождении, является наличие достаточного объема сведений, которые подтверждают, что осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, поскольку в период отбывания наказания он частично или полностью возместил ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, раскаялся в совершенном деянии, а также учитываются сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного. Таким образом, в российской

практике условно-досрочного освобождения основной акцент делается на исправление, а главным основанием является утрата общественной опасности.

Соответственно, основной вопрос в российской практике — это определение критериев исправления осужденных. В данном случае основным ориентиром является принцип исправления, выстроенный на потенциальных возможностях личности. Однако в рамках пенитенциарной практики реализацию данной системы не обходит ряд сложностей. Во-первых, это связано с некоторой идеализацией, поскольку в рамках такой системы предполагается, что в случае, если осужденный во время отбывания наказания в исправительном учреждении имеет положительную характеристику, в неблагоприятных жизненных обстоятельствах после освобождения из исправительного учреждения он как бы не может совершить преступление повторно [5]. Во-вторых, особенно остро в рамках данной парадигмы встает вопрос о критериях, которые ложатся в основу рекомендации к условно-досрочному освобождению со стороны администрации.

В зарубежных странах основной акцент в предупреждении повторных правонарушений, при принятии решения об условно-досрочном освобождении, делается на факторах риска повторного противоправного поведения. Под факторами риска в данном случае подразумеваются социальные условия и личностные особенности, которые могут оказать влияние на совершение повторного правонарушения. Подход, обозначенный в основном оценкой риска повторного правонарушения, является более прагматичным, чем российская парадигма.

В определении факторов риска повторного правонарушения основными подходами являются: актуарный и клинический. Актуарный подход основывается на исследовании объективных характеристик осужденного. Клинический подход, в свою очередь, основан на углубленном изучении личности и возможностях предсказания на этой основе повторного правонарушения [5].

На основании проведенного анализа литературы можно выделить следующие основные критерии принятия решения о рекомендации к условно-досрочному освобождению, которые состоят из критериев исправления осужденного и факторов риска повторного правонарушения [2; 5; 6; 7; 11; 18]:

- 1) отношение осужденного к совершенному деянию;
- 2) наличие или отсутствие раскаяния лица в содеянном преступлении;
- 3) социальные факторы риска (образование, семья, наличие жилья);
- 4) факторы риска, основанные на криминальном опыте;
- 5) медицинские факторы риска (наличие психического расстройства, зависимого поведения);
- 6) психологические факторы риска (коммуникативная компетентность, ценностные ориентации, мотивационно-потребностная сфера и т.д.);
- 7) сочетание совладающего поведения и агрессивности как черты личности;
- 8) жизненные планы осужденного;
- 9) условия внешней среды, в которую возвращается осужденный после освобождения (жилье, семья и взаимоотношения с ней, наличие работы);
- 10) личностные особенности осужденного (такие как мировоззрение, черты характера, темперамент, интеллект, правосознание, морально-нравственные качества, особенности совладающего поведения, этические характеристики и т.д.).

Говоря о критериях принятия решения в отношении рекомендации к условно-досрочному освобождению, рассмотрим также мнение сотрудников по отношению к критериям исправ-

ления осужденных и возможности прогнозирования рецидива. А.П. Осипов, анализируя понятие «исправление» в уголовно-правовом и уголовно-исполнительном аспектах, приводит данные анкетирования сотрудником ИУ, результатом которого становятся следующие данные [12]: 51% сотрудников отметили, что считают возможным исправление осужденных, тогда как 49% отметили обратное; 29,9% сотрудников сообщили, что основным критерием исправления считают признание вины; 28% сотрудников выделили основным критерием исправления раскаяние; 42,5% сотрудников отметили выполнение режима основным критерием исправления осужденного.

Причинами рецидива освобожденных условно-досрочно 51% сотрудников предложили невозможность адаптации после освобождения: 39,5% сотрудников освобождение «неисправившихся» осужденных; 47,5% вхождение освобожденного в «негативную» среду.

Анализируя вопрос практики принятия решения в отношении рекомендации к условно-досрочному освобождению, важно также остановиться на основных проблемах, которые существуют с юридической стороны данного вопроса. Можно выделить следующие основные проблемы практики применения условно-досрочного освобождения: отсутствие единообразия в судебной практике принятия решения; не всегда понятные для осужденного, претендующего на условно-досрочное освобождение, причины отказа; временное приспособление к требованиям среды (например, демонстрация положительного отношения к труду, правилам внутреннего распорядка, раскаяния) с целью освободиться условно-досрочно без истинного исправления [4;10]; отсутствие у осужденных «обязанности исправиться» [15]; мнение потерпевшего в российской практике учитывается достаточно редко [1]; противоречия в действующем законодательстве [3]; сложности в сопровождении осужденных после условно-досрочного освобождения (необходимость многоплановой работы) [14].

Несмотря на то, что основным критерием в принятии решения о рекомендации осужденного к условно-досрочному освобождению и в российской, и в зарубежной практике продолжает быть превенция повторных правонарушений, мы можем отметить по-разному расставленные акценты. Таким образом, в зарубежных странах акцент стоит на корректном выявлении факторов риска, тогда как в российской практике основой принятия решения является информация о критериях исправления осужденного и возможности его дальнейшей ресоциализации.

Организация исследования и характеристика выборки

На настоящем этапе исследования были проанализированы основные результаты работы психологической службы с 46 обследуемыми.

Материалами обследования стали базы данных Автоматизированного рабочего места пенициарного психолога (АРМ ПП), созданного на основе Psychometric Expert. Исследуемый материал был переведен в матрицу контент-анализа. Всего было проанализировано 214 параметров.

Для статистической обработки в связи с неоднородностью психологической работы, проведенной с указанными осужденными, из группы были отобраны 19 обследуемых (по критерию аналогичности типов проведенной психологической работы). 47% — не рекомендованы психологической службой к УДО; 53% — рекомендованы психологической службой к УДО. Небольшой объем выборки накладывает соответствующие ограничения на результаты проведенного исследования, однако на основе проведенного пилотажного исследования возможно сделать предварительные выводы и определить дальнейшие направления работы.

Основными методами анализа данных стали контент-анализ и статистическая обработка данных посредством критериев хи-квадрат Пирсона, таблицы сопряженности, U-критерия Манна — Уитни.

Возраст обследуемых от 21 до 78 лет (52% осужденных в возрасте от 21 до 31 года; 26% в возрасте от 31 до 41 года; 7% обследуемых в возрасте от 51 до 61 года; 13% обследуемых в возрасте от 41 до 51 года; 2% обследуемых в возрасте от 71 до 81 года). В выборке представлены осужденные, имеющие высшее (13%), среднее профессиональное (28%), среднее общее (17%) и основное общее (22%) образование; у 20% осужденных уровень образования неизвестен. Из общего числа обследуемых 89% не состоят на профилактическом учете в исправительном учреждении, 11% — состоят. Большая часть обследуемых осуждены по статьям, связанным с незаконным хранением или распространением психоактивных веществ (25%), кражей (20%), нанесением тяжких телесных повреждений (11%), убийством (9%), разбоем (9%). Из общего числа обследуемых 57% имели постоянное место работы до осуждения, 43% — не имели. В полной семье воспитывались 63% осужденных из настоящей выборки, 26% воспитывались только матерью, 4% воспитывались бабушкой и/или дедушкой, 2% осужденных воспитывались только отцом и оставшиеся 4% не предоставили сведений о своей семье. До актуальной судимости имеют одну 26% из общего состава выборки, две судимости имеют 24%, не имеют судимостей, кроме актуальной, 39%, имеют более двух судимостей 11%.

Помимо социально-демографических и криминологических характеристик выборки были проанализированы причины, цели, особенности проведения, выводы и рекомендации по таким видам проведенной с осужденными психологической работы, как психологическая диагностика, аудио-визуальная диагностика, индивидуальные консультации, групповая психопрофилактическая работа, индивидуальная психопрофилактическая работа, групповая психокоррекционная работа, индивидуальная психокоррекционная работа, просветительская работа.

Методы и методики исследования

Результаты классических методов исследования, таких как беседа, наблюдение, психологическая диагностика, были представлены в базе данных, анализ которой мы проводили при помощи контент-анализа. Был качественно проанализирован большой спектр психодиагностических методик, применяемых в психологическом исследовании; при этом для статистической обработки полученных данных использовались методики, которые были идентичны для всей выборки и вошли в статистический анализ:

- многофакторный личностный опросник «Мини-мульти» в адаптации Березина Ф.Б., Мирошникова М.П.;
- опросник суицидального риска в адаптации Шмелёва А.Г., Беляковой И.Ю.

Вместе с тем нами были проанализированы и другие психодиагностические методики (направленные на исследование: темперамента, личностных особенностей, особенностей стратегий совладающего поведения, адаптационных возможностей, мотивационно-потребностной сферы и др.); однако отсутствие однообразия, как в самих методиках, так и в измеряемых показателях, не позволило сделать достоверные выводы.

В целом, все используемые в исправительных учреждениях методики апробированы на выборке осужденных и соответственным образом модифицированы. Тем не менее, отсутствие единых требований (отсутствие алгоритма) к диагностическим методикам при достаточ-

ном методическом обеспечении ознаменовывает собой организационно-концептуальную проблему.

Таким образом, в качестве методов анализа данных были использованы:

- контент-анализ;
- статистическая обработка данных (хи-квадрат Пирсона, таблицы сопряженности, U-критерий Манна — Уитни).

Обсуждение результатов исследования

Проведенный в настоящий момент этап исследования [8] позволяет нам выделить ряд критериев, по которым были выявлены статистически значимые различия в группах рекомендованных и не рекомендованных к условно-досрочному освобождению. Условно разделим критерии на констатирующие и прогностные. При этом под констатирующими мы понимаем фактические характеристики, которые можно констатировать у обследуемого на данный момент. Под прогностными мы понимаем критерии, которые представляют собой предположение о будущем поведении осужденного.

Констатирующие критерии: аффективность, просоциальная направленность личности, взаимоотношения в семье, прошлый опыт отбывания наказания.

Прогностные критерии: вероятность рецидива, прогноз девиантного поведения.

Остановимся на каждом из указанных констатирующих критериев подробнее.

Первым критерием, по которому были выявлены статистически значимые различия в группах, рекомендованных и нерекондованных к УДО, стала аффективность ($p=0,039$). У осужденных, рекомендованных к условно-досрочному освобождению, в большей степени эмоциональные реакции преобладают над рациональными. Это может быть связано со стилем совладающего поведения и особенностями адаптации к исправительному учреждению (поскольку в группе осужденных, которым не было рекомендовано условно-досрочное освобождение, преобладают осужденные, которые отбывают наказание в исправительном учреждении не первый раз и существует вероятность приспособительной реакции к пенитенциарной среде при помощи менее экспрессивных реакций в эмоционально-значимых ситуациях). Вместе с тем можно предположить, что осужденные, рекомендованные к УДО, более открыты в проявлении эмоций.

Статистические различия также были выявлены по критерию «просоциальная направленность личности» ($p=0,004$). Осужденные, которые были рекомендованы к условно-досрочному освобождению, в большей степени осознают ответственность за близких, боятся боли и физических страданий, испытывают чувство долга.

Еще одним критерием стали особенности взаимоотношений в семье ($p=0,033$). Осужденные из числа не рекомендованных к условно-досрочному освобождению чаще характеризуют взаимоотношения с семьей нейтрально или негативно либо намеренно не предоставляют данных по этому вопросу. Осужденные, рекомендованные к условно-досрочному освобождению, напротив, в большинстве случаев характеризуют взаимоотношения с семьей положительно.

Статистически значимые различия также были выявлены по критерию «прошлый опыт отбывания наказания в исправительном учреждении» ($p=0,003$). Большая часть осужденных из числа не рекомендованных к условно-досрочному освобождению ранее отбывали наказание в исправительном учреждении.

Перейдем к критериям, связанным с прогнозом. Представленные параметры сами по себе являются обобщенными, включающими в себя ряд критериев, на основании которых делается прогноз.

Статистически значимые различия были выявлены по критерию «вероятность рецидива» ($p=0,000$). Осужденным, у которых была выявлена высокая вероятность девиации и/или высокая вероятность рецидива (таковых 42%), не было рекомендовано УДО. Осужденным, у которых отмечалась низкая вероятность (их 58% из общей выборки), было рекомендовано УДО. Предполагается, что вывод о вероятности рецидива делался психологом на основании проведенного психологического обследования, в котором исследуются, например, такие характеристики, как: тип темперамента, преобладающие стратегии в поведении, тревожность, отчуждение, ригидность, импульсивность, склонность к преодолению норм и правил, склонность к агрессии, склонность к риску, приятие криминальной субкультуры, прогноз адаптации осужденного на свободе, жизненные планы осужденного, его отношение к прошлому (в том числе к преступлению), настоящему и будущему, смысложизненные ориентации, психологические защиты, совладающее поведение, жизнестойкость, волевой контроль, и другие показатели, в том числе характеризующие актуальное эмоциональное состояние и индивидуально-психологические особенности обследуемого, — а также при помощи накопленной информации об осужденном за весь период отбывания наказания (в том числе анализ поощрений и наказаний).

Последним критерием, различия по которому были зафиксированы, стал прогноз поведения ($p=0,025$). Прогноз поведения делался психологом на основе психологического исследования, бесед, наблюдения и ранее зафиксированных фактов о том или ином поведении. На основе проведенной психологической диагностики и накопленной информации о поведении и личностных особенностях, у осужденных, которым не было рекомендовано УДО определяется вероятность такого поведения, как: членовредительство, деструктивное поведение, нарушение дисциплины при слабом контроле со стороны администрации, — а также дается в целом неблагоприятный поведенческий прогноз. У осужденных, которым было рекомендовано условно-досрочное освобождение, напротив, отмечается прогноз на законопослушное поведение, позитивное отношение к труду, направленность на социально-одобряемое поведение в целом.

Рекомендация к условно-досрочному освобождению в целом должна основываться на четких критериях оценки «исправления» осужденных, готовности к освобождению и прогнозе о возможности повторного правонарушения. На основе проведенного теоретического и эмпирического анализа мы обобщаем следующие рекомендации, исследование и дальнейшая реализация которых, на наш взгляд, повышает имеющуюся эффективность практики применения условно-досрочного освобождения.

1. Проведение индивидуальной работы (консультация, индивидуальная психокоррекция) перед принятием решения об условно-досрочном освобождении. На наш взгляд, необходимы обязательные индивидуальные консультации перед рекомендацией к условно-досрочному освобождению для более достоверного прогноза повторных правонарушений и оценки актуального психологического состояния осужденного, а также его жизненных планов.

2. Необходимы акцент на учете индивидуально-психологических особенностей и подробное исследование их влияния на вероятность повторного правонарушения.

3. Необходимо уделить отдельное внимание исследованию особенностей совладающего поведения осужденного.

4. Обоснование обязательных психологических методов и методик, которые должны быть использованы при принятии решения о рекомендации к условно-досрочному освобождению. Такой подход позволит строить эффективные прогнозные модели.

5. Учет социально-демографических данных об обследуемом, с акцентом на актуальные отношения с семьей (поддержание контактов и эмоциональная окраска таких контактов).

6. Учет криминологических данных об обследуемом с точки зрения качественного анализа (содержательный анализ факторов, которые привели к повторным правонарушениям).

7. Учет динамики и выводов психологической работы, проведенной в рамках исправительного учреждения.

8. Учет социальной ситуации, в которую выходит осужденный и создание новых служб по сопровождению осужденного после выхода из исправительного учреждения. Опыт показывает, что учет данного фактора влияет на снижение уровня рецидивов. Созданию и развитию системы пробации на данный момент уделено особое внимание в концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.

9. Учет отношения к преступлению и раскаяния осужденных. Мы предполагаем, что учет таких аспектов крайне важен, однако следует учитывать, что у психологов исправительного учреждения нет достаточных организационных возможностей (например, нет прямого контакта с потерпевшим) и требуется привлечение сторонних специалистов.

Выделенные рекомендации легли в основу дальнейшего исследования психологического аспекта практики условно-досрочного освобождения. Увеличение объема выборки, как с точки зрения ее количества, так и с точки зрения территориальных органов, входящих в анализ, позволит выделить большее количество критериев, которые важно учитывать при решении вопроса об условно-досрочном освобождении и на их основе строить эффективные прогнозные модели, касающиеся повторных правонарушений.

Выводы (на основе результатов теоретического и эмпирического исследования)

1. На основе теоретического анализа можно выделить следующие критерии, которые необходимо учитывать при принятии решения об условно-досрочного освобождения: отношение осужденного к совершенному деянию; наличие или отсутствие раскаяния лица в содеянном преступлении; социальные факторы риска (образование, семья, наличие жилья); факторы риска, основанные на криминальном опыте; медицинские факторы риска (наличие психического расстройства, зависимого поведения); психологические факторы риска (коммуникативная компетентность, ценностные ориентации, мотивационно-потребностная сфера и т.д.); сочетание совладающего поведения и агрессивности, как черты личности; жизненные планы осужденного; условия внешней среды, в которую возвращается осужденный после освобождения (жилье, семья и взаимоотношения с ней, наличие работы); личностные особенности осужденного (такие как мировоззрение, черты характера, темперамент, интеллект, правосознание, морально-нравственные, особенности совладающего поведения, этические характеристики и т.д.).

2. На основе эмпирического анализа можно выделить следующие критерии констатирующего и прогнозного свойства, которые учитываются психологом при рекомендации к условно-досрочному освобождению. Констатирующие критерии: аффективность, просоциальная направленность личности, взаимоотношения в семье, прошлый опыт отбывания наказания. Прогнозные критерии: вероятность рецидива, прогноз девиантного поведения.

3. Можно выделить следующие основные проблемы практики применения условно-досрочного освобождения: отсутствие единообразия в судебной практике принятия решения; не всегда понятные для осужденного, претендующего на условно-досрочное освобождение, причины отказа; временное приспособление к требованиям среды (например, демонстрация положительного отношения к труду, правилам внутреннего распорядка, раскаяния) с целью освободиться условно-досрочно без истинного исправления; отсутствие у осужденных «обязанности исправиться»; учет мнения потерпевшего, которое в данный момент учитывается не всегда; сложности в сопровождении осужденных после условно-досрочного освобождения (необходимость многоплановой работы) и др.

4. Основные рекомендации, которые можно выделить на основе проведенного этапа исследования, следующие: проведение индивидуальной работы перед принятием решения в отношении условно-досрочного освобождения; акцент на учете индивидуально-психологических особенностей и подробное исследование их влияния на вероятность повторного правонарушения; обоснование обязательных психологических методов и методик, которые должны быть использованы при принятии решения о рекомендации к условно-досрочному освобождению; учет социально-демографических данных об обследуемом, с акцентом на актуальные отношения с семьей; учет криминологических данных об обследуемом с точки зрения качественного анализа; учет динамики и выводов психологической работы; учет социальной ситуации, в которую выходит осужденный, и создание новых служб по сопровождению осужденного после выхода из исправительного учреждения; учет отношения к преступлению и раскаяния осужденных.

Литература

1. Андрейцо С.Ю., Хазов Е.Н. Уполномоченные по правам человека в России и их роль в защите прав потерпевших [Электронный ресурс] // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 46—52. doi:10.24412/2414-3995-2021-2-46-52
2. Ашин А.А., Симагина Н.А. Институт условно-досрочного освобождения: правовые и социально-психологические аспекты: монография. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2015. 201 с.
3. Бекетов А.О., Карпов К.Н., Стебенева Е.В. Толкование условий применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания [Электронный ресурс] // Правоприменение. 2021. № 2. С. 185—191. doi:10.52468/2542-1514.2021.5(2).185-191
4. Дворянсков И.В. Концептуальные проблемы целей наказания [Электронный ресурс] // Пенитенциарная наука. 2021. № 2. С. 247—259. doi:10.46741/2686-9764-2021-15-2-247-259
5. Дебольский М.Г. Практика условно-досрочного освобождения осужденных и психологические аспекты ее совершенствования // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) (г. Рязань, 20-22 нояб. 2019 г.): сборник тезисов выступлений и докладов участников: В 10 т. Т. 7. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 177—183.
6. Дебольский М.Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. Том 4. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (дата обращения: 31.01.2022).

7. Дядченко Е.А., Поздняков В.М. Психологическое прогнозирование рецидивных преступлений несовершеннолетних, осужденных без лишения свободы. Самара, 2014. 231 с.
8. Мельникова Д.В. Участие психолога в подготовке и принятии решения об условно-досрочном освобождении: научный доклад. Москва: МГППУ, 2021. 29 с.
9. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс] // Гарант — информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/1305346/> (дата обращения: 31.01.2022).
10. Миняева Т.Ф. Уголовно-исполнительное право — особая отрасль права [Электронный ресурс] // Человек: преступление и наказание. 2021. Том 29(1–4). № 1. С. 32–39. doi:10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.32-39
11. Овчарова Е.В. Психологические критерии исправления осужденных [Электронный ресурс] // Прикладная юридическая психология. 2021. № 2 (55). С. 71–75. doi:10.33463/2072-8336.2021.2(55).071-075
12. Осипов А.П. Исправление осужденных как цель в уголовно-исполнительном законодательстве [Электронный ресурс] // Закон и право. 2021. № 1. С. 132–134. doi:10.24412/2073-3313-2021-1-132-134
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/ (дата обращения: 31.01.2022).
14. Сивова А.А. Применение института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в зарубежных странах [Электронный ресурс] // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 7 (218). С. 56–63. URL: https://or.fsin.gov.ru/upload/territory/Org/PDF/vedomosti/PDF/2020/Ved%20UIS_7_1-80.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
15. Смирнов А.М. Обязанность исправиться — главная обязанность осужденных [Электронный ресурс] // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 1 (42). С. 89–94. doi:10.37523/SUI.2021.42.1.013
16. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 №1-ФЗ (ред. от 21.12.2021) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 31.01.2022).
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 31.01.2022).
18. Шишков С.Н., Сафуанов Ф.С. Влияние психических аномалий на способность быть субъектом уголовной ответственности и субъектом отбывания наказания [Электронный ресурс] // Государство и право. 1994. № 2. С. 82–90.
19. Шумаков С.А. Юридическое значение возмещения ущерба, причиненного преступлением, при освобождении от наказания [Электронный ресурс] // Юристы-Правоведы. 2021. № 1 (96). С. 69–72. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2100131> (дата обращения: 31.01.2022).

References

1. Andreitso S.Yu., Khazov E.N. Upolnomochennyye po pravam cheloveka v Rossii i ikh rol' v zashchite prav poterpevshikh [Human rights commissioners in Russia and their role in protecting the rights of victims] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2021, no. 2, pp. 46—52. doi:10.24412/2414-3995-2021-2-46-52 (In Russ.).
2. Ashin A.A., Simagina N.A. Institut uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya: pravovye i sotsial'no-psikhologicheskie aspekty: monografiya. Vladimir: Vladimirkii filial RANKhiGS Publ., 2015. 201 p. (In Russ.).
3. Beketov A.O., Karpov K.N., Stebeneva E.V. Tolkovanie uslovii primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya [Conditional early release from punishment: the interpretation of the terms of application] [Elektronnyi resurs]. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021. Vol. 5, no. 2, pp. 185—191. doi:10.52468/2542-1514.2021.5(2).185-191. (In Russ.).
4. Dvoryanskov I.V. Kontseptual'nye problem tseli nakazaniya [Conceptual issues of the goals of punishment] [Elektronnyi resurs]. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021. Vol. 15, no. 2, pp. 247—259. doi:10.46741/2686-9764-2021-15-2-247-259 (In Russ.).
5. Debolsky M.G. Praktika uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya osuzhdennykh i psikhologicheskie aspekty ee sovershenstvovaniya. IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii) (g. Ryazan', 20-22 noyab. 2019 g.): sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov: V 10 t. T. 7. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii Publ., 2019, pp. 177—183. (In Russ.).
6. Debolsky M.G. Problemy riska retsidiva pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennykh [The problem of crime repetition risk after early release on parole] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2014. Vol. 4, no. 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (Accessed 31.01.2022). (In Russ.).
7. Dyadchenko E.A., Pozdnyakov V.M. Psikhologicheskoe prognozirovaniye retsidivnykh prestuplenii nesovershennoletnykh, osuzhdennykh bez lisheniya svobody. Samara, 2014. 231 p. (In Russ.).
8. Melnikova D.V. Uchastie psikhologa v podgotovke i prinyatii resheniya ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii: nauchnyi doklad. Moscow: MGPPU Publ., 2021. 29 p. (In Russ.).
9. Minimal'nye standartnye pravila v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi (Pravila Nel'sona Mandely) (peresmotrennyi tekst) (prinyaty Rezolyutsiei General'noi Assamblei OON 17 dekabrya 2015 g.) [Elektronnyi resurs]. *Garant — informatsionno-pravovoe obespechenie*. URL: <https://base.garant.ru/1305346/> (Accessed 31.01.2022). (In Russ.).
10. Minyazeva T.F. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo — osobaya otrasl' prava [Penal Law — a Special Branch of Law] [Elektronnyi resurs]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2021. Vol. T. 29(1–4), no.1, pp. 32—39. doi:10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.32-39 (In Russ.).
11. Ovcharova E.V. Psikhologicheskie kriterii ispravleniya osuzhdennykh [Psychological criteria for convicts' correction] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied legal psychology*, 2021, no. 2 (55), pp. 71—75. doi:10.33463/2072-8336.2021.2(55).071-075 (In Russ.).
12. Osipov A.P. Ispravlenie osuzhdennykh kak tsel' v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve [Correction of convicted persons as a goal in the penal enforcement legislation] [Elektronnyi

resurs]. *Zakon i parvo = Law and Legislation*, 2021, no. 1, pp. 132—134. doi:10.24412/2073-3313-2021-1-132-134 (In Russ.).

13. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 21 aprelya 2009 g. No. 8 (red. ot 28.10.2021) "O sudebnoi praktike uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya, zameny neotbytoi chaste nakazaniya bole myagkim vidom nakazaniya" [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/ (Accessed 31.01.2022). (In Russ.).

14. Sivova A.A. Primenenie institute uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya v zarubezhnykh stranakh [Application of institution of parole from serving a sentence in foreign countries] [Elektronnyi resurs]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal Service*, 2020, no. 7 (218), pp. 56—63. URL: https://or.fsin.gov.ru/upload/territory/Or/PDF/vedomosti/PDF/2020/Ved%20UIS_7_1-80.pdf (Accessed 20.09.2021). (In Russ.).

15. Smirnov A.M. Obyazannost' ispravit'sya-glavnayaobyazannost' osuzhdennykh [Duty to correct — main duty of convicts] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 1 (42), pp. 89—94. doi:10.37523/SUI.2021.42.1.013 (In Russ.).

16. Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii" ot 08.01.1997 N 1-FZ (red. ot 21.12.2021) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (Accessed 31.01.2022).

17. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (red. ot 30.12.2021) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tant Plyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (Accessed 31.01.2022) (In Russ.).

18. Shishkov S.N., Safuanov F.S. Vliyanie psikhicheskikh anomalii na sposobnost' byt' sub"ektom ugovolnoi otvetstvennosti i sub"ektom otbyvaniya nakazaniya. *Gosudarstvo i parvo = State and Law*, 1994, no. 2, pp. 82—90. (In Russ.).

19. Shumakov S.A. Yuridicheskoe znachenie vozmeshcheniya ushcherba, prichinennogo prestupleniem, pri osvobozhdenii ot nakazaniya [Legal significance of the compensation for damage caused by the crime when released from punishment] [Elektronnyi resurs]. *Yurist"-Pravoved" = Jurist-Pravoved*, 2021, no. 1 (96), pp. 69—72. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2100131> (Accessed 31.01.2022). (In Russ.).

Информация об авторах

Мельникова Дарья Вячеславовна, преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Information about the authors

Daria V. Melnikova, Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Получена 31.01.2022

Принята в печать 08.03.2022

Received 31.01.2022

Accepted 08.03.2022

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Личностные детерминанты форм аддиктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел (на примере ургентной зависимости)

Рябова М.Г.

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8119-4681>, e-mail: ryabina_mariya@mail.ru

Канунников Р.И.

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

Статья посвящена изучению профессиональной деятельности сотрудников полиции, которые часто ориентируются на навязанный ритм работы, и отвлекаются от своих внутренних часов. Нарушенная синхронизация с природным ритмом сопровождается психоэмоциональным напряжением, которое становится хроническим и привычным. Цель исследования — выявление личностных детерминант аддиктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел. Теоретические выводы обоснованы экспериментальной частью исследования, в ходе которой: 1) выявлена взаимосвязь между личностными детерминантами и ургентной зависимостью; 2) определены личностные детерминанты, способствующие профилактике ургентной зависимости. В связи с этим необходимо формирование личностных детерминант, способных противостоять возникновению и развитию ургентной зависимости (положительные ценностные ориентации, позитивное отношение к будущему, развитые личностно-регуляторные свойства (гибкость и самостоятельность)) в ходе выполнения учебно-служебной деятельности.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, ургентная зависимость, личностные детерминанты, ценностные ориентации, позитивное отношение к будущему, личностно-регуляторные свойства, сотрудники органов внутренних дел.

Для цитаты: *Рябова М.Г., Канунников Р.И.* Личностные детерминанты форм аддиктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел (на примере ургентной зависимости) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 44–53. DOI:10.17759/psylaw.2022120104

Personality Determinants of the Forms of Addictive Behavior of Internal Affairs Officers (on the Example of Urgency Addiction)

Maria G. Ryabova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8119-4681>, e-mail: ryabina_mariya@mail.ru

Roman I. Kanunnikov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

The article examines the professional activity of the internal affairs officers who often concentrate on the imposed work schedule, getting out of synch with their inner (body's) clock. Disturbed synchronisation with one's natural order is accompanied by psychoemotional stress, the latter becomes chronic and habitual. The study aims at revealing personality determinants of addictive behavior of internal affairs officers. The theoretical conclusions are substantiated with the experimental part of the research during which the following has been accomplished: 1) Relationship between one's personality determinants and one's urgency addiction has been established; 2) Personality determinants contributing to prevention of urgency addiction have been identified. Hence the need for developing one's own personality determinants that would be able to deal with emergence and development of urgency addiction (positive value orientations, positive view of the future, well-developed personality's regulatory qualities (flexibility and self-reliance)) during one's training and performance.

Keywords: addictive behavior, urgency addiction, personality determinants, value orientations, positive view of the future, personality's regulatory qualities, internal affairs officers.

For citation: Ryabova M.G., Kanunnikov R.I. Personality Determinants of the Forms of Addictive Behavior of Internal Affairs Officers (on the Example of Urgency Addiction). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 44–53. DOI:10.17759/psylaw.2022120104 (In Russ.).

Введение

Профессионально-служебная деятельность сотрудников полиции характеризуется практически непрерывной занятостью, отсутствием свободного времени, работой в ночное время, в выходные и праздничные дни, необходимостью реализации требований в ограниченные промежутки времени. Сотрудник ориентируется на навязанный ритм и отвлекается от своих внутренних часов. Нарушенная синхронизация с природным ритмом сопровождается психоэмоциональным напряжением, которое становится хроническим и привычным. По сути дела, речь идет об аддикции к хроническому стрессовому состоянию, последствиями которого становятся напряжение и раздражительность, эмоциональные расстройства, сердечно-сосудистые заболевания, головные боли и др. [10].

Изучением проблем аддиктивного поведения занимались зарубежные ученые (З. Фрейд [11] — связь аддикции со стадиями психосексуального развития; Э. Берн [2] — зависимость

от алкоголя и наркотиков как вариант игры; Г. Кристал [8] — нарушение эмоционального развития при аддиктивном поведении; Е. А. Брюн [4] — антропологическая аддиктология); и отечественные (А.В. Гоголева [5] — аддикции в поведении; О.Л. Шибко [13] — проблема ургентной зависимости у сотрудников правоохранительных органов и др.).

Понятие «аддиктивного поведения. Как считает Е.П. Ильин, аддиктивное поведение является формой деструктивного поведения. У человека происходит фиксация на определенных предметах в процессе ухода от реальности. Стремление к фиксации приводит к глобальным изменениям в личности, сопровождающимся ослаблением воли [7].

Аддиктивное поведение по своей форме квалифицируются на два типа: химические и нехимические. К химическим относятся употребление веществ, приводящих к изменению физиологического состояния человека [1].

Нехимические формы крайне разнообразны. К ним относят: компьютерные игры, стремление к богатству, аддикция к еде (переедание, голодание), ургентная аддикция и др. [3].

Н. Тасси подразумевает под ургентной зависимостью состояние постоянной нехватки времени. Состояние обусловлено сверхзанятостью, необходимостью принимать участие во многих видах деятельности, ускорением темпа жизни, общей гиперстимуляцией [15].

Выполняя профессиональную деятельность, сотрудники ОВД испытывают большие нагрузки из-за: неполной укомплектованности штатов, работы в ночное время, острой нехватки свободного времени, необходимости работать в выходные и праздничные дни и т.д.

Как считает О.Л. Шибко, попадая во временную ловушку, сотрудники полиции, как правило, слабо осознают всю серьезность последствий. Сотрудники ОВД начинают ориентироваться на поставленные служебные задачи, постоянно нарушая свои внутренние часы. Такие нарушения в последствии приводят к хроническому стрессовому состоянию, в результате которого возникают напряжение и раздражительность, эмоциональные расстройства, сердечно-сосудистые заболевания, головные боли и др.

Ургентная зависимость у сотрудников ОВД формируется из-за их пребывания в состоянии постоянной нехватки времени на выполнение служебных задач. Все это способствует возникновению личностного дискомфорта. Происходят перепады настроения, которые в дальнейшем сопровождают всю жизнь, но люди по-разному воспринимают эти перемены и реагируют на них. Такому негативному влиянию, могут противостоять сформированные способности саморегуляции [14].

Ургентная аддикция появляется незаметно. На первых порах сотрудник полиции справляется со всевозрастающим количеством служебных задач. Очень часто такое состояние сопровождается приливом энергии. У сотрудника правоохранительных органов появляются вполне осязаемые стимулы в виде карьерного роста, премирования, похвалы руководства, награждения грамотами и медалями.

Постепенно происходят кардинальные изменения. У сотрудника полиции, сначала исчезает личное время на самого себя и семью, затем время не хватает уже и на поставленные служебные задачи. В связи с этим в деятельности в первую очередь начинает формироваться формализм [6].

Ургентную аддикцию у сотрудников правоохранительных органов можно определить по жесткому мониторингу времени. Такие сотрудники при выполнении служебных задач, в том числе и в процессе межличностного взаимодействия с гражданами, заранее устанавливают временной интервал и строго соблюдают его, объясняя свое поведение чрезмерной нагрузкой.

По мнению Т.В. Щеголевой, М.И. Марьина, жесткий контроль сопровождается высокой скоростью работы, выполнением служебных задач в выходные и праздничные дни, невозможностью отказа от дополнительной нагрузки. В связи с этим происходит отказ от своего личного времени, теряется способность радоваться происходящему. Сотрудник полиции начинает ориентироваться не на ситуацию успеха при выполнении деятельности, а на ситуацию избегания неудач. Он начинает искать способы компенсации профессиональных неудач, обосновывая при этом невозможность успешного решения проблем. Все это приводит к смене личностных ценностей [12].

Реализация своих целей и желаний откладывается на потом. В тоже время сотрудник ОВД чувствует, что будущее ускользает, что он становится все более зависимым от внешних факторов и социальных требований. Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что именно такие личностные детерминанты, как положительные ценностные ориентации, позитивное отношение к будущему, владение личностно-регуляторными свойствами (гибкостью и самостоятельностью), у сотрудников органов внутренних дел будут препятствовать возникновению и развитию ургентной зависимости.

Анализ теоретических данных позволил сделать выводы о том, что проблема аддиктивного поведения среди сотрудников правоохранительных органов вследствие высокой загруженности, повышенного темпа жизни, жесткого контроля за профессиональной деятельностью представляет особый интерес для изучения. Возникновение ургентной зависимости обуславливает различного рода нарушениям, приводящие к снижению выполнения служебной деятельности у сотрудников полиции. Для проверки теоретических положений нами было проведено эмпирическое исследование.

Методика

Для выявления ургентной аддикции был применен опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, направленный на диагностику системы отношений личности к временному континууму, в частности на изучение будущего, степени поглощенности личности вероятными событиями будущего, ориентации на прошлое и настоящее [9]. Для выявления личностных детерминант использовались следующие методики: Шкала безнадежности А. Бека, измеряющая выраженность негативного отношения к субъективному будущему у взрослых и подростков; многомерная шкала перфекционизма Хьюитта — Флетта; методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. В экспериментальной части работы приняли участие 106 курсантов Уральского юридического института МВД России.

На первом этапе исследования с целью выявления групп испытуемых по степени выраженности ургентной зависимости нами был применен кластерный анализ. Кластеризация (метод иерархической кластеризации) осуществлялась по следующим переменным: работоголизм, личное время, межличностные отношения, темп жизни.

Результаты и их обсуждение

Анализ по шкалам «Работоголизм», «Личное время», «Межличностные отношения» позволил определить 4 группы ургентной зависимости курсантов по степени выраженности данной зависимости (рис. 1).

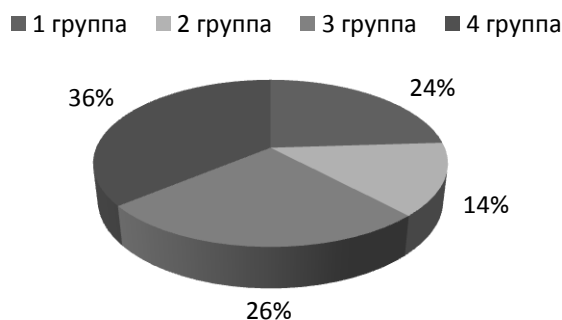


Рис. 1. Процентное соотношением испытуемых по степени выраженности ургентной зависимости

В первую группу вошли испытуемые в количестве 26 человек (24%), во вторую группу — 19 испытуемых (14%), в третью группу — 27 человек (26%), и в четвертую группу — 34 испытуемых (36%).

С целью выявления степени выраженности признаков ургентной зависимости у испытуемых четырех групп, нами был проведен сравнительный анализ данных по критерию Краскела — Уоллеса.

В результате были обнаружены различия на уровнях статистической значимости 0,01% и 0,05% по следующим показателям (табл.1).

Таблица 1

Распределение испытуемых по шкалам в зависимости от выраженности ургентной зависимости

Наименование шкал	Первая группа	Вторая группа	Третья группа	Четвертая группа
Работоголизм	43,56	28,11	40,50	23,85
Личное время	14,25	11,06	51,82	41,77
Межличностные отношения	38,25	17,33	44,82	28,38
Темп жизни	41,41	7,94	55,12	22,50

В первой группе у испытуемых наиболее выражены показатели по шкале «Работоголизм», также преобладают показатели по шкале «Темп жизни», более низкие показатели по шкале «Личное время». Испытуемые этой группы имеют большую предрасположенность к возникновению ургентной аддикции. У них в большом объеме преобладает влечение к учебно-служебной деятельности, они жертвуют личным временем ради выполнения профессиональных обязанностей, работают большее количество времени, чем это предусмотрено расписанием. Респонденты испытывают нарастание внутреннего беспокойства, раздражительность, недовольство собой и окружающими.

Вторая группа имеет более низкие показатели по шкале «Работоголизм» (относительно групп 1, 3, и 4), но в тоже время в данной группе преобладает шкала «Межличностные отношения». У респондентов этой группы перспективы для развития ургентной аддикции не выявлено. Испытуемые данной группы отличаются формированием конструктивных взаимоотношений в таких сферах, как семья, друзья и т. д. Они достаточно времени уделяют для общения с близкими людьми. Испытуемые этой группы имеют менее выраженный темп жизни, у них не присутствует состояние спешки и страха не успеть или опоздать.

Третья группа имеет более высокие показатели по шкале «Темп жизни», но в тоже время данное состояние проявляется не в работе, а в личном времени, т.е. испытуемые ускоряют свой темп жизни, чтобы удовлетворить свои личностные потребности, которые не связаны со служебным временем. При этом важно отметить, что испытуемые в данном состоянии испытывают положительные эмоции, которые способны мотивировать человека.

В четвертой группе ярко выражена шкала «Личное время» и средней показатель по шкале «Межличностные отношения». У респондентов этой группы выраженное отражение степени влияния времени на личность, которое проявляется в эмоциональной сфере. У них отсутствует ощущение «перенасыщенности» работой, достаточный уровень удовлетворенности жизнью в целом, они эмоционально не отстраняются от окружающих, в достаточной степени удовлетворены собой как личностью и как профессионалом (рис. 2).

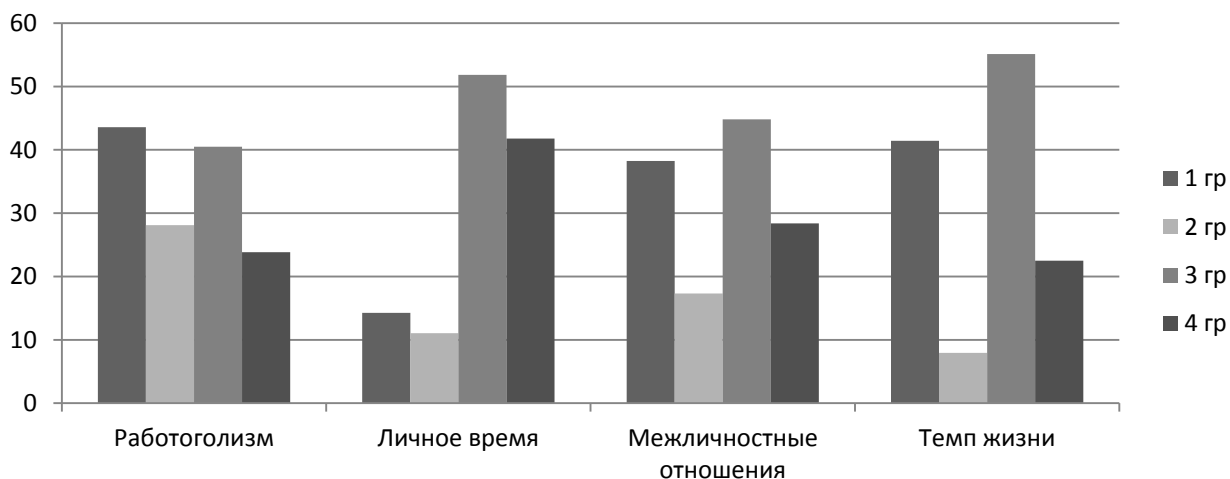


Рис. 2. Выраженность компонентов ургентной зависимости у исследуемых групп

Таким образом, анализируя полученные данные можно заключить, что более высокие значения по шкале «Работоголизм» имеют испытуемые, объединенные в первую и в третью группы. У них в большем объеме преобладает влечение к работе, нарушающее нормальное функционирование личности. Планы зачастую нереалистичны, они берут дополнительную работу, при этом ставят много задач для выполнения на короткий промежуток времени, пытаясь уйти в работу. Более низкие показатели были обнаружены у четвертой группы — 23,85%. В данном случае потребность в уходе в учебно-служебную деятельность не проявляется неявно, цели соотносятся с собственными интересами.

Более высокие значения по шкале «Личное время» выявлены у испытуемых, объединенных в третью 51,82% и вторую группы 41,77%. Это свидетельствует о том, что степень влияния времени отражается на испытуемых, в особенности на их эмоциональной сфере, переживаниях. Им свойственно в большинстве ситуаций испытывать нехватку времени.

Критерий «Межличностные отношения» более выражен у испытуемых третьей (44,8%) и первой (38,2%) групп. Эти показатели говорят о сформировавшейся потребности задумываться, о своих взаимоотношениях с окружающими людьми, анализировать свое поведение для достижения намеченных целей. Показатель «Темп жизни» наиболее выражен у испытуемых третьего (55,1%) и первого (41,41%) кластеров. Можно сделать вывод, что у испытуемых выражена склонность выполнять все в быстром темпе, у них каждый день расписан. Они предпочитают действовать импульсивно, когда что-то идет не по плану.

Таким образом, мы можем заключить, что первая группа в большей степени склонна к работоголизму, вторая группа имеет средний уровень выраженности показателей, в третьей группе выражены критерии: межличностные отношения и темп жизни, четвертая группа имеет выраженный критерий — личное время.

Далее с целью выявления личностных детерминант у испытуемых мы использовали сравнительный анализ по критерию Краскала — Уоллиса. Были выявлены статистически значимые различия по шкалам (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ личностных детерминант у испытуемых

Наименование шкал	Первая группа	Вторая группа	Третья группа	Четвертая группа	P (уровень значимости)
Гедоническое настоящее	26,91	21,00	41,91	36,63	≤ 0,05
Будущее	41,5	37,56	33,62	26,56	>0,1
Шкала Бека	15,00	17,83	41,32	46,17	≤ 0,01
Перфекционизм, ориентирован на себя	23,41	18,67	46,91	36,29	≤ 0,01
Перфекционизм, ориентирован на других	18,91	12,33	46,76	41,75	≤ 0,01
Социально предписанный перфекционизм	17,5	20,39	42,91	42,42	≤ 0,01
Интегральная шкала	18,13	14,89	49,12	36,67	≤ 0,01
Активная деятельная жизнь	40,28	45,33	28,47	28,10	< 0,05
Счастливая семейная жизнь	29,94	22,94	41,44	34,21	> 0,1

Примечание: $p \leq 0,05$ — обнаружены статистически достоверные (значимые) различия; $p \leq 0,01$ — различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости; $p > 0,1$ — различия обнаружены на уровне статистической тенденции.

У испытуемых третьей группы значимость межличностных отношений определяется тем, что решения предопределены судьбой, внешними силами или религиозным предназначением. Можно предположить, что их жизнь идет по заранее определенному плану, который не контролируется, поэтому они не любят свободу. Также испытуемые стремятся увеличить уровень знаний при взаимодействии с обществом. Проявляется высокая адаптивность и пластичность мышления и поведения. Межличностные отношения помогают испытуемым в выполнении учебно-служебной деятельности, повышая ее продуктивность.

Выводы

Таким образом, выявлены личностные детерминанты аддиктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел: ценностные ориентации, отношение к будущему, личностно-регуляторные свойства (гибкость и самостоятельность).

Выделенные группы по степени выраженности ургентной зависимости имеют свои отличительные особенности. Так испытуемым первой группы свойственны выраженные показатели по шкале «Работоголизм», что характеризует их как исполнительных в своей служебной

Рябова М.Г., Канунников Р.И.
Личностные детерминанты форм аддиктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел (на примере ургентной зависимости)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 44–53.

Ryabova M.G., Kanunnikov R.I.
Personality Determinants of the Forms of Addictive Behavior of Internal Affairs Officers (on the Example of Urgency Addiction)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 44–53.

деятельности, но не уверенных в своем будущем. Они с помощью работы пытаются уйти от прошлого и межличностных отношений. Работоголизм в данной группе испытуемых определяется такими чертами, как отсутствие сочувствия и сопереживания близким людям, критичность и категоричность в суждениях и взглядах. Вторую группу составили испытуемые, имеющие средние показатели по всем шкалам. Испытуемым этой группы ургентная зависимость свойственна в меньшей степени. Им свойственен низкий темп жизни, что может быть также связано с низкой исполнительностью и недостаточно развитыми навыками планирования своего времени. Третью группу составили лица с высоким темпом жизни, что характеризует их как неусидчивых с постоянной сменой дел и событий в жизни. Они общительны и открыты. Четвертую группу составили испытуемые, для которых имеющееся личное время оказывает положительное влияние в целом на становление их личности, а также на эмоциональную сферу.

Результаты исследования могут быть использованы в процессе организации учебно-служебной деятельности в образовательных учреждениях МВД России. Выработка таких личностных детерминант, как положительные ценностные ориентации, позитивное отношение к будущему, владение личностно-регуляторными свойствами (гибкостью и самостоятельностью) будет способствовать профилактике ургентной аддикции, что, в свою очередь, благоприятно скажется не только на служебной, но и на личной деятельности сотрудника органов внутренних дел.

Литература

1. Айвазова А.Е. Психологические аспекты зависимости. СПб: Речь, 2003. 120 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Эксмо, 2014. 256 с.
3. Бельтюков А.А. Аддиктивность — предмет психоаналитического исследования [Электронный ресурс] // Уральский психоаналитический вестник: сборник научных работ. 2008. № 2. С. 23—31. URL: <https://russia.ecpp.org/text/beltyukov-aa-addiktivnost-predmet-psihoanaliticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 03.07.2021).
4. Брюн Е.А. Введение в антропологическую аддиктологию // Вопросы наркологии. 1993. № 1. С. 72—78.
5. Гоголева А.В. Аддиктивное поведение и его профилактика. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. 240 с.
6. Злоказов К.В., Прядеин В.П. Деструктивность личности: социально-психологическое исследование: монография. Сургут: РИО СурГПУ, 2014. 178 с.
7. Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб: Питер, 2011. 541 с.
8. Кристал Г. Нарушение эмоционального развития при аддиктивном поведении // Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даулинга. М.: Класс, 2000. С. 80—118.
9. Сырцова А. Психологическое время: апробация методики Зимбардо по временной перспективе // Вестник Московского университета. Серия «Психология». 2005. № 1. С. 97—99.
10. Хайгл-Эверс А., Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У. Базисное руководство по психотерапии. СПб: Речь, ВЕИП, 2001. 784 с.
11. Фрейд З. Психология бессознательного. СПб: Питер, 2017. 528 с.
12. Щеголева Т.В., Марьин М.И. Система ценностей сотрудников органов внутренних дел как фактор регуляции служебного поведения [Электронный ресурс] // Психопедагогика в

Рябова М.Г., Канунников Р.И.
Личностные детерминанты форм аддиктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел (на примере ургентной зависимости)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 44–53.

Ryabova M.G., Kanunnikov R.I.
Personality Determinants of the Forms of Addictive Behavior of Internal Affairs Officers (on the Example of Urgency Addiction)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 44–53.

правоохранительных органах. 2019. Том 24. № 3 (78). С. 289—293. doi:10.24411/1999-6241-2019-13007

13. Шибко О.Л. Ургентная аддикция как форма аддиктивного поведения личности [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2006. № 3 (11). С. 65—68. URL: <http://elibrary.miu.by/journals!/item.pj/issue.11/article.12.html> (дата обращения: 03.07.2021).

14. Янг Дж. И. Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теория и ее применение // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 552—593.

15. Tassi N. Urgency Addiction. New York, 1993. 197 p.

References

1. Aivazova A.E. Psikhologicheskie aspekty zavisimosti. Saint Petersburg: Rech' 2003. 120 p. (In Russ.).
2. Berne E. Iгры v kotorye igrayut lyudi [Games People Play. The Psychology of Human Relationships]. Moscow: Eksmo, 2014. 256 p. (In Russ.).
3. Bel'tyukov A.A. Addiktivnost' — predmet psikhoanaliticheskogo issledovaniya [Elektronnyi resurs]. Ural'skii psikhoanaliticheskii vestnik: sbornik nauchnykh rabot, 2008, no. 2, pp. 23—31. URL: <https://russia.ecpp.org/text/beltyukov-aa-addiktivnost-predmet-psihoanaliticheskogo-issledovaniya> (Accessed 03.07.2021). (In Russ.).
4. Bryun E.A. Vvedenie v antropologicheskuyu addiktologiyu. *Voprosy narkologii = Journal of Addiction Problems*, 1993, no. 1, pp. 72—78. (In Russ.).
5. Gogoleva A.V. Addiktivnoe povedenie i ego profilaktika. Moscow: MPSI Publ.; Voronezh: NPO "MODEK", 2003. 240 p. (In Russ.).
6. Zlokazov K.V., Pryadein V.P. Destruktivnost' lichnosti: social'no-psikhologicheskoe issledovanie: monografiya. Surgut: RIO SurGPU Publ., 2014. 178 p. (In Russ.).
7. Il'in E.P. Rabota i lichnost'. Trudogolizm, perfektsionizm, len'. Saint Petersburg: Piter, 2011. 541 p. (In Russ.).
8. Kristal G. Narushenie emotsional'nogo razvitiya pri addiktivnom povedenii. In S. Dowling (ed.), *Psikhologiya i lechenie zavisimogo povedeniya = The psychology and treatment of addictive behavior*. Moscow: Klass, 2000, pp. 80—118. (In Russ.).
9. Syrcetsova A. Psikhologicheskoe vremya: aprobatsiya metodiki Zimbardo po vremennoi perspective. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Psikhologiya» = Moscow University Psychology Bulletin. Series "Psychology"*, 2005, no. 1, pp. 97—99. (In Russ.).
10. Heigl-Evers A., Heigl F., Ott J., Rüger U. Bazisnoe rukovodstvo po psikhoterapii. Saint Petersburg: Rech', VEIP Publ., 2001. 784 p. (In Russ.).
11. Freud S. Psikhologiya besoznatel'nogo. Saint Petersburg: Piter, 2017. 528 p. (In Russ.).
12. Schegoleva T.V., Marin M.I. Sistema tsennostei sotrudnikov organov vnutrennikh del kak faktor regulyatsii sluzhebno go povedeniya [Law Enforcement Officers' System of Values as the Factor of Regulating Professional Officer's Behaviour] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2019. Vol. 24, no. 3 (78), pp. 289—293. doi:10.24411/1999-6241-2019-13007 (In Russ.).
13. Shibko O.L. Urgentnaya addiksiya kak forma addiktivnogo povedeniya lichnosti [Urgent addiction as a form of person's addictive behaviour] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2006, no. 3 (11), pp. 65—68. URL: <http://elibrary.miu.by/journals!/item.pj/issue.11/article.12.html> (Accessed 03.07.2021). (In Russ.).

Рябова М.Г., Канунников Р.И.
Личностные детерминанты форм аддиктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел (на примере ургентной зависимости)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 44–53.

Ryabova M.G., Kanunnikov R.I.
Personality Determinants of the Forms of Addictive Behavior of Internal Affairs Officers (on the Example of Urgency Addiction)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 44–53.

14. Young J. E. *Odinochestvo, depressiya i kognitivnaya terapiya: teoriya i ee primeneniye. Labirinty odinochestva = The Anatomy of Loneliness. Loneliness. Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy.* Moscow: Progress, 1989, pp. 552—593. (In Russ.).

15. Tassi N. *Urgency Addiction.* New York, 1993. 197 p.

Информация об авторах

Рябова Мария Геннадьевна, кандидат психологических наук, заместитель начальника, кафедра философии, психологии и гуманитарных дисциплин, Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8119-4681>, e-mail: ryabina_mariya@mail.ru

Канунников Роман Игоревич, кандидат психологических наук, доцент, кафедра философии, психологии и гуманитарных дисциплин, Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

Information about the authors

Maria G. Ryabova, PhD in Psychology, Deputy Head, Department of Philosophy, Psychology and Humanities, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8119-4681>, e-mail: ryabina_mariya@mail.ru

Roman I. Kanunnikov, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Philosophy, Psychology and Humanities, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

Получена 31.08.2021
Принята в печать 08.01.2022

Received 31.08.2021
Accepted 08.01.2022

Особенности профессиональных компетенций наставников и межличностных отношений наставников и стажеров в системе МВД России

Душкин А.С.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Гончарова Н.А.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Коноплева И.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Костина Л.Н.

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Ковальчук И.А.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

В статье рассматривается проблема наставничества в системе МВД России, решение которой обеспечивает эффективность адаптации сотрудников к профессии. Выборку составили 91 сотрудник органов внутренних дел. Методики: «ДМО» Л.Н. Собчик; «КОС»; авторская анкета оценки профессиональных компетенций наставников. Результаты исследования показали, что наиболее значимыми компетенциями наставников являются «коммуникабельность», «аналитическая компетенция» и «знание подразделения». Установлено, что стажеры более высоко оценивают уровень профессиональной компетентности и знания подразделения наставниками, чем наставники ($p \leq 0,00001$); наставники склонны к недооценке своих профессиональных компетенций, занижению собственных достоинств, демонстрируют низкий уровень организаторских склонностей, но высокий уровень коммуникативных склонностей. В межличностных отношениях предпочитают независимо-доминирующую и властно-доминирующую модель поведения.

Душкин А.С. [и др.],
Особенности профессиональных компетенций
наставников и межличностных отношений
наставников и стажеров в системе МВД России
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 54–66.

Dushkin A.S. et al.
The Peculiarities of Tutors' Professional Competences
and Interpersonal Relationships between Tutors and Interns
in the System of the Ministry of the Interior of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 54–66.

Ключевые слова: наставники, стажеры, профессиональная компетентность, психологическое сопровождение, самооценка, коммуникативные и организаторские склонности, модели межличностных отношений.

Для цитаты: Душкин А.С., Гончарова Н.А., Коноплева И.Н., Костина Л.Н., Ковальчук И.А. Особенности профессиональных компетенций наставников и межличностных отношений наставников и стажеров в системе МВД России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 54–66. DOI:10.17759/psylaw.2022120105

The Peculiarities of Tutors' Professional Competences and Interpersonal Relationships between Tutors and Interns in the System of the Ministry of the Interior of Russia

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Natalya A. Goncharova

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Inga N. Konopleva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Lyubov N. Kostina

Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Ilya A. Kovalchuk

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

The article deals with the problem of mentorship within the MIA system. The solution to this problem ensures effective adaptation of the personnel to their professions. The sample comprised 91 internal affairs officers. The methodologies used are the following: 1) Diagnostics of Interpersonal Relations (DIR) questionnaire by Sobchik L.N.; 2) Communicative and Organizational Aptitudes (COA) inventory; 3) an authorial methodology for assessing mentors' professional competence. The results of the study demonstrated that the most significant competences that mentors possess are communication skills, analytical competence and knowledge of the divisions they work for. It has been established that trainees' estimation of their mentors' professional competence and knowledge of the divisions is better than that of the mentors ($p \leq 0.00001$); the latter tend to underestimate their own professional skills, underrate their own virtues, show a lower level of organizational aptitudes, but a higher level of communicative ones. In their interpersonal relations mentors tend to assume an independent-dominant and "bossy"-dominant behavior style.

Keywords: mentors, trainees, professional competence, psychological counselling, self-esteem, communicative and organizational aptitudes, models for interpersonal relations.

For citation: Dushkin A.S., Goncharova N.A., Konopleva I.N., Kostina L.N., Kovalchuk I.A. The Peculiarities of Tutors' Professional Competences and Interpersonal Relationships between Tutors and Interns in the System of the Ministry of the Interior of Russia. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 54–66. DOI:10.17759/psylaw.2022120105 (In Russ.).

Введение

Проблема наставничества в психологии, начиная с XX века и по настоящее время, приобрела особую актуальность в связи с переоценкой и пересмотром основных ценностных приоритетов личности и позиции наставника в органах внутренних дел [12; 14; 15]. Система наставничества представляет собой социальный институт, при помощи которого обеспечивается эффективность передачи знаний и опыта, культуры организации и скорость введения сотрудника в процесс работы (должность). Такая форма профессионального взаимодействия, в виде подготовки к обряду инициации, системы взаимного обучения, волонтерства, тьюторства, встречается в истории развития различных культурных сообществ [3; 4; 15]. Это свидетельствует о том, что процесс обретения профессиональных навыков, при помощи взаимоотношений с опытным профессионалом, является эффективным способом обучения, поэтому система наставничества стала закономерностью в любом виде профессиональной деятельности.

Возрождение института наставничества в новом формате, происходит на основе переосмысления его форм, функций и самой сути [2; 6]. В оценке потенциала данной формы взаимодействия молодого и опытного сотрудника наставничество, с точки зрения Д. Майстера, считается инвестицией в долгосрочное развитие организации и ее «здоровье» [10]. В данном контексте М.В. Кларин, В.М. Соина справедливо отмечают, что «...наставничество имеет больше возможностей для применения, например, обеспечение связи поколений, передача культурных традиций, усиление мотивации сотрудников, повышение сплоченности коллектива» [6; 18]. В области педагогических профессий исследования показывают высокую роль наставничества в обеспечении стабильности кадрового состава и предупреждения оттока молодых специалистов из сферы деятельности [1].

В работах зарубежных авторов Ф. Дента [20], Б. Гарви [21], Г. Льюиса [9], Д. Меггинсона [22], Б. Паккарда [23], Л. Рая [11], М. Станье [24] понятие «наставничество» рассматривается в рамках деятельности менеджеров по управлению персоналом. Д. Меггинсон был одним из первых исследователей, определивших наставничество в качестве помощи персоналу, нуждающемуся в перспективном видении своих будущих возможностей [22]. Д. Клаттербак обращает внимание на умение наставника совмещать в себе роль родителя и сверстника для сопровождения индивида на переходном этапе его развития. Наставничество, в его понимании, включает в себя коучинг, фасилитацию, консультирование и сеть контактов для воодушевления и поощрения своего ученика за отношение к своей работе [19].

Е.Н. Фомин определяет наставничество как «...лично ориентированный педагогический процесс, призванный помочь начинающему работнику овладеть профессией, определить для себя ее значимость в своей жизни» [18].

Наставничество стало признанным инструментом кадровой работы в органах государственной службы. В методическом инструментарии по осуществлению наставничества на го-

сударственной гражданской службе Российской Федерации (версия 2.0) (письмо Минтруда России от 28 мая 2020 г. № 18-4/10/П-4994) под наставничеством понимается метод профессионального развития, направленный на формирование у молодых гражданских служащих профессиональных знаний и умений, надлежащего исполнения ими должностных обязанностей [5; 13].

В связи с пересмотром взглядов руководителей и психологов в органах внутренних дел, возникла необходимость всестороннего детального анализа особенностей осуществления наставничества и психологического сопровождения наставников в системе МВД России в целях подготовки квалифицированных специалистов, способных самостоятельно справляться с повседневными служебными обязанностями [8; 16]. Наставничество является необходимым условием на начальном этапе профессионализации, так как, по оценке наставников, в системе органов внутренних дел высокий уровень профессиональной подготовки отмечается только у 59—60% выпускников — сотрудников органов внутренних дел [17].

Система наставничества в органах внутренних дел Российской Федерации осуществляется на основании приказа МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации». Наставник закрепляется за каждым стажером на период его индивидуального обучения, а также за «сотрудником, переведенным на вышестоящую, равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел, соответствующую иному функциональному предназначению либо направлению деятельности» [7]. Вместе с тем «Порядок организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» не содержит четких критериев подбора наставников [2]. Критерий «опытности» сотрудника для осуществления функций наставничества не является достаточным основанием для осуществления психолого-педагогического воздействия на стажера. Необходим учет факторов наличия специальных коммуникативных и организаторских компетенций и сформированных моделей отношений «сотрудничающего» типа.

Таким образом, проблема наставничества и критериев оценки профессиональных качеств и компетенций наставника в системе МВД России в настоящее время приобретает актуальность, а ее решение значимо, как для психологического анализа, так и для повышения эффективности наставнической деятельности.

Цель исследования — определить ведущие компетенции эффективного наставника на основе анализа их оценки представителями различных структурных подразделений органов внутренних дел и установить особенности коммуникативных компетенций наставников и стажеров.

Гипотеза исследования: эффективность наставника обеспечивается коммуникативной и организаторской компетентностью, способностями к сотрудничеству и согласованностью представлений наставника о Я-реальных и Я-идеальных моделях межличностных отношений.

Методы и методики исследования

Выборка исследования представлена 91 сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации, проходящих службу в УМВД России по г. Омску. Из них 30 наставников, 30 стажеров и 15 руководителей стажеров, проходящих службу в патрульно-постовой службе полиции (далее — ПППСП), а также 16 сотрудников отдела морально-психологического обеспечения (далее — ОМПО).

Методы исследования: опрос (анкетирование, интервью), экспертная оценка, статистические методы обработки результатов: дескриптивная статистика, критерий Колмогорова—Смирнова, непараметрический U-критерий Манн—Уитни, множественный регрессионный анализ. В исследовании использовались следующие методики: метод диагностики межличностных отношений (ДМО) (Л.Н. Собчик), «Коммуникативные и организаторские склонности» (КОС) (В.В. Синявский, В.А. Федорошин). Авторская анкета, оценки профессиональных компетенций наставника.

Результаты исследования и их обсуждение

Изучение показателей, полученных с помощью анкеты оценки профессиональных компетенций наставников, позволило установить, что оценка качества «идеального наставника» отражает различный уровень понимания опрошенных лиц, в числе которых были представлены наставники, стажеры, руководители и сотрудники ОМПО УРЛС (рис. 1).

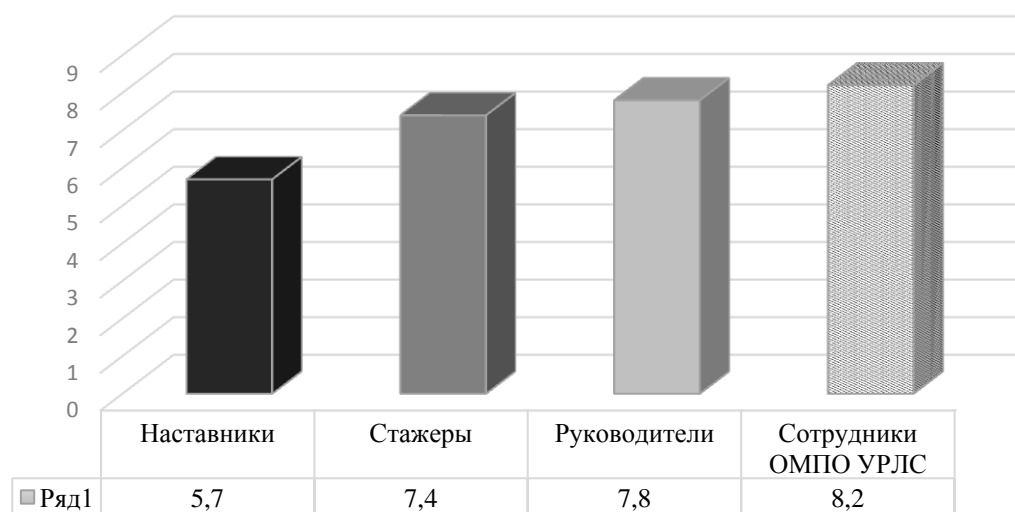


Рис. 1. Сравнение показателей оценки общего уровня профессиональной компетентности «идеального наставника»

Сравнительный анализ показателей оценки профессиональной компетентности «идеального наставника» выявил существенные различия в представлениях респондентов. Установлено, что оценка значимых компетенций наставников выше всего в группах руководителей и сотрудников ОМПО. Предъявленный блок компетенций (обозначенных в анкете) в представлениях данных лиц выступает в качестве важного и необходимого. Так, руководители высоко оценили необходимость владения такими компетенциями, как «коммуникабельность» ($4,3 \pm 0,5$), «аналитическая компетенция» ($4,0 \pm 0,4$) и «знание подразделения» ($4,6 \pm 0,4$). Меньшим уровнем значимости в данной оценке является такая компетенция, как «служебный рост стажера» ($3,9 \pm 0,3$); а наименьшей значимостью обладает компетенция «саморазвитие» ($2,8 \pm 0,6$). В целом, сотрудники ОМПО высоко оценивают необходимость всех компетенций, но в меньшей степени это касается саморазвития ($4,0 \pm 0,8$), что, возможно, определяется высокой оценкой профессионализма референтных лиц.

В ходе анализа было проведено сравнение оценки компетенций «реального наставника», которую выполнили только наставники и стажеры (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение показателей самооценки профессиональных компетенций в группе наставников и оценки профессиональных компетенций наставников группой стажеров

Профессиональные компетенции	Наставники M ± σ	Стажеры M ± σ	U Манна — Уитни	Z	p ≤
Общая профессиональная компетентность	5,37±1,4	7,41± 1,2	133,0	-4,7	0,00001
Коммуникабельность	3,4 ± 0,6	3,7 ± 0,9	326,0	-1,9	0,05
Аналитическая компетенция	3,4 ± 0,5	3,8 ± 1,0	333,0	-1,8	0,07
Служебный рост стажера	3,4 ± 0,5	3,6 ± 0,9	362,0	-1,3	0,1
Саморазвитие	3,0 ± 0,8	3,1 ± 0,9	446,5	-0,1	0,9
Знание подразделения	3,5 ± 0,7	4,2 ± 0,9	226,5	-3,4	0,0008

Значения показателей самооценки развития компетенций в группе наставников являются достоверно низкими. Наставники оценивают себя более критично по сравнению с тем, как их оценивают стажеры. Значимо выше компетенции наставников оценили стажеры, а именно профессиональную компетентность и коммуникабельность.

Анализ выраженности коммуникативных и организаторских склонностей наставников показал, что коэффициент развития коммуникативных склонностей находится в пределах высоких значений (0,7±0,2). Значение коэффициента «организаторских склонностей» соответствует показателю низкого уровня (0,5±0,1).

В результате множественного регрессионного анализа было выявлено, что коммуникабельность, как компетенция наставников, значимо связана с коммуникативными склонностями ($\beta=0,39$; $p \leq 0,046$), показатели аналитической компетенции — с организаторскими склонностями ($\beta=0,41$; $p \leq 0,039$), значения ориентации на служебный рост стажера — с коммуникативными склонностями наставника ($\beta=0,45$; $p \leq 0,03$). При анализе β -коэффициентов было выявлено, что коммуникативные и организаторские склонности положительно связаны с некоторыми профессиональными компетенциями наставников.

Анализ результатов диагностики моделей поведения в «реальных» межличностных отношениях группы наставников и группы стажеров показал, что респонденты обеих групп достаточно уверены в себе и проявляют качества руководителя. Значимые различия между группами установлены в значениях показателей «независимый-доминирующий» ($U=310$; $p \leq 0,035$), «недоверчивый-скептический» ($U=289,5$; $p \leq 0,013$), «покорно-застенчивый» ($U=238,5$; $p \leq 0,001$), «сотрудничающий-конвенциональный» ($U=219$; $p \leq 0,0001$). Стажеры в большей степени описывали себя как уверенных, независимых личностей, выбирающих соперничающий стиль межличностных отношений. Для них характерным является реалистичность суждений и поступков, скептицизм и неконформизм.

Для представителей группы наставников является характерным высокий уровень властности и лидерства, независимость, реалистичность, скромность, склонность брать ответственность на себя и выполнять чужие обязанности. Они испытывают острую потребность в помощи, доверии и признании, стремятся к тесному сотрудничеству, великодушны и готовы помогать другим.

Сравнительный анализ показателей «идеальных» представлений исследуемых групп позволил выявить ряд достоверных различий между значениями наставников и стажеров в уровне выраженности таких шкал, как «недоверчивый-скептический» ($U=290$; при $p \leq 0,012$) и «покорно-застенчивый» ($U=300$; $p \leq 0,017$). Исходя из результатов можно предположить, что характерными являются такие поведенческие особенности, как недоверчивость (выше у наставников), покорность и застенчивость (выше у стажеров).

Уровень идеальных представлений о поведении в межличностных отношениях наставников и стажеров значимо выше показателей реального поведения. Сравнительный анализ моделей реального поведения в межличностных отношениях наставников и стажеров показал значимые преимущества наставников в независимости, доминировании, недоверчивости. В группе стажеров установлены приоритеты моделей покорности и застенчивости, а также стремление к сотрудничеству.

Идеальные представления группы наставников о моделях межличностных отношений свидетельствуют о наличии внутриличностного конфликта, при котором Я-реальное и Я-идеальное не совпадает (рис. 2).



Рис. 2. Сравнение показателей реальных и идеальных моделей поведения в межличностных отношениях у представителей группы наставников

Так, при демонстрации в реальном поведении застенчивости, послушности, зависимости и покорности в идеальных представлениях о межличностных коммуникациях присутствуют идеалы власти, агрессивности, независимости, скептицизма и прямолинейности. Вместе с тем неизменными остаются значения показателей сотрудничества. В идеальных представлениях о зависимости и послушности наблюдается тенденция к снижению этих показателей.

Заключение

Исследование показало, что в оценке компетенций наставников стажерами, руководителями и сотрудниками ОМПО УРЛС наиболее значимыми являются коммуникабельность, аналитическая компетенция и знание подразделения. Наставники склонны занижать собственные достоинства, что свидетельствует о низкой самооценке и наличии определенных нравственных качеств, выраженных в скромности, застенчивости, склонности брать на себя ответственность и выполнять чужие обязанности.

Установлен высокий уровень коммуникативных склонностей наставников, скоростных способностей в ориентации при возникающих сложных обстоятельствах деятельности. Уровень организаторских склонностей менее выражен, отмечаются сложности в отстаивании собственного мнения, долгое переживание обиды, избегание самостоятельных решений, нежелание проявлять инициативу.

В исследовании определено влияние коммуникативных и организаторских склонностей на профессиональные компетенции наставников. Это позволяет предположить, что при более высоком уровне непосредственности, прямолинейности и настойчивости в достижении цели у наставников будут увеличиваться поведенческие индикаторы их компетентности. При повышении уровня коммуникативных склонностей будет наблюдаться увеличение значений коммуникативных компетенций и ориентации на служебный рост стажера. Увеличение уровня организаторских склонностей наставников соответственно повлечет за собой увеличение значений аналитической компетенции.

Сравнительный анализ моделей реального поведения в межличностных отношениях наставников и стажеров показал значимые преимущества наставников при проявлении таких качеств, как независимость, доминирование, недоверчивость. В группе стажеров установлены приоритеты моделей покорности и застенчивости, а также стремление к сотрудничеству. Уровень идеальных представлений о поведении в межличностных отношениях наставников и стажеров значимо выше показателей реального поведения. Идеальные оценки особенностей межличностных отношений наставников и стажеров имеют больше сходств, чем оценки их реальных поведенческих особенностей.

Учитывая высокую степень положительной оценки стажерами коммуникативных компетенций идеального и реального наставника, следует обратиться к проблеме развития специфических компетенций наставников. Основные задачи состоят в обеспечении их психологического сопровождения, развития организаторских умений, способностей к психологической поддержке молодого специалиста, навыков анализа, оценки и контроля его деятельности.

Перспективы дальнейших исследований проблемы мы видим в более детальном изучении форм и задач психологического сопровождения наставников и стажеров в системе МВД России.

Литература

1. Аржаных Е.В. Роль института наставничества в профессиональном становлении молодых педагогов [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 4. С. 27—37. doi:10.17759/pse.2017220405
2. Василенко Т.Н., Денисенко Е.С. Индивидуальное обучение и перспективы развития института наставничества в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 139—144.
3. Долгушева А.Н., Кадневский В.М., Сергиенко Е.И. Наставничество как педагогический феномен: история и современность // Вестник Омского университета. 2013. № 4 (70). С. 264—268.
4. Илакавичус М.Р. Риски и потенциалы внедрения целевой модели наставничества в Российском образовании // От Советской школы к Российской школе XXI века: вопросы воспитания. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (8—9 апреля 2021 г.). М.: НОУ «Педагогический поиск», 2021. С. 42—45.

5. *Кеменев Д.А.* Закономерности наставничества как факторная обусловленность его институционализации на государственной службе [Электронный ресурс] // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Том 14. № 4. С. 228—241. doi:10.22394/2071-2367-2019-14-4-228-241
6. *Кларин М.В.* Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 5. С. 92—112.
7. *Климов А.Ю., Климова В.О.* Актуальные проблемы организации наставничества в органах внутренних дел и пути их преодоления [Электронный ресурс] // Закон и право. 2019. № 11. С. 37—39. doi:10.24411/2073-3313-2019-10494
8. *Кубышко В.Л.* Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 95—103. doi: 10.11621/npj.2017.0409
9. *Льюис Г.* Менеджер-наставник. М.: Баланс Клуб, 2002. 192 с.
10. *Майстер Д.* Управление фирмой, оказывающей профессиональные услуги. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 386 с.
11. *Рай Л.* Развитие навыков эффективного общения. СПб: Питер, 2002. 288 с.
12. *Савинова С.Ю., Кудрявцева В.В.* Наставничество: традиция и новые смыслы // Научное мнение. 2015. № 11-3. С. 130—137.
13. *Савчук Д.А.* Технология наставничества на государственной гражданской службе: трудности на этапе внедрения [Электронный ресурс] // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Том 11. № 1. С. 43—48. doi:10.12737/18230
14. *Сардак Д.Б.* Актуальные проблемы института наставничества в системе органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Закон и право. 2021. № 3. С. 96—99. doi:10.24412/2073-3313-2021-3-96-99
15. *Соина В.М.* Наставничество как предмет научной рефлексии [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5(84). С. 232—234. doi:10.24411/1991-5497-2020-00943
16. *Ульянина О.А.* Концепция психологического сопровождения профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 6. С. 28—37. doi:10.17759/pse.2019240603
17. *Ульянина О.А.* Удовлетворенность профессиональной подготовкой выпускников образовательных организаций МВД России [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 4. С. 133—146. doi:10.17759/psyedu.2019110411
18. *Фомин Е.Н.* Диверсификация института наставничества как потенциал успешной адаптации молодого специалиста // Среднее профессиональное образование. 2012. № 7. С. 6—8.
19. *Clutterbuck D.* Everyone needs a Mentor. Everyone needs a mentor: fostering talent in your organization. London: Institute of Personnel and Development, 2004. 200 p.
20. *Dent F. E., Brent M.* The Leader's Guide to Coaching and Mentoring: How to Use Soft Skills to Get Hard Results. FT Publishing International, 2015. 256 p.
21. *Garvey B., Stokes P., Megginson D.* Coaching and Mentoring: Theory and Practice. London: SAGE Publishing, 2018. 368 p.
22. *Megginson D.* Techniques for Coaching and Mentoring. London: Butterworth-Heinemann, 2005. 224 p.

Душкин А.С. [и др.],
Особенности профессиональных компетенций
наставников и межличностных отношений
наставников и стажеров в системе МВД России
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 54–66.

Dushkin A.S. et al.
The Peculiarities of Tutors' Professional Competences
and Interpersonal Relationships between Tutors and Interns
in the System of the Ministry of the Interior of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 54–66.

23. Packard B. W., Fortenberry N. L. Successful STEM mentoring initiatives for underrepresented students: A research-based guide for faculty and administrators. First edition. Sterling. Virginia: Stylus, 2018. 163 p.

24. Stanier M. B. The Coaching Habit: Say Less, Ask More & Change the Way You Lead Forever. NY: Box of Crayons Press, 2020. 117 p.

References

1. Arzhanykh E.V. Rol' instituta nastavnichestva v professional'nom stanovlenii molodykh pedagogov [Role of Mentoring System in Professional Development of Entry-Level Teachers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie=Psychological Science and Education*, 2017. Vol. 22, no. 4, pp. 27—37. doi:10.17759/pse.2017220405 (In Russ.).
2. Vasilenko T.N., Denisenko E.S. Individual'noe obuchenie i perspektivy razvitiya instituta nastavnichestva v organakh vnutrennikh del [Individual training and development perspectives of the mentoring institute in internal affairs bodies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2. pp. 139—144. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Dolgusheva A.N., Kadnevskii V.M., Sergienko E.I. Nastavnichestvo kak pedagogicheskii fenomen: istoriya i sovremennost' [Tutorship as a pedagogical phenomenon: Past and Present]. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*, 2013, no. 4 (70). pp. 264—268. (In Russ.).
4. Pakavichus M.R. Riski i potentsialy vnedreniya tselevoi modeli nastavnichestva v Rossiiskom obrazovanii. *Ot Sovetskoi shkoly k Rossiiskoi shkole XXI veka: voprosy vospitaniya. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (8—9 aprelya 2021 g.)*. Moscow: NOU "Pedagogicheskii poisk", 2021, pp. 42—45. (In Russ.).
5. Kemenev D.A. Zakonomernosti nastavnichestva kak faktornaya obuslovlennost' ego institutsionalizatsii na gosudarstvennoi sluzhbe [Regularities of mentoring as a factor conditionality of its institutionalization in the public service] [Elektronnyi resurs]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*, 2019. Vol. 14, no. 4, pp. 228—241. doi:10.22394/2071-2367-2019-14-4-228-241 (In Russ.).
6. Klarin M.V. Sovremennoe nastavnichestvo: novye cherty traditsionnoi praktiki v organizatsiyakh XXI veka. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, 2016, no. 5, pp. 92—112. (In Russ.).
7. Klimov A.Yu., Klimova V.O. Aktual'nye problemy organizatsii nastavnichestva v organakh vnutrennikh del i puti ikh preodoleniya [Topical problems of the mentorship organization in bodies of internal affairs and ways of overcoming them] [Elektronnyi resurs]. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2019, no. 11, pp. 37—39. doi:10.24411/2073-3313-2019-10494 (In Russ.).
8. Kubyshko V.L. Sovershenstvovanie psikhologicheskoi raboty v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoi deyatelnosti lichnogo sostava organov vnutrennikh del [Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support for the operational activities in the internal affairs personnel] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2017, no. 4 (28), pp. 95—103. doi:10.11621/npj.2017.0409 (In Russ.).
9. Lewis G. Menedzher-nastavnik [The mentoring manager]. Moscow: Balans Klub, 2002. 192 p. (In Russ.).

10. Maister D. H. Upravlenie firmoi, okazyvayushchei professional'nye uslugi [Managing the Professional Service Firm]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2012. 386 p. (In Russ.).
11. Rae L. Razvitie navykov effektivnogo obshcheniya [Using people skills in training and development]. Saint Petersburg: Piter, 2002. 288 p. (In Russ.).
12. Savinova S.Yu., Kudryavtseva V.V. Nastavnichestvo: traditsiya i novye smysly [Mentoring: tradition and new senses]. *Nauchnoe mnenie = The Scientific Opinion*, 2015, no. 11-3, pp. 130—137. (In Russ.).
13. Savchuk D.A. Tekhnologiya nastavnichestva na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe: trudnosti na etape vnedreniya [Mentoring technology at civil service: Difficulties at the stage of implementation] [Elektronnyi resurs]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*, 2016. Vol. 11, no. 1, pp. 43—48. doi:10.12737/18230 (In Russ.).
14. Sardak D.B. Aktual'nye problemy instituta nastavnichestva v sisteme organov vnutrennikh del [Actual problems of the institute of mentoring in the system of internal affairs bodies] [Elektronnyi resurs]. *Zakon i pravo=Law and Legislation*, 2021, no. 3, pp. 96—99. doi:10.24412/2073-3313-2021-3-96-99 (In Russ.).
15. Soina V.M. Nastavnichestvo kak predmet nauchnoi refleksii [Mentoring as a subject of scientific reflection] [Elektronnyi resurs]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2020, no. 5 (84), pp. 232—234. doi:10.24411/1991-5497-2020-00943 (In Russ.).
16. Ulyanina O.A. Kontseptsiya psikhologicheskogo soprovozhdeniya professional'noi podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del [The Concept of Psychological Support of Professional Training of Police Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no. 6, pp. 28—37. doi:10.17759/pse.2019240603. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Ulyanina O.A. Udovletvorennost' professional'noi podgotovkoi vypusnikov obrazovatel'nykh organizatsii MVD Rossii [Satisfaction with Professional Training of Graduates of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologopedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2019. Vol. 11, no. 4, pp. 133—146. doi:10.17759/psyedu.2019110411 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Fomin Ye.N. Diversifikatsiya instituta nastavnichestva kak potentsial uspeshnoi adaptatsii molodogo spetsialista [Diversification of mentorship institute as a potential for successful adaptation of a young specialist]. *Srednee professional'noe obrazovanie = The Journal of Secondary Vocational Education*, 2012, no.7, pp. 6—8. (In Russ.).
19. Clutterbuck D. Everyone needs a Mentor. Everyone needs a mentor: fostering talent in your organization. London: Institute of Personnel and Development, 2004. 200 p.
20. Dent F. E., Brent M. The Leader's Guide to Coaching and Mentoring: How to Use Soft Skills to Get Hard Results. FT Publishing International, 2015. 256 p.
21. Garvey B., Stokes P., Megginson D. Coaching and Mentoring: Theory and Practice. London: SAGE Publishing, 2018. 368 p.
22. Megginson D. Techniques for Coaching and Mentoring. London: Butterworth-Heinemann, 2005. 224 p.
23. Packard B. W., Fortenberry N. L. Successful STEM mentoring initiatives for underrepresented students: A research-based guide for faculty and administrators. First edition. Sterling. Virginia: Stylus, 2018. 163 p.

Душкин А.С. [и др.],
Особенности профессиональных компетенций
наставников и межличностных отношений
наставников и стажеров в системе МВД России
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 54–66.

Dushkin A.S. et al.
The Peculiarities of Tutors' Professional Competences
and Interpersonal Relationships between Tutors and Interns
in the System of the Ministry of the Interior of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 54–66.

24. Stanier M. B. *The Coaching Habit: Say Less, Ask More & Change the Way You Lead Forever*. NY: Box of Crayons Press, 2020. 117 p.

Информация об авторах

Душкин Антон Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, начальник, кафедра педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Гончарова Наталья Андреевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Коноплева Инга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Костина Любовь Николаевна, доктор психологических наук, доцент, начальник, кафедра психологии, учебно-научный комплекс психологии служебной деятельности, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Ковальчук Илья Александрович, кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и педагогической психологии, психологический факультет, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

Information about the authors

Anton S. Dushkin, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Pedagogy and Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Natalya A. Goncharova, PhD in Psychology, Docent, Associated Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Inga N. Konopleva, PhD in Psychology, Docent, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Lyubov N. Kostina, Doctor of Psychology, Docent, Head, Department of Psychology, Educational and Scientific Complex of Psychology in Service Activity, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Душкин А.С. [и др.],
Особенности профессиональных компетенций
наставников и межличностных отношений
наставников и стажеров в системе МВД России
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 54–66.

Dushkin A.S. et al.
The Peculiarities of Tutors' Professional Competences
and Interpersonal Relationships between Tutors and Interns
in the System of the Ministry of the Interior of Russia
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 54–66.

Ива А. Kovalchuk, PhD in Psychology, Associated Professor, Department of General and Pedagogic Psychology, Psychological Faculty, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

Получена 18.10.2021
Принята в печать 18.01.2022

Received 18.10.2021
Accepted 18.01.2022

Социально-психологические установки адвокатов, сменивших профессию следователя

Пухарева Т.С.

Кубанский государственный университет (ФГБОУ ВО «КубГУ»), г. Краснодар, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>, e-mail: puchareva@bk.ru

Шерстюк Т.С.

Юридическая фирма «Регион права», г. Краснодар, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5528-5301>, e-mail: ts.05@bk.ru

В статье приводятся данные исследования социально-психологических установок у адвокатов, ранее осуществлявших следственную деятельность. Было обследовано 60 респондентов: адвокаты (20 человек); следователи (20 человек); адвокаты, ранее занимавшие должность следователя (20 человек). Используются: «Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потемкина) и методика «Якоря карьеры» (Э. Шейн). Показано, что адвокаты, ранее бывшие следователями, ориентированы на служение, реализацию своих идеалов и ценностей в профессии, максимальное использование своих способностей и опыта, стремятся быть результативными, им свойственны стремление к свободе и независимости. Делается вывод о том, что одной из субъективных причин смены профессии следователя на адвоката выступают отличительные социально-психологические установки личности. Результаты исследования могут быть полезны для психологических интерпретаций выбора и смены профессии, превенции профессиональных деструкций у представителей юридических профессий, а также могут учитываться психологами и психологическими службами для моделирования психogramm профессий адвоката и следователя.

Ключевые слова: профессия, юрист, карьера, социально-психологические установки, карьерные ориентации.

Для цитаты: Пухарева Т.С., Шерстюк Т.С. Социально-психологические установки адвокатов, сменивших профессию следователя [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 67—76. DOI:10.17759/psylaw.2022120106

Socio-Psychological Attitudes of Lawyers Who Previously Worked as Investigators

Tatiana S. Pukhareva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>, e-mail: puchareva@bk.ru

Tatiana S. Sherstyuk

Law Firm “Region of Law”, Krasnodar, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5528-5301>, e-mail: ts.05@bk.ru

The article presents the findings of the research of socio-psychological attitudes of lawyers who previously worked as investigators. 60 respondents have been surveyed, with 20 of them being lawyers, another 20 being investigators and the remaining 20 were lawyers previously working as investigators. These techniques were used: 1) “Methodology for diagnostics of personality’s socio-psychological attitudes in the need-motivational sphere” by Potyomkina O.F. 2) “Hope anchors” by Sheyn E. It has been shown that lawyers who previously worked as investigators are focused on their career, fulfillment of their ideals and values in their profession. They strive to use their talents and knowledge to the fullest, to be effective, they have an urge to be free and independent. Among other things, the study concludes that one of the subjective reasons for investigators to become lawyers are the distinctive socio-psychological attitudes of their personalities. The results of the study can be useful for psychological interpretations of choice and change of one’s occupation, to prevent occupational destructions in people of law professions. They can also be taken into account by psychologists and psychological services when modeling lawyers and investigators’ psychic profiles.

Keywords: profession, lawyer, career, socio-psychological attitudes, career orientations.

For citation: Pukhareva T.S., Sherstyuk T.S. The Socio-Psychological Attitudes of Lawyers Who Previously Worked as Investigators. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 67–76. DOI:10.17759/psylaw.2022120106 (In Russ.).

Введение

Исследовательский интерес к изучению и анализу личностно-профессиональных компонентов направленности специалиста, сменившего основной род профессиональной деятельности, обуславливается, с одной стороны, необходимостью поиска личностных причин смены профессии специалистами, с другой — значимостью осмысления роли ведущих установок и мотивов в выборе профессии и (или) последующем изменении траектории профессионального пути. Целью проведенного нами теоретико-эмпирического исследования стало изучение социально-психологических установок у адвокатов, сменивших профессию следователя. Мы предположили о существовании отличительных социально-психологических установок у адвокатов, ранее осуществлявших следственную деятельность, в сравнении с адвокатами и следователями, работающими в рамках одного профессионального профиля.

Профессии адвоката и следователя относятся к группе юридических профессий и ассоциируются, прежде всего, с обеспечением и охраной законности и правопорядка в современ-

ном обществе. Вместе с тем различными в этих профессиях являются профессиональные задачи, условия выполнения работы, выраженность и сочетание поисковой, удостоверительной, коммуникативной и реконструктивной сторон профессиональной деятельности.

Адвокат, в силу профессии, призван оказывать юридическую помощь гражданам и организациям, защищать права и интересы обвиняемого, подсудимого. Коммуникативная компетентность адвоката выражается в умении устанавливать психологический контакт и доверительные отношения с людьми разного социального и правового статуса. От коммуникативных умений и ораторских способностей адвоката во многом зависит успешность и эффективность построения защиты. Организаторская сторона деятельности адвоката выражается в умении планировать, применять методы адвокатской практики, быстро ориентироваться в правовых ситуациях, тщательно продумывать линии защиты. Реконструктивный аспект профессии требует от адвоката творческой, аналитической и синтетической мышления. Кроме того, разъясняя и реализуя нормы права, адвокат способствует развитию правосознания клиентов, осуществляя функцию превенции правонарушений [3; 8; 13].

Основная профессиональная задача следователя заключается в поиске преступников и раскрытии преступлений. Поисковая сторона профессии следователя выражается в умении собирать и анализировать исходно значимую информацию и реконструировать события в правовом контексте. Коммуникации следователя направлены, прежде всего, на получение необходимой для раскрытия преступлений информации, которая должна быть удостоверена и преобразована в специальные, предусмотренные законом формы. Профессия следователя предполагает также наличие организаторских умений и навыков для координации процесса расследования и деятельности других людей. Реконструктивная сторона профессии следователя проявляется в умении проработать исходную информацию, выдвинуть и проверить гипотезы расследования, принять по ним ответственные решения. Социальное значение профессиональной деятельности следователя заключается в выяснении причин и условий преступности, принятии мер к их устранению [2]. На наш взгляд, специфика профессиональной деятельности адвокатов и следователей находит отражение в регуляторах профессионального поведения и профессиональных устремлений.

Социально-психологические установки понимаются как феномены, активно задействованные в процессе социального познания и регуляции социального поведения личности, обращенные к ее социальным потребностям. При их объяснении авторы используют такие понятия, как диспозиция (В.А. Ядов), социальная установка (Г.М. Андреева), аттитюд и аттитюдные системы (М. Смит, Д. Брунер, Д. Кац). Социально-психологические установки отражают внутреннюю позицию личности по отношению к миру и другим людям (Л.И. Божович). Социально-психологические установки интерпретируются как явления, органически включенные в личность, образующие ее условия, которые определяют диспозицию человека по отношению к профессиональной деятельности. Направленность личности, будучи стержневой психологической особенностью, детерминирует устремления человека и его отношения с миром [4; 5; 6; 12]. Поскольку социально-психологические установки являются базисом ценностно-смысловой направленности личности, они способствуют самореализации личности в профессиональной и других сферах жизни, оказывают влияние на ее профессиональный выбор и траекторию профессионального пути. Ранее, изучая динамические проявления саморазвития юристов в процессе профессионализации, мы отмечали, что у юристов в периоды адаптации к профессии и совершенствования профессионального мастерства интенсифицируется стремление к позитивным самоизменениям и улучшению своего внутреннего мира [11]. Возможно, потребность в самосовершенствовании и особенности диспозиций

в профессиональном поле становятся предикторами смены профиля юридической профессии. В целом, имеющиеся в настоящее время исследования социально-психологических установок и ценностно-смысловой сферы юристов разных профессиональных направленностей носят разрозненный характер, и авторы признают необходимость накопления подобного рода знаний для психолого-юридической науки и практики [1; 7; 9; 10; 14; 15].

Методы

Характеристика участников исследования. В эмпирическом исследовании приняли участие 60 человек, из них 30 мужчин и 30 женщин. Возраст участников — от 25 до 56 лет. Выборка была представлена тремя профессиональными группами:

- адвокаты, состоящие в адвокатских палатах или осуществляющие свою профессиональную деятельность в форме адвокатского кабинета г. Краснодара (20 человек, из них 15 женщин и 5 мужчин; средний стаж работы по профессии — 16,5 лет);
- следователи следственной части г. Краснодара и следственной части Центрального округа г. Краснодара (20 человек, из них 13 женщин и 7 мужчин; средний стаж службы составил 32,5 года);
- адвокаты, осуществляющие свою профессиональную деятельность в г. Краснодаре, которые ранее занимали должность следователя (20 человек, из них 2 женщины и 18 мужчин; средний стаж службы в следственных органах составил 11,5 лет, средний стаж в адвокатуре — 5,2 года).

Методики исследования. В качестве диагностического инструментария были использованы: «Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потемкина) и методика «Якоря карьеры» (Э. Шейн). Математико-статистическая обработка эмпирических данных включала вычисление средних выборочных значений, оценку достоверности различий по t-критерию Стьюдента и H-критерию Краскала — Уоллиса. Для обработки результатов использовался пакет прикладных программ Excel и IBM SPSS Statistics 23.0.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты изучения социально-психологических установок выборки в целом (N = 60) показывают, что наиболее выраженными среди респондентов являются ориентация на результат (средневыборочное значение — 6,75), установка на свободу (6,37) и альтруизм (5,23). Эти показатели вполне согласуются со спецификой юридических профессий и принципами юридической деятельности, поскольку в основе успешной профессиональной деятельности юриста лежит направленность на достижение результата вопреки помехам и возможным неудачам; стремление к свободе в профессии проявляется в независимости, самостоятельности принимаемых решений, в возможности выбора средств и методов работы (этот аспект профессиональной деятельности закреплён процессуально и строго регламентируется законом). Ориентация на альтруизм, оказание помощи другим людям, готовность действовать ради интересов других и закона соотносятся с одной из основных профессиональных задач юриста — защищать права и свободы граждан. При сравнительном анализе было выявлено: достоверно мужчины (7,27) более ориентированы, чем женщины (3,26), на достижение результатов в своей профессиональной деятельности, невзирая на различные препятствия.

Далее мы исследовали «якоря» карьеры респондентов (N = 60). Наиболее выраженными карьерными ценностями показаны служение (средневыборочное значение — 7,11), интеграция стилей жизни (6,56), автономия (6,19) и вызов (6,09). В выбранной профессии респон-

денты стремятся воплотить свои идеалы, принести пользу обществу, ориентированы на результативность работы, на максимальное использование своих способностей и опыта. Для опрошенных важно гармоничное соотношение между профессией и личной сферой, карьерой и общим стилем жизни; высокую значимость имеют оценки окружающих людей. Вместе с тем респонденты предпочитают выполнять работу автономно, самостоятельно, карьерные продвижения подразумевают для них возможность наиболее полно реализовать свою свободу. Участники опроса направлены на конкурентные отношения, решение сложных задач, преодоление трудностей ради результата. Следует отметить, что профессиональная деятельность юриста подразумевает состязательность, конкуренцию, определенного рода борьбу, поэтому карьера юриста, в том числе представителя адвокатуры или следствия — это постоянный вызов профессионализму. У женщин и мужчин карьерные ориентации достоверно различаются по показателю стабильности работы, для женщин (6,43) постоянство места работы и отсутствие командировок достоверно более важно, чем для мужчин (5,13). Кроме того, у женщин и мужчин существует тенденция к различиям по показателю интеграции стиля жизни. Женщины (6,93) больше стремятся к балансу между семьей и карьерой, чем мужчины (6,19).

Результаты изучения социально-психологических установок у адвокатов, следователей и адвокатов, ранее занимавших должность следователя, представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Показатели статистических различий
социально-психологических установок респондентов**

Социально-психологические установки	Адвокаты	Следователи	Адвокаты, бывшие следователи	Н-критерий Краскала—Уоллиса
	Средний ранг	Средний ранг	Средний ранг	Н
Процесс	28,15	34,40	28,95	1,573
Результат	29,00	25,45	37,05	4,863
Альтруизм	26,05	31,62	33,82	2,141
Эгоизм	23,55	38,85	29,10	8,256
Труд	38,85	24,70	27,95	7,441
Свобода	34,22	21,62	35,65	8,066
Власть	27,02	33,40	31,08	1,431
Деньги	31,40	32,50	27,60	0,950

Среди социально-психологических установок адвокатов, как наиболее приоритетные, выявлены труд (средний ранг — 38,85), свобода (34,22) и деньги (31,40). У следователей предпочитаемыми ориентациями являются эгоизм (38,85), процесс (34,40) и власть (33,40). Для адвокатов, сменивших профессию следователя, важны результат (37,05), свобода (35,65) и альтруизм (33,82).

Достоверные различия среди представителей профессий выявлены по таким показателям, как эгоизм ($p \leq 0,016$), ориентация на труд ($p \leq 0,024$) и на свободу ($p \leq 0,018$).

Результаты свидетельствуют, что адвокаты более других респондентов ориентированы на труд, который приносит им положительные эмоции и возможность увеличить свой материальный доход; для них также важна свобода принятия решений, деятельности и организации своего времени. Следователи, в отличие от других респондентов, характеризуются долей «разумного эгоизма»; приоритетной для них является сфера собственных интересов, а также способность влиять на других людей. Направленность деятельности на процесс говорит о том, что следователей мотивирует к выполнению дела прежде всего интерес, а рутинная работа вызывает негативное отношение. Адвокаты, ранее бывшие следователями, характеризуются стремлением к результату в деятельности, что считается показателем надежности и умения действовать вопреки трудностям. Им свойственны альтруистические побуждения и, по сравнению с другими респондентами, они в большей мере стремятся к свободе и независимости в жизни.

В табл. 2 представлены результаты изучения карьерных ориентаций у адвокатов, следователей и адвокатов, ранее занимавших должность следователя.

Таблица 2

Показатели статистических различий ценностных ориентаций в карьере респондентов

Ценностные ориентации в карьере	Адвокаты	Следователи	Адвокаты, бывшие следователи	Н-критерий Краскала — Уоллиса
	Средний ранг	Средний ранг	Средний ранг	Н
Профессиональная компетентность	34,15	24,95	32,40	3,145
Менеджмент	36,20	27,40	27,90	3,214
Автономия (независимость)	40,08	18,15	33,28	16,559
Стабильность работы	27,88	38,52	25,10	6,620
Стабильность места жительства	18,45	35,98	37,08	14,400
Служение	28,88	23,00	39,62	9,353
Вызов	44,20	20,45	26,85	19,852
Интеграция стилей жизни	37,65	26,52	27,32	5,073
Предпринимательство	38,08	24,30	29,12	6,425

Наиболее ценными ориентациями в карьере для адвокатов являются вызов (средний ранг — 44,20), автономия (40,08), предпринимательство (38,08). Для следователей при построении карьеры важны стабильность работы (38,52), места жительства (35,98) и менеджмент (27,40).

Адвокаты, ранее бывшие следователями, среди карьерных ориентаций выбирают служение (39,62), стабильность места жительства (37,08) и автономию (33, 28).

Достоверные различия в карьерных ориентациях выявлены по показателям «автономия» ($p \leq 0,001$), «стабильность работы» ($p \leq 0,037$) и «стабильность места жительства» ($p \leq 0,001$), «служение» ($p \leq 0,009$), «вызов» ($p \leq 0,0001$) и «предпринимательство» ($p \leq 0,040$).

Согласно полученным данным, адвокаты свою профессиональную деятельность и карьеру ассоциируют с вызовом, который может выражаться в профессиональной конкуренции, преодолении разного рода преград, в том числе в противовесе государству в лице следователя и государственного обвинителя. Адвокатов отличает автономность, творческий подход к решению задач, установка «работать на себя». Кроме того, адвокаты, по сравнению с другими респондентами, стремятся к гармонизации всех сторон своей жизни. Следователи ориентированы на стабильность в профессии, определенную предсказуемость в карьере, ценностью для них выступает чувство надежности профессионального пути. Среди приоритетов они выбирают и стабильность места жительства, что может указывать на стремление к безопасности и сохранению привычных условий жизни. Адвокаты, сменившие деятельность следователя, более других ориентированы на служение, реализацию своих идеалов и ценностей в профессиональном труде, для них важно видеть конкретные результаты своей работы. Они стараются освободить себя от организационных правил, нормативных предписаний и ограничений, стремятся к независимой от кого бы то ни было карьере. Вместе с тем эти респонденты достаточно консервативны, стараются сохранять одно место проживания, для них обременительны частые командировки.

Таким образом, социально-психологические установки и ценностные координаты карьеры адвокатов, сменивших профессию следственного работника, достоверно отличаются от ценностно-мотивационных регуляторов профессиональной деятельности адвокатов и следователей, не меняющих траекторию профессионального пути. Адвокаты, сменившие профессию следователя, в отличие от других респондентов, характеризуются большей направленностью на результат в работе и свободу действий, а также карьерными ориентациями на служение и стабильность места проживания.

Выводы

Проведенное исследование позволило прийти к некоторым заключениям.

Во-первых, одной из субъективных причин смены профессии следователя на адвоката выступают отличительные особенности социально-психологических установок личности, которые выражаются в стремлении к свободному выбору средств и методов выполнения работы, в ориентации на достижение результатов, стабильность, направленностью на максимальное использование своих способностей, опыта и реализацию своих идеалов и ценностей.

Во-вторых, знания (их расширение, анализ и осмысление) о специфике компонентов профессиональной направленности личности могут быть полезны для психологических интерпретаций выбора и смены профессии, изменения профессионального пути и превенции профессиональных деструкций у представителей юридических профессий.

В-третьих, результаты исследований социально-психологических установок и карьерных ориентаций адвокатов и следователей могут учитываться психологами и психологическими службами для моделирования психогрaмм юридических профессий.

Литература

1. Барко В.И., Макаренко П.В. Мотивационные стратегии поведения сотрудников ОВД и их психологическая диагностика // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 69—72.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб: Питер, 2009. 608 с.
3. Власова О.Г., Мещерина Н.Г. Исследование психологических особенностей труда адвоката в контексте задач профессиональной подготовки специалистов // Известия ТРТУ. Технические науки. 2006. № 13 (68). С. 120—123.
4. Забродин Ю.М., Сосновский Б.А. Мотивационно-смысловые связи в структуре направленности человека // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 100—106.
5. Знаков В.В. Динамический подход к исследованию личности и процессуальный анализ в психологии субъекта [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2019. Том 40. № 5. С. 27—34. doi:10.31857/S020595920006073-6
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2002. 512 с.
7. Кроз М.В. Деятельностные факторы мотивации труда прокурорских работников [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 1. С. 132—139. doi:10.17759/psylaw.2016060111
8. Морозов А.В., Жданов С.П., Красавчикова Л.И., Бианкина А.О., Калиновская В.С. Психология профессиональной деятельности адвоката [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 84—94. doi:10.17759/psylaw.2019090206
9. Никитина О.В. Психологические особенности мотивационных диспозиций в контексте профессиональной адаптации: на материале сотрудников МВД: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 21 с.
10. Пряхина М.В. Социально-психологические установки в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2000. 250 с.
11. Пухарева Т.С., Улитин И.Н. Саморазвитие юристов на разных этапах профессионализации [Электронный ресурс] // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2019. Том 7. № 2(25). doi:10.23888/humJ20192322-331
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2002. 720 с.
13. Скабелина Л.А. Психологические аспекты адвокатской деятельности: Монография. М.: Федеральная палата адвокатов, 2012. 229 с.
14. Хвезженко С.П., Дубнякова А.И. Анализ исследований в области мотивационных предпочтений сотрудников ОВД // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4 (36). С. 184—188.
15. Ходякова Н.В., Митин А.И., Ульянина О.А. Психологические аспекты проектирования обучения сотрудников правоохранительных органов с учетом их субъектной позиции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 195—209. doi:10.17759/psylaw.2021110115

References

1. Barko V.I., Makarenko P.V. Motivatsionnye strategii povedeniya sotrudnikov OVD i ikh psikhologicheskaya diagnostika [Motivation strategies of internal affairs agencies officer's conduct and their psychological diagnostics]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2014. no. 2 (57), pp. 69—72. (In Russ.).
2. Vasil'ev V.L. Yuridicheskaya psikhologiya. Saint Petersburg: Piter, 2009. 608 p. (In Russ.).

3. Vlasova O.G., Meshcherina, N.G. Issledovanie psikhologicheskikh osobennostei truda advokata v kontekste zadach professional'noi podgotovki spetsialistov. *Izvestiya TRTU. Tehnicheskie nauki = Izvestiya TRTU. Engineering Sciences*, 2006. no. 13(68), pp. 120—123. (In Russ.).
4. Zabrodin Yu.M., Sosnovskiy B.A. Motivatsionno-smyslovye svyazi v strukture napravlenosti cheloveka [Motivation—sense connection in human orientation structure]. *Voprosy Psikhologii*, 1989. no. 6, pp. 100—106. (In Russ.)
5. Znakov V.V. Dinamicheskii podkhod k issledovaniyu lichnosti i protsessual'nyi analiz v psikhologii sub'ekta [Dynamic approach to the research of the personality and the procedural analysis in psychology of the subject] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2019. no. 40 (5), pp. 27—34. doi:10.31857/S020595920006073-6 (In Russ.).
6. Il'in E.P. Motivatsiya i motivy. Saint Petersburg: Piter, 2002. 512 p. (In Russ.).
7. Kroz M.V. Deyatel'nostnye faktory motivatsii truda prokurorskikh rabotnikov [Action factors of work motivation of prosecutors] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law*, 2016. Vol. 6, no. 1, pp. 132—139. doi:10.17759/psylaw.2016060111 (In Russ.).
8. Morozov A.V., Zhdanov S.P., Krasavchikova L.I., Biankina A.O., Kalinovskaya V.S. Psikhologiya professional'noi deyatel'nosti advokata [The Psychology of Advocacy Work] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 84—94. doi:10.17759/psylaw.2019090206 (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Nikitina O.V. Psikhologicheskie osobennosti motivatsionnykh dispozitsii v kontekste professional'noi adaptatsii: na materiale sotrudnikov MVD: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2004. 21 p. (In Russ.).
10. Pryakhina M.V. Sotsial'no-psikhologicheskie ustanovki v professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del. Diss. kand. psikhol. nauk, Saint Petersburg, 2000. 250 p. (In Russ.).
11. Pukhareva T.S., Ulitin I.N. Samorazvitiye yuristov na raznykh etapakh professionalizatsii [Personal development of lawyers at different stages of professionalization] [Elektronnyi resurs]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitiye = Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 2019. Vol. 7, no. 2. doi: 10.23888/humJ20192322-331 (In Russ.).
12. Rubinstein S.L. Osnovy obshchei psikhologii. Saint Petersburg, 2002. 720 p. (In Russ.).
13. Skabelina L.A. Psikhologicheskie aspekty advokatskoi deyatel'nosti: Monografiya [Psychological aspects of advocacy: monograph]. Moscow: Federal'naya palata advokатов, 2012. 229 p. (In Russ.).
14. Khvezhenko S.P., Dubnyakova A.I. Analiz issledovaniy v oblasti motivatsionnykh predpochteniy sotrudnikov OVD. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the ST. Petersburg University of the Ministry of Internal affairs of Russia*, 2007, no. 4 (36), pp. 184—188. (In Russ.)
15. Khodyakova N.V., Mitin A.I., Ulyanina O.A. Psikhologicheskie aspekty proektirovaniya obucheniya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov s uchetom ikh sub'ektnoi pozitsii [Psychological Aspects of Designing the Education Process of Law Enforcement Personnel with their Subjective Position in Mind] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 195—209. doi:10.17759/psylaw.2021110115 (In Russ., abstr. in Engl.).

Пухарева Т.С., Шерстюк Т.С.
Социально-психологические установки адвокатов,
сменивших профессию следователя
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 67–76

Pukhareva T.S., Sherstyuk T.S.
The Socio-Psychological Attitudes of Lawyers
Who Previously Worked as Investigators
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 67–76.

Информация об авторах

Пухарева Татьяна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии и социологии управления, факультет управления и психологии, Кубанский государственный университет (ФГБОУ ВО «КубГУ»), г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>, e-mail: puchareva@bk.ru

Шерстюк Татьяна Сергеевна, помощник юриста, юридическая фирма «Регион права», г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5528-5301>, e-mail: ts.05@bk.ru

Information about the authors

Tatiana S. Pukhareva, Associate Professor, Department of Social Psychology and Sociology of Management, Faculty of Management and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>, e-mail: puchareva@bk.ru

Tatiana S. Sherstyuk, Legal Assistant, Law Firm “Region of Law”, Krasnodar, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5528-5301>, e-mail: ts.05@bk.ru

Получена 20.07.2021

Принята в печать 20.01.2022

Received 20.07.2021

Accepted 20.01.2022

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PERSONALITY ORIENTED
PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Возрастная специфика саморегуляции у сотрудников ФСИН

Васильченко А.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4942-7975>, e-mail: vasilchenko.alesya@gmail.com

Проничева М.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Костина Е.В.

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, e-mail: kasatka1317@mail.ru

С целью изучения возрастной специфика саморегуляции среди сотрудников ФСИН было проведено эмпирическое исследование 40 специалистов мужского пола в возрасте 25—49 лет (средний возраст $35,10 \pm 7,41$ года). Диагностический комплекс включал: опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1999), «Опросник диагностики самоконтроля» (Грасмик Р., в адаптации В.Г. Булыгиной, А.М. Абдраязковой, 2010), «Опросник BIS/BAS» (Carver C.S., White T.L., 1994, стандартизация — Князев Г.Г., Слободская Е.Р., 2007). Эмпирические данные анализировались с помощью методов статистической обработки с применением дескриптивного анализа, корреляционного анализа (критерий r Пирсона). Изучение возрастных характеристик осознанной саморегуляции показало, что количество связей между параметрами саморегуляции и индивидуально-типологическими особенностями уменьшается.

Ключевые слова: саморегуляция, самоконтроль, индивидуально-типологические особенности, сотрудники ФСИН, возрастная специфика, дезадаптация.

Для цитаты: Васильченко А.С., Проничева М.М., Костина Е.В. Возрастная специфика саморегуляции у сотрудников ФСИН [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 77—90. DOI:10.17759/psylaw.2022120107

Age-Related Specifics of Self-Regulation in Employees of FPS (Federal Penitentiary Service)

Alesya S. Vasilchenko

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4942-7975>, e-mail: vasilchenko.alesya@gmail.com

Maria M. Pronicheva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Elena V. Kostina

Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, e-mail: kasatka1317@mail.ru

In order to research the age-related specifics of self-regulation among the employees of Federal Penitentiary Service (FPS) of Russia, we conducted an empirical study on a sample of 40 male professionals aged 25-49 (average age was 35.20 ± 7.41 years). Our diagnostic toolset was comprised of the following: Behavior Self-regulation Style Inventory (Morosanova V.I., 1999), Self-control Questionnaire (H. Grasmick, 1993, adapted by Bulygina V.G., Abdrazyakova A.M., 2010), BIS/BAS questionnaire (Carver C.S., White T.L., 1994, standardized by Knyazev G.G., Slobodskaya Ye.R., 2007). The empirical data were analyzed using statistical treatment, descriptive analysis, correlation analysis (Pearson's r). The study of the age-related parameters of the subjects' conscious self-regulation revealed that the number of links between one's self-regulation parameters and one's individual typological characteristics decreases (with age).

Keywords: self-regulation, self-control, individual typological characteristics, FPS employees, age-related specifics, maladjustment.

For citation: Vasilchenko A.S., Pronicheva M.M., Kostina E.V. Age-Related Specifics of Self-Regulation in Employees of FPS (Federal Penitentiary Service). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 77–90. DOI:10.17759/psylaw.2022120107 (In Russ.).

Введение

Проблема психической устойчивости приобретает особую актуальность в современных условиях в связи с ростом социальной напряженности и повышением требований к эффективности деятельности специалистов опасного профиля.

В настоящее время уголовно-исполнительная система (УИС) совершенствуется и развивается, сталкиваясь с новыми вызовами современного цифрового мира (использования современных систем видеонаблюдения; в будущем — внедрение в местах лишения свободы программ с использованием искусственного интеллекта и др. [17]), что, прежде всего, требует повышения эффективности деятельности учреждений (органов) УИС, совершенствования кадрового состава и выработки профессиональных требований к сотрудникам УИС.

В связи с тем, что деятельность сотрудников Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН России) связана с риском для жизни и здоровья сотрудника во время службы, сочетанием ненормированного рабочего дня и строгой регламентированностью выполнения служебных обязанностей, ее можно отнести к категории профессий с очень напряженными условиями труда и высоким уровнем стресса [5; 15].

Одной из основных характеристик деятельности сотрудников ФСИН является необходимость взаимодействия со спецконтингентом, со стороны которого нередкими бывают случаи проявления агрессии и провокативного поведения [14]. Необходимость применения физической силы или специальных средств в случаях агрессивного поведения со стороны осужденных, а при нападении на сотрудников, побегах — применения огнестрельного оружия, в том числе на поражение, определяет отнесение этого вида профессиональной деятельности к группе опасных.

Соответственно, задача сохранения профессиональной надежности в экстремальных ситуациях выводит на первый план способность сотрудника к быстрой адаптации к опасным условиям, нервно-психическую устойчивость, высокий уровень саморегуляции деятельности и эмоционального состояния, возможность принятия наиболее оптимальных решений.

Необходимо отметить, что в последние годы отмечаются высокая текучесть кадров в системе ФСИН, сокращение доли молодых сотрудников, а также высокие показатели нарушений служебной дисциплины [10; 11].

Состояния психической дезадаптации широко распространены среди представителей опасных профессий, в том числе среди сотрудников ФСИН. Различные ее признаки обнаружены у 72,6% сотрудников органов внутренних дел [6; 18]. При этом трудности адаптации связываются с особенностями и содержанием профессиональной деятельности, а также во многом определяются личностными особенностями сотрудника [5; 7; 9; 16].

Ряд современных исследований акцентирует внимание на проблеме взаимосвязи особенностей саморегуляции и адаптации к профессиональной деятельности у сотрудников ФСИН [3; 19]. Доказано, что физиологические и психические реакции на психосоциальные стрессоры связаны с возникновением, поддержанием или обострением многочисленных и разнообразных типов дисфункций, которые могут существенно ограничить функциональные возможности индивида, снизить его профессиональную надежность, сократить продолжительность жизни [1; 4]. В предметном (психологическом) и феноменологическом (поведенческом) поле это сопряжено с различными вариантами нарушений осознанной регуляции деятельности.

Несмотря на то, что в большинстве исследований в рамках как клинической, так и юридической психологии возраст выделяется как важный фактор в профессиональной деятельности представителей опасных профессий, следует констатировать дефицит исследований, направленных на изучение влияния данного фактора на особенности осознанной саморегуляции.

Таким образом, представляется перспективным изучение возрастной специфики саморегуляции среди сотрудников ФСИН, что и стало целью данного исследования. Полученные результаты позволят в дальнейшем разработать комплекс клинико-психологических методов диагностики в разных возрастных группах представителей опасных профессий, в том числе для диагностики механизмов адаптации к жизнеугрожающим ситуациям.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 40 сотрудников ФСИН России мужского пола в возрасте 25—49 лет (средний возраст $35,10 \pm 7,41$ года).

Для изучения возрастной специфики саморегуляции у сотрудников ФСИН, общая выборка была поделена на 2 группы на основе периодизации Д.Б. Бромлей. В первую группу вошли 30 человек в возрасте от 25 до 40 лет (средняя зрелость; средний возраст — $31,60 \pm 4,6$); во вторую группу — 10 человек в возрасте 42–49 лет (поздняя зрелость; средний возраст — $45,60 \pm 2,50$).

Диагностический комплекс включал следующие методики.

1. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1999), диагностирующий степень развитости осознанной саморегуляции поведения и ее индивидуальные профили, компонентами которых являются частные регуляторные процессы.

2. «Опросник диагностики самоконтроля» (Грасмик Р., в адаптации В.Г. Булыгиной, А.М. Абдраязковой, 2010), направленный на исследование многомерного конструкта, включающего в себя разные элементы, образующие устойчивую характеристику — самоконтроль, которая является латентной чертой. Данный конструкт имеет шестифакторную структуру, которой соответствуют шкалы опросника: импульсивность, предпочтение простых задач, стремление к риску, физическая активность, эгоцентризм, несдержанность.

3. «Опросник BIS/BAS» (Carver C.S., White T.L., 1994, стандартизация — Князев Г.Г., Слободская Е.Р., 2007) — позволяет оценить соотношения процессов систем активации поведения (BAS, Behavioral Approach System) и его торможения (BIS, Behavioral Inhibition System), которые имеют различную психофизиологическую основу. Опросник включает следующие шкалы: торможение поведения (BIS); развлекательная активация (BASf); неспецифическая активация (BASDr); активация, связанная с поощрением (BASR).

Статистическая обработка данных проводилась с использованием дескриптивного анализа, корреляционного анализа (критерий r Пирсона). Статистическая обработка результатов проводилась в программах SPSS 17.0, IBM SPSS Statistics 21.0 и Microsoft Office Excel 2010.

Результаты и обсуждение

Для выделения особенностей процесса саморегуляции и взаимосвязи ее составляющих с индивидуально-типологическими характеристиками был проведен анализ средних значений психологических показателей и корреляционный анализ (критерий r Пирсона) на обобщенной выборке.

Сотрудников ФСИН характеризуют высокие показатели процессов систем торможения поведения на фоне средних показателей процессов систем активации поведения, среди которых преобладает активация, связанная с поощрением (рис. 1). Наиболее характерными особенностями саморегуляции для сотрудников ФСИН являются развитость этапов моделирования и оценки результатов. Другими словами, у них более развиты представления о внешних и внутренних условиях, а также оценка себя и результатов своей деятельности и поведения. При этом следует отметить относительно низкие показатели шкалы самостоятельности, что свидетельствует о высокой сцепленности между собой составляющих процесса саморегуляции; на поведенческом уровне это проявляется в виде ригидности программы деятельности и импульсивности. В структуре самоконтроля отмечается предпочтение физической активности и импульсивности.

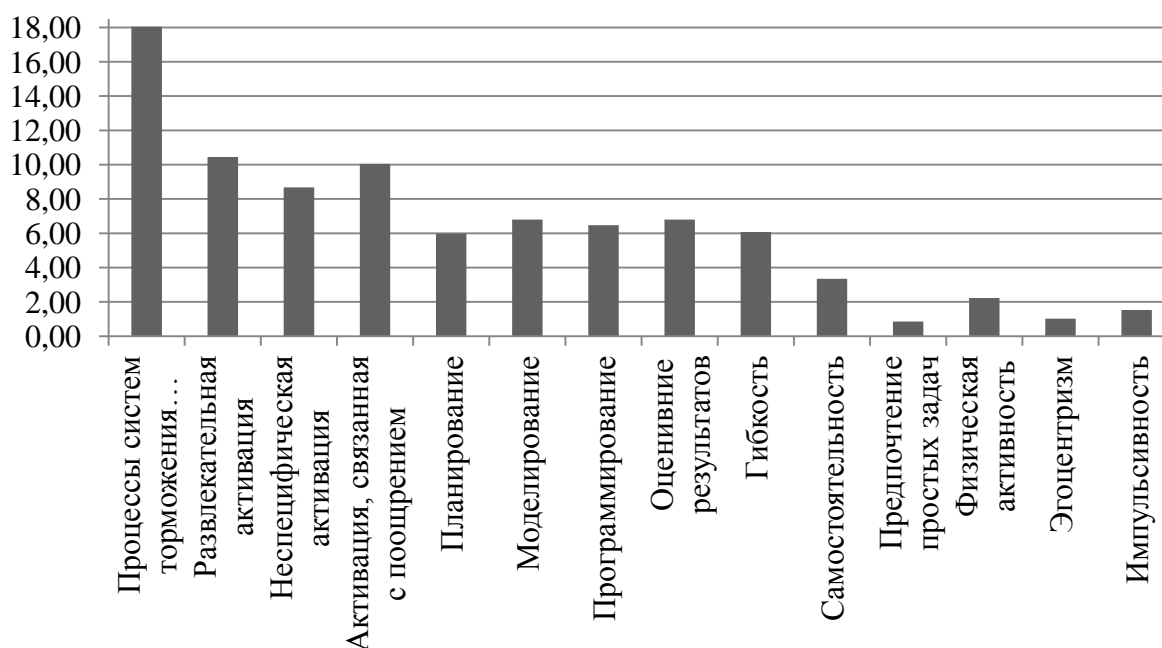


Рис. 1. График средних значений показателей саморегуляции, самоконтроля и системы активации / торможения поведения в обобщенной группе сотрудников ФСИН (баллы)

Было выявлено, что для сотрудников ФСИН характерны отрицательные корреляции параметра саморегуляции «гибкость» с параметрами «развлекательная активация» ($r = -0,399$; $p = 0,05$); «неспецифическая активация» ($r = -0,430$; $p = 0,01$); «активация, связанная с поощрением» ($r = -0,331$; $p = 0,05$). Отрицательно связаны «оценивание результатов» и «эгоцентризм» ($r = -0,416$; $p = 0,01$), а также «общий уровень саморегуляции» и «неспецифическая активация» ($r = -0,393$; $p = 0,05$). Параметр саморегуляции «самостоятельность» положительно коррелирует с «эгоцентризмом» ($r = 0,516$; $p = 0,01$) и с «импульсивностью» ($r = 0,393$; $p = 0,05$), отрицательно — с «развлекательной активацией» ($r = -0,340$; $p = 0,05$) и с «неспецифической активацией» ($r = -0,416$; $p = 0,01$) (рис. 2).

Таким образом, чем больше сформирована регуляторная гибкость, предполагающая умение перестраиваться и вносить изменения в систему саморегуляции при изменении внутренних и внешних условий, тем ниже выраженность всех систем активации поведения в процессе регуляции. Чем более развита и адекватна оценка человеком себя и результатов своей деятельности и поведения, тем менее он склонен к эгоцентризму. Следует отметить, что развитость регуляторной автономности связана с эгоцентризмом и импульсивностью. При этом низкие показатели регуляторной автономности сопряжены с высокими показателями отдельных параметров системы активации поведения, а именно развлекательной активацией и неспецифической активацией. Выявленные закономерности, указывают на тесную связь между индивидуально-типологическими особенностями и саморегуляцией.

Полученные результаты согласуются с данными ряда исследований, посвященных анализу особенностей саморегуляции, дополняя положения о психологических механизмах взаимосвязи ниже лежащих уровней регуляции поведения и общей системы саморегуляции. Так, в работах, опирающихся на структурно-уровневый подход к пониманию регуляции О.А. Конопкина и В.И. Моросановой, было обнаружено, что с системой саморегуляции, а именно уровнем субъективного контроля, тесно связаны такие личностные характеристики, как низ-

кий уровень самоконтроля, нежелание принимать на себя ответственность за свои действия [13]. Это приводит к снижению эффективности профессиональной деятельности. О.В. Коржова (2011) отмечает, что к значимым индивидуально-типологическим детерминантам, обуславливающим в том числе и систему саморегуляции, относятся «эмоциональная насыщенность» индивидуально-типологических характеристик (нейротизм, эмоциональная возбудимость) и скоростные свойства и характеристики активности (эргичность, социальная пластичность, темп, активность, лабильность нервной системы) [8].

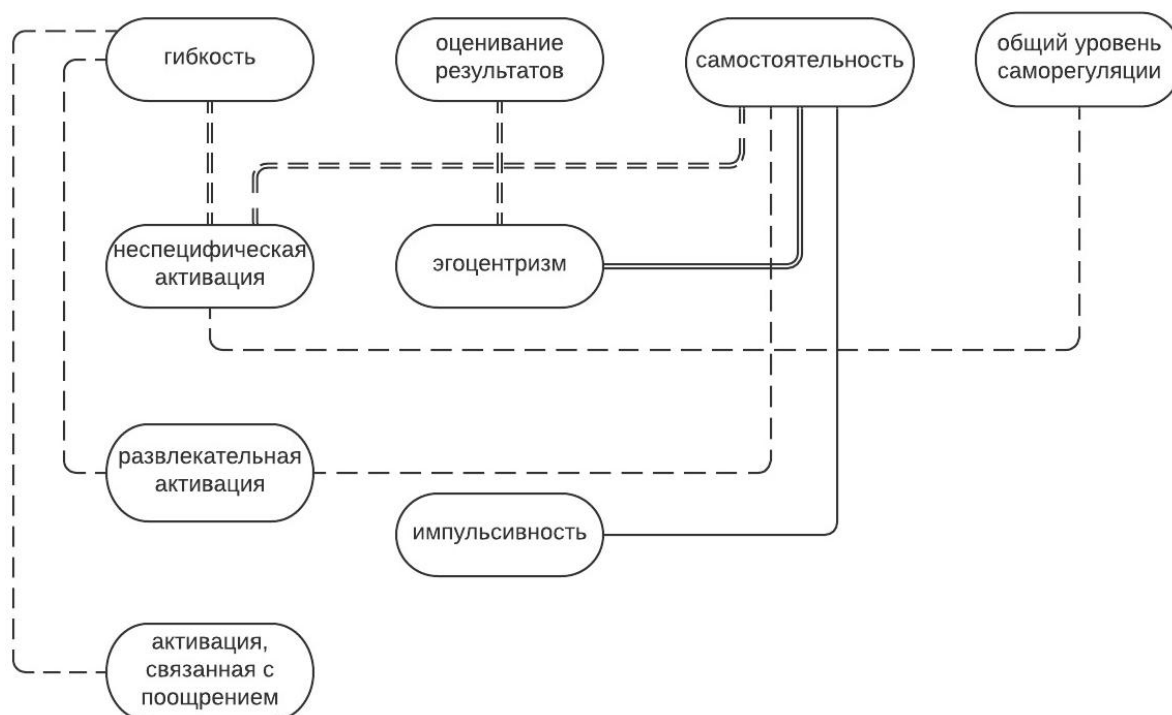


Рис. 2. Корреляционная плеяда параметров саморегуляции и индивидуально-типологических особенностей активации поведения, структур самоконтроля в обобщенной группе сотрудников ФСИН:

- отрицательная корреляция ($p \leq 0,05$);
- _____ положительная корреляция ($p \leq 0,05$);
- отрицательная корреляция ($p \leq 0,01$);
- ===== положительная корреляция ($p \leq 0,01$)

Сравнительный анализ данных внутри возрастных групп показал (рис. 3), что сотрудников ФСИН средней зрелости отличают высокие показатели самоконтроля по сравнению с группой сотрудников ФСИН позднего возраста. Также у них отмечаются высокие показатели процессов систем торможения поведения на фоне более низких показателей по параметрам процессов активации поведения. В группе сотрудников ФСИН поздней зрелости были выявлены более высокие показатели по ряду шкал саморегуляции (планирование, оценивание результатов) по сравнению с группой средней зрелости.

Для определения особенностей саморегуляции, специфичных для сотрудников ФСИН с учетом их возраста, был проведен корреляционный анализ в группах обследуемых средней зрелости (25—40 лет) и поздней зрелости (42—49 лет).

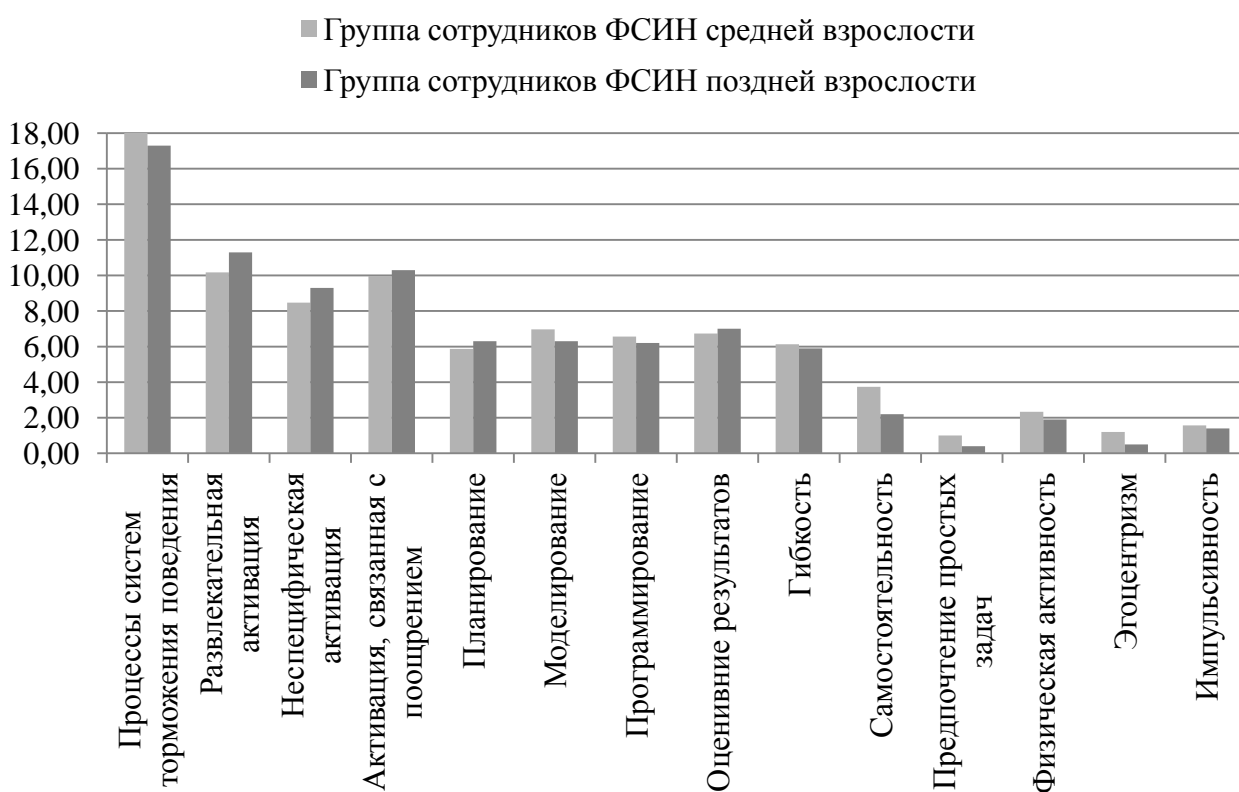


Рис. 3. График средних значений показателей саморегуляции, самоконтроля и системы активации / торможения поведения группа сотрудников ФСИН средней и поздней зрелости (баллы)

Было выявлено, что для лиц средней зрелости характерны следующие корреляционные связи (рис. 4) между параметрами саморегуляции и индивидуально-типологическими характеристиками системы активации поведения: «гибкость» отрицательно коррелирует с «развлекательной активацией» ($r = -0,371$; $p = 0,05$) и с «активацией, связанной с поощрением» ($r = -0,538$; $p = 0,01$); «оценивание результатов» отрицательно коррелирует с «эгоцентризмом» ($r = -0,454$; $p = 0,05$); «самостоятельность» отрицательно коррелирует с «неспецифической активацией» ($r = -0,376$; $p = 0,05$), положительно — с «эгоцентризмом» ($r = 0,483$; $p = 0,01$) и «импульсивностью» ($r = 0,405$; $p = 0,05$). «Общий уровень саморегуляции» отрицательно коррелирует с «неспецифической активацией» ($r = -0,447$; $p = 0,05$).

Полученные данные показывают, что снижение показателей осознанной саморегуляции у лиц средней зрелости тесно связано с выраженностью индивидуально-типологических особенностей в общей системе регуляции. Эти результаты корреспондируют и дополняют данные исследований, посвященных анализу специфических нарушений регуляции поведения [2; 8; 12; 21; 23]. В них было показано, что низкий уровень самоконтроля как индивидуально-типологическая характеристика личности, стремление к риску и импульсивность тесно связаны с низким уровнем саморегуляции [2, с. 20—23].

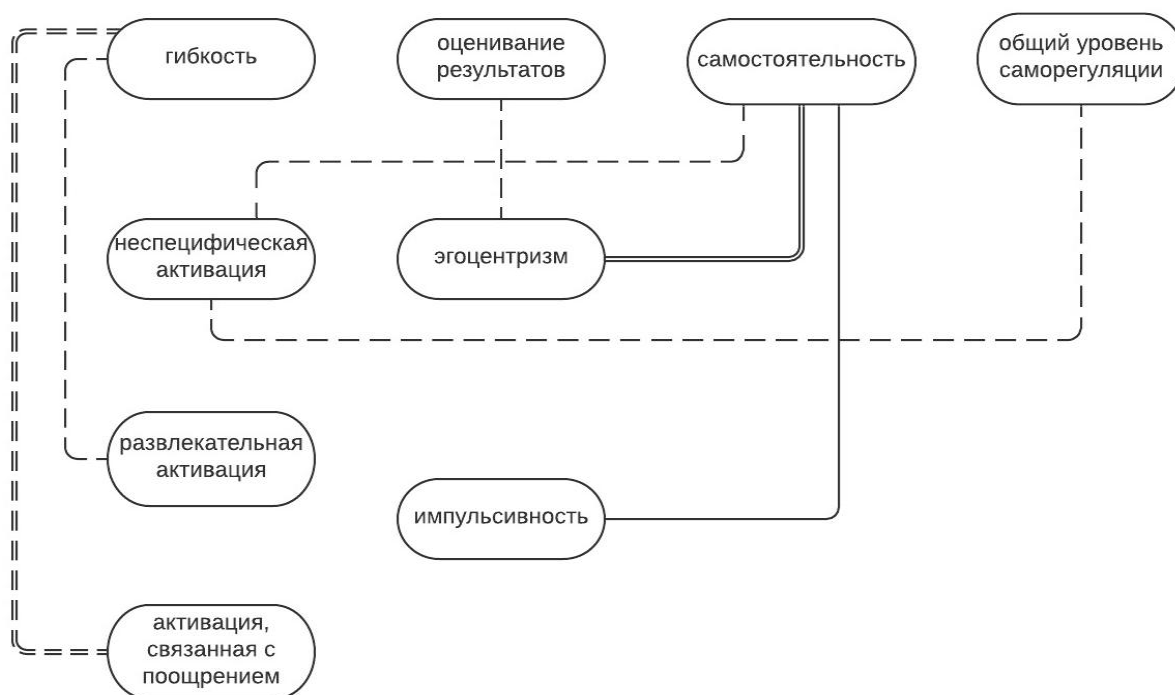


Рис. 4. Корреляционная плеяда параметров саморегуляции и индивидуально-типологических особенностей активации поведения, структур самоконтроля в группе сотрудников ФСИН средней взрослости:

- отрицательная корреляция ($p \leq 0,05$);
- положительная корреляция ($p \leq 0,05$);
- отрицательная корреляция ($p \leq 0,01$);
- ===== положительная корреляция ($p \leq 0,01$)

В группе лиц поздней взрослости были выявлены следующие связи (рис. 5): «самостоятельность» положительно коррелирует с «предпочтением простых задач» ($r = 0,704$; $p = 0,05$); «моделирование» отрицательно коррелирует с «импульсивностью» ($r = -0,850$; $p = 0,01$). Обращает на себя внимание снижение количества связей между процессами осознанной саморегуляции и индивидуально-типологическими особенностями систем активации поведения и самоконтроля.

Таким образом, сотрудников поздней взрослости, в первую очередь отличает снижение количества связей между процессами осознанной саморегуляции и индивидуально-типологическими особенностями. Но при этом следует отметить, что, согласно значениям коэффициента корреляции, характер этих связей более сильный по сравнению со связями, выделенными в группе сотрудников ФСИН средней взрослости. Для сотрудников поздней взрослости характерно снижение способности к моделированию внешних и внутренних условий деятельности при повышении импульсивности. В этом случае также снижается степень адекватности представлений о значимых условиях деятельности. При высокой сцепленности этапов саморегуляции деятельности при принятии решений сотрудники отдадут предпочтение выбору «простых» уже знакомых способов решения.

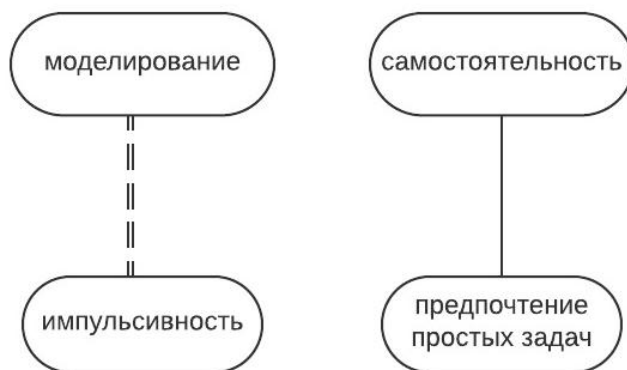


Рис. 5. Корреляционная плеяда параметров саморегуляции и индивидуально-типологических особенностей активации поведения, структур самоконтроля в группе сотрудников ФСИН поздней взрослости:

- отрицательная корреляция ($p \leq 0,05$);
- положительная корреляция ($p \leq 0,05$);
- отрицательная корреляция ($p \leq 0,01$);
- =====
————— положительная корреляция ($p \leq 0,01$)

Для сотрудников ФСИН средней взрослости развитость умения перестраивать свою деятельность в зависимости от условий связана с низкими показателями процессов активации поведения в системе регуляции деятельности, а именно систем активации поощрением и развлечением. Высокая сцепленность этапов регуляции деятельности связана с высокими показателями таких индивидуально-типологических особенностей, как эгоцентризм и импульсивность.

Заключение

Анализ возрастных характеристик осознанной саморегуляции показал, что количество связей системы регуляции с индивидуально-типологическими особенностями личности с возрастом снижается, однако увеличивается сила этих связей.

Наиболее характерными особенностями саморегуляции для сотрудников ФСИН являются развитость этапов моделирования и оценки результатов; при этом система саморегуляции характеризуется высокой сцепленностью между собой составляющих процесса регуляции, что проявляется в виде ригидности программы деятельности, в предпочтении «простых», уже знакомых, способов решения задач и импульсивности. В структуре самоконтроля отмечается предпочтение физической активности и импульсивность.

Для сотрудников поздней взрослости характерно снижение количества связей между процессами осознанной саморегуляции и индивидуально-типологическими особенностями; при этом, характер этих связей более сильный по сравнению со связями в группе сотрудников ФСИН средней взрослости. При высоких показателях импульсивности у сотрудников поздней взрослости искажаются представления о значимых внешних и внутренних условиях деятельности. На фоне высокой сцепленности этапов саморегуляции деятельности при принятии решений сотрудники этой возрастной группы отдают предпочтение выбору знакомых способов решения.

В группе средней взрослости развитость умения перестраивать свою деятельность в зависимости от условий связана с низкими показателями процессов активации поведения в системе регуляции деятельности. Высокая автономность системы саморегуляции деятельности

связана с низкими показателями таких индивидуально-типологических особенностей, как эгоцентризм и импульсивность.

В качестве перспектив изучения особенностей осознанной саморегуляции у сотрудников ФСИН следует обозначить учет специфики профессиональной деятельности, а также гендерных особенностей и стажа работы.

Литература

1. Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация. М.: Медицина, 1996. 235 с.
2. Булыгина В.Г., Шпорт С.В., Сперанская О.И., Кабанова Т.Н., Лысенко Н.Е., Васильченко А.С., Ковалева М.Е., Дубинский А.А. Прогноз и коррекция поведенческих реакций специалистов, работающих в экстремальных условиях: аналитический обзор. М.: ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. 152 с.
3. Воронин Р.М., Красикова Ю.Ю., Шатрова Н.В. Методы психической саморегуляции как средство адаптации к службе в уголовно-исполнительной системе [Электронный ресурс] // Вестник Уголовно-исполнительной системы. 2018. № 10 (197). С. 20—27. URL: https://or.fsin.gov.ru/upload/territory/Or/PDF/vedomosti/PDF/2018/Ved%20UIS_10_1-80_.pdf (дата обращения: 29.11.2021).
4. Дичев Т.Г., Тарасов К.Е. Проблема адаптации и здоровье человека (методологические и социальные аспекты). М.: Медицина, 1976. 184 с.
5. Дубинский А.А., Кабанова Т.Н., Булыгина В.Г. Психологические корреляты адаптивности у сотрудников ФСИН России с различным стажем профессиональной деятельности // Вестник психотерапии. 2021. № 78(83). С. 108—125.
6. Кабанова Т.Н., Дубинский А.А., Московская М.С. Стаж профессиональной деятельности как фактор, детерминирующий различия в восприятии стресса у сотрудников следственных органов [Электронный ресурс] // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1. С. 59—68. doi:10.33463/2072-8336.2019.1(46).059-068
7. Ковалева М.Е., Дубинский А.А., Шпорт С.В., Булыгина В.Г. Психофизиологические и личностные профили у лиц с признаками дезадаптации (на примере сотрудников ФСИН) // Неврологический вестник. 2017. Том XLIX. № 3. С. 37—43.
8. Коржова О.В. Психологические детерминанты успешности профессиональной деятельности сотрудников федеральной службы исполнения наказаний на разных этапах профессионального становления: Дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 228 с.
9. Котенева А.В., Кокурин А.В., Литвинова А.В., Гончаренко А.В. Профессиональное самоотношение и адаптация сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 20—35. doi:10.17759/psylaw.2020100302
10. Кочкина О.В. Организационно-правовая деятельность по кадровому комплектованию сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 257 с.
11. Малетина Е.А. Профессиональная адаптация молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. Том 46. № 11. С. 105—108.
12. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010. 520 с.

Васильченко А.С., Пронищева М.М., Костина Е.В.
Возрастная специфика саморегуляции
у сотрудников ФСИН
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 77–90.

Vasilchenko A.S., Pronicheva M.M., Kostina E.V.
Age-Related Specifics of Self-Regulation
in Employees of FPS (Federal Penitentiary Service)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 77–90.

13. Новиков А.В., Суслов Ю.Е., Федоров А.Ф. К вопросу самоконтроля сотрудников уголовно-исполнительной системы ФСИН России: экспертное исследование // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 5А. С. 251—260.
14. Полякова Я.Н. Специфика психологической устойчивости сотрудников исправительных учреждений к проявлению деструктивного воздействия со стороны осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность // Казанский педагогический журнал. 2017. № 5. С. 149—152.
15. Приказ ФСИН России от 26.09.2013 г. № 533 «Об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» («Положение об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы») [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70494592/> (дата обращения: 25.05.2021).
16. Рыбников В.Ю., Дубинский А.А., Булыгина В.Г. Индивидуально-психологические предикторы адаптации и дезадаптации специалистов экстремального профиля деятельности [Электронный ресурс] // Экология человека. 2017. Том. 24. № 3. С. 3—9. doi:10.33396/1728-0869-2017-3-3-9
17. Серебренникова А.В. Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы [Электронный ресурс] // Человек: преступление и наказание. 2021. Том 29 (1—4). № 1. С. 40—45. doi:10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.40-45
18. Стрельникова Ю.Ю. Структурно-динамическая модель личностных изменений специалистов профессий экстремального профиля: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. СПб, 2016. 55 с.
19. Федоров А.Ф. Проблема саморегуляции сотрудников уголовно-исполнительной системы в служебной деятельности // Материалы Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт» (Самара, 11—12 октября 2018 г.). Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 285—286.
20. Шпорт С.В., Васильченко А.С., Шалимов Д.Р. Психологические маркеры опасного поведения на дорогах // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Том 6. № 4А. С. 118—133.
21. Яныхбаиш А.В. Склонность к риску в структуре личностных особенностей // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 79—87.
22. Grasmick H.G., Tittle C.R., Bursik R.J., Arneklev B.J. Testing the core empirical implications of Gottfredson and Hirschi's general theory of crime // Journal of research in crime and delinquency. 1993. Vol. 30(1). P. 5—29. doi:10.1177/0022427893030001002
23. Gray J.A. The psychology of fear and stress. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 422 p

References

1. Aleksandrovskiy Yu.A. Sostoyaniya psikhicheskoi dezadaptatsii i ikh kompensatsiya. Moscow: Meditsina, 1996. 235 p. (In Russ.).
2. Bulygina V.G., Shport S.V., Speranskaya O.I., Kabanova T.N., Lysenko N.Ye., Vasilchenko A.S., Kovaleva M.Ye., Dubinsky A.A. Prognoz i korrektsiya povedencheskikh reaktsii spetsialistov, rabotayushchikh v ekstremal'nykh usloviyakh: Analiticheskii obzor. Moscow: FGBU "FMITsPN imeni V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii Publ., 2016. 152 p. (In Russ.).

3. Voronin R.M., Krasikova Yu.Yu., Shatrova N.V. Metody psikhicheskoi samoregulyatsii kak sredstvo adaptatsii k sluzhbe v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme [Methods of mental self-regulation as a means of adaptation to service in the penal system] [Elektronnyi resurs]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal Service*, 2018, no. 10 (197), pp. 20—27. URL: https://or.fsin.gov.ru/upload/territory/Or/PDF/vedomosti/PDF/2018/Ved%20UIS_10_1-80_.pdf. (In Russ.).
4. Dichev T.G., Tarasov K.Ye. Problema adaptatsii i zdorov'e cheloveka (metodologicheskie i sotsial'nye aspekty). Moscow, 1976. 184 p. (In Russ.).
5. Dubinsky A.A., Kabanova T.N., Bulygina V.G. Psikhologicheskie korrelyaty adaptivnosti u sotrudnikov FSIN Rossii s razlichnym stazhem professional'noi deyatel'nosti [Psychological correlates of adaptability in employees of the Federal Penitentiary Service of Russia with different professional experience]. *Vestnik psikhoterapii = Bulletin of Psychotherapy*, 2021, no. 78 (83), pp. 108—125. (In Russ.).
6. Kabanova T.N., Dubinsky A.A., Moskovskaya M.S. Stazh professional'noi deyatel'nosti kak faktor, determiniruyushchii razlichiya v vospriyatii stressa u sotrudnikov sledstvennykh organov [Years of professional experience as a factor that determines differences in perception of stress in investigating officials] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2019, no. 1, pp. 59—68. doi:10.33463/2072-8336.2019.1(46).059-068 (In Russ.).
7. Kovaleva M.Ye., Dubinsky A.A., Shport S.V., Bulygina V.G. Psikhofiziologicheskie i lichnostnye profili u lits s priznakami dezadaptatsii (na primere sotrudnikov FSIN) [Psychophysiological and personal profiles in persons with signs of maladaptation (by the example of the staff of the federal penitentiary service)]. *Nevrologicheskii vestnik = Neurology Bulletin*, 2017. Vol. XLIX, no. 3, pp. 37—43. (In Russ.).
8. Korzhova O.V. Psikhologicheskie determinanty uspekhov professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov federal'noi sluzhby ispolneniya nakazaniy na raznykh etapakh professional'nogo stanovleniya. Diss. kand. psikhol. nauk. Rostov-na-Donu, 2011. 228 p. (In Russ.).
9. Koteneva A.V., Kokurin A.V., Litvinova A.V., Goncharenko A.V. Professional'noe samootnoshenie i adaptatsiya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Professional Self-esteem and Adaptation of the Penitentiary System Staff] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 20—35. doi:10.17759/psylaw. 2020100302 (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Kochkina O.V. Organizatsionno-pravovaya deyatel'nost' po kadrovomu komplektovaniyu sotrudnikami uchrezhdeniy i organov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy. Diss. kand. yurid. nauk. Moscow, 2019. 257 p. (In Russ.).
11. Maletina E.A. Professional'naya adaptatsiya molodykh sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Professional adaptation of young employees the penal system]. *Obrazovaniye i nauka v Rossii i za rubezhom = Education and science in Russia and abroad*, 2018. Vol. 46, no. 11, pp. 105—108. (In Russ.).
12. Morosanova V.I. Samoregulyatsiya i individual'nost' cheloveka. Moscow: Nauka, 2010. 520 p. (In Russ.).
13. Novikov A.V., Suslov Yu.E., Fedorov A.F. K voprosu samokontrolya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossii. Ekspertnoe issledovanie [On the self-control of staff of the penal system of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Expert research]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2018. Vol. 8, no. 5A, pp. 251—260. (In Russ.).

14. Polyakova Y.N. Spetsifika psikhologicheskoi ustoichivosti sotrudnikov ispravitel'nykh uchrezhdenii k proyavleniyu destruktivnogo vozdeystviya so storony osuzhdennykh za ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost' [Specificity of psychological stability of employees of correctional facilities to destructive manifestations of persons condemned for extremist and terrorist activity]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2017, no. 5, pp.149—152. (In Russ.).
15. Prikaz FSIN Rossii ot 26.09.2013 g. No. 533 "Ob osobennostyakh rezhima rabochego vremeni i vremeni otdykha sotrudnikov uchrezhdenii i organov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy" ("Polozhenie ob osobennostyakh rezhima rabochego vremeni i vremeni otdykha sotrudnikov uchrezhdenii i organov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy») [Elektronnyi resurs]. *Garant = Garant*. URL: <https://base.garant.ru/70494592/> (Accessed 25.05.2021). (In Russ.).
16. Rybnikov V.Y., Dubinsky A.A., Bulygina V.G. Individual'no-psikhologicheskie prediktory adaptatsii i dezadaptatsii spetsialistov ekstremal'nogo profilya deyatel'nosti [Individual psychological predictors of the adaptation and disadaptation among specialists of extreme profile] [Elektronnyi resurs]. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*, 2017. Vol. 24, no. 3, pp. 3—9. doi:10.33396/1728-0869-2017-3-3-9 (In Russ.).
17. Serebrennikova A.V. Tsifrovizatsiya ispolneniya nakazaniya: sostoyanie i perspektivy [Digitalization of sentences execution: state and prospects] [Elektronnyi resurs]. *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye = Man: Crime and Punishment*, 2021. Vol. 29 (1—4), no. 1, pp. 40—45. doi:10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.40-45 (In Russ.).
18. Strelnikova Yu.Yu. Strukturno-dinamicheskaya model' lichnostnykh izmenenii spetsialistov professii ekstremal'nogo profilya. Avtoref. dis. dokt. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 2016. 55 p. (In Russ.).
19. Fedorov A.F. Problema samoregulyatsii sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy v sluzhebnoi deyatel'nosti. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt" (Samara, 11—12 oktyabrya 2018 g.)*. Samara: Samarskii yuridicheskii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2018, pp. 285—286. (In Russ.).
20. Shport S.V., Vasilchenko A.S., Shalimov D.R. Psikhologicheskie markery opasnogo povedeniya na dorogakh [Psychological markers of dangerous behaviour on the road]. *Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya = Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 2017. Vol. 6, no. 4A, pp. 118—133. (In Russ.).
21. Yanykhash A.V. Sklonnost' k risku v strukture lichnostnykh osobennostei. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2012, no. 2, pp. 79—87. (In Russ.).
22. Grasmick H.G., Tittle C.R., Bursik R.J., Arneklev B.J. Testing the core empirical implications of Gottfredson and Hirschi's general theory of crime. *Journal of research in crime and delinquency*, 1993. Vol. 30, no. 1, pp. 5—29. doi:10.1177/0022427893030001002
23. Gray J.A. The psychology of fear and stress. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 422 p.

Информация об авторах

Васильченко Алеся Сергеевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ

Васильченко А.С., Проничева М.М., Костина Е.В.
Возрастная специфика саморегуляции
у сотрудников ФСИН
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 77–90.

Vasilchenko A.S., Pronicheva M.M., Kostina E.V.
Age-Related Specifics of Self-Regulation
in Employees of FPS (Federal Penitentiary Service)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 77–90.

«НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4942-7975>, e-mail: vasilchenko.alesya@gmail.com

Проничева Мария Михайловна, научный сотрудник, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Костина Елена Викторовна, начальник, отдел психологической работы, управление по работе с личным составом, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, e-mail: kasatka1317@mail.ru

Information about the authors

Alesya S. Vasilchenko, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4942-7975>, e-mail: vasilchenko.alesya@gmail.com

Maria M. Pronicheva, Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Elena V. Kostina, Head, Department of Psychological Work, Department for Work with Personnel, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, e-mail: kasatka1317@mail.ru

Получена 08.08.2021
Принята в печать 08.01.2022

Received 08.08.2021
Accepted 08.01.2022

Психологические особенности самоотношения несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления

Вэтра А.В.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2959-8141>, e-mail: s_vetra@mail.ru

Ганишина И.С.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

В статье рассмотрены психологические особенности самоотношения несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления, находящихся в условиях следственного изолятора. С помощью проективной методики «Автопортрет», наблюдения, психодиагностической структурированной беседы выявлены психологические особенности самоотношения несовершеннолетних. Установлено, что в структуре компонентов самоотношения несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления является тесно организованной и взаимосвязанной и характеризуется неадекватностью самооценки (в сторону завышения или занижения), трудностями самоконтроля над телесными влечениями, агрессивностью, эгоизмом, склонностью к депрессии, зависимостью, эмоциональной незрелостью, демонстративностью, внутренней конфликтностью, криминальной зараженностью, коммуникативными трудностями.

Ключевые слова: самоотношение, психологические особенности, несовершеннолетние, подозреваемые, обвиняемые, осужденные, насильственные преступления, условия следственного изолятора, проективная методика «Автопортрет».

Для цитаты: *Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.* Психологические особенности самоотношения несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 91–102. DOI:10.17759/psylaw.2022120108

Psychological Characteristics of Self-attitude of Juvenile Suspects, Accused, Convicted of Violent Crimes

Alexandra V. Vetra

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2959-8141>, e-mail: s_vetra@mail.ru

Irina S. Ganishina

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

The article looks into psychological characteristics of self-attitude in juvenile suspects, accused and convicts of violent crimes held in detention facilities. Using the “Self-portrait” projective methodology, observation and psychodiagnostic structured counselling made it possible to reveal the psychological characteristics of self-attitude in such minors. It has been found that the structure of self-attitude components in juvenile suspects, accused and convicts is closely interrelated and organized and is characterised with inadequacy of their self-rating (upward or downward bias), difficulties in controlling one's drives of the body, aggressivity, egotism, proneness to depression, dependency, emotional immaturity, demonstrative behavior, proneness to internal conflict, “criminal contamination”, difficulties in communication.

Keywords: self-attitude, psychological characteristics, minors, suspects, accused, convicts, violent crimes, detention facility, “Self-portrait” projective methodology.

For citation: Vetra A.V., Ganishina I.S., Maryin M.I. Psychological Characteristics of Self-attitude of Juvenile Suspects, Accused, Convicted of Violent Crimes. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 91–102. DOI:10.17759/psylaw.2022120112 (In Russ.).

Введение

Согласно В.Н. Мясищеву, «... поведение человека зависит от психологических особенностей его самооотношения, которое определяет целостность личности, упорядочивает внутренние ценности, представления об окружающем мире и самом себе» [13].

Попадая в условия следственного изолятора, у несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления происходит осмысление своих действий, формируется отношение к ситуации заключения; они могут осознавать или отрицать вину в совершенном, выбрать, как относиться к совершенному преступлению, к своему Я. Изменения в образе жизни и сознании несовершеннолетнего оказывают влияние на все его сферы личности, а главное — на его самооотношение. В связи с этим своевременное диагностическое исследование особенностей самооотношения личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления будут способствовать развитию его позитивных характеристик.

За последние несколько лет в исследованиях отечественных ученых (Е.Г. Дозорцева, К.В. Сыроквашина [18], М.Г. Дебольский [4], Р.В. Чиркина, В.В. Делибалт, А.В. Воронина [20], Д.В. Каширский, О.В. Старосельцева [8], А.В. Котенева, С.Н. Лихачева, А.В. Кокурин [11], Ю.Е. Дьячкова [6], А.В. Вилкова, С.А. Фадеева [3], Е.В. Шестакова [21], Т.М. Зайко, Г.А. Пантюхина [7], О.Е. Макаркина [12], О.Е. Хмелевская, М.В. Яворская [19] и др.) рассмотрены психологические особенности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных. А.В. Дегтярёв, Д.И. Дегтярёва [5], Л.В. Ковтуненко [9] изучали особенности самооотношения в юношеском возрасте. А.А. Смольяков, О.В. Гаврилова [17] выявили психологические особенности личности несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления. А.В. Барсуков [1] рассматривал самооотношение несовершеннолетних с девиантным поведением. И.К. Саясова [16], А.А. Кокуев [10], О.А. Падун [14], Е.В. Васкэ [2] кратко охарактеризовали особенности самооотношения несовершеннолетних осужденных, находящихся в местах лишения свободы.

Цель исследования — диагностика психологических особенностей самооотношения у несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления.

Гипотезами исследования выступили следующие предположения.

1. Структура компонентов самооотношения несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления является тесно организованной и взаимосвязанной и характеризуется неадекватностью самооценки (в сторону завышения или занижения), трудностями самоконтроля над телесными влечениями, агрессивностью, эгоизмом, склонностью к депрессии, зависимостью, эмоциональной незрелостью, демонстративностью, внутренней конфликтностью, криминальной зараженностью, коммуникативными трудностями.

2. Формирование структуры самооотношения у несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления происходит вокруг психологических особенностей их самооценки, самоконтроля, агрессивности и коммуникативных умений.

Структура и методы исследования

Экспериментальное исследование проводилось нами на базе следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы в г. Москве, Московской, Рязанской, Курской и Тверской областях. В исследовании приняли участие 100 несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления, находящихся в условиях следственного изолятора. Возрастной диапазон выборки составил 14–17 лет. Несовершеннолетние состояли на момент обследования в статусе подозреваемых, обвиняемых и осужденных по тяжким и особо тяжким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

Реализация экспериментального исследования проводилась в 3 этапа.

1. Подбор психодиагностического инструментария, формирование выборки из числа несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления и правопослушных.

2. Проведение психодиагностического исследования самооотношения данных категорий несовершеннолетних с целью сравнения их психологических особенностей с помощью целенаправленного наблюдения, психодиагностической структурированной беседы и проективной методики «Автопортрет». Проективная методика «Автопортрет» служит для выявления индивидуально-типологических особенностей человека, его представлений о себе, своей внешности, личности и отношения к ней. Выбор данной методики связан, во-первых, с осо-

бенностями несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления, во-вторых — с условиями следственного изолятора.

Проективная методика «Автопортрет» имеет много адаптаций, однако мы в своем исследовании использовали адаптацию и интерпритацию Е.С. Романовой, О.Ф. Потемкиной (1991) [15]. Для нас значимым было выявить, как несовершеннолетние формируют то или иное представление о себе, на основе каких эталонов, суждений, умозаключений, образов и ценностей; поэтому в нашем исследовании данная методика была адаптирована и дополнена уточняющими вопросами, необходимыми для наиболее полной диагностики особенностей самооотношения.

3. Математическая обработка полученных психодиагностических данных проводилась на основе сравнительного анализа показателей с помощью методов математической статистики с использованием t-критерий Стьюдента, предназначенного для определения статистической значимости различий средних величин. Для доказательства статистически значимых различий результатов диагностики до и после проведения психологической программы использовался U-критерий Манна — Уитни. Для выявления внутренних взаимосвязей психологических особенностей самооотношения был проведен корреляционный анализ. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью компьютерных программ STATISTICA 10.0 и Psychometric Expert 9.1.0.

Результаты исследования

Для понимания специфических особенностей психологической характеристики структуры самооотношения личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления было проведено психологическое исследование несовершеннолетних, находящихся в условиях следственного изолятора (14–17 лет).

Средние значения основных показателей по проективной методике «Автопортрет» в исследуемых группах представлены на рис. 1.

Наиболее типичными характеристиками представлений о себе у несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления являются: инфантилизм (0,60), эгоизм (0,55), демонстративность (0,54) и агрессивность (0,51). Также среди характерных и важных личностных признаков данной группы можно отметить: трудности общения (0,47), завышенная самооценка (0,47), высокие социальные притязания (0,46), внутренний конфликт (0,45), потребность в защитном контроле (0,44), чувствительность к критике (0,42), зависимость (0,42). Отдельно нужно подчеркнуть, что показатель «криминальной зараженности» у данных несовершеннолетних имеет определенную выраженность (0,21).

В целом, можно отметить, что отношение к себе у несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления демонстрирует признаки психологического неблагополучия и потенциальной внутренней конфликтности. Так, личностная незрелость, агрессивность, коммуникативные трудности и эгоцентризм сопровождаются у несовершеннолетних завышенными социальными притязаниями, одновременно выраженными зависимостью от других и потребностью в защитном контроле.

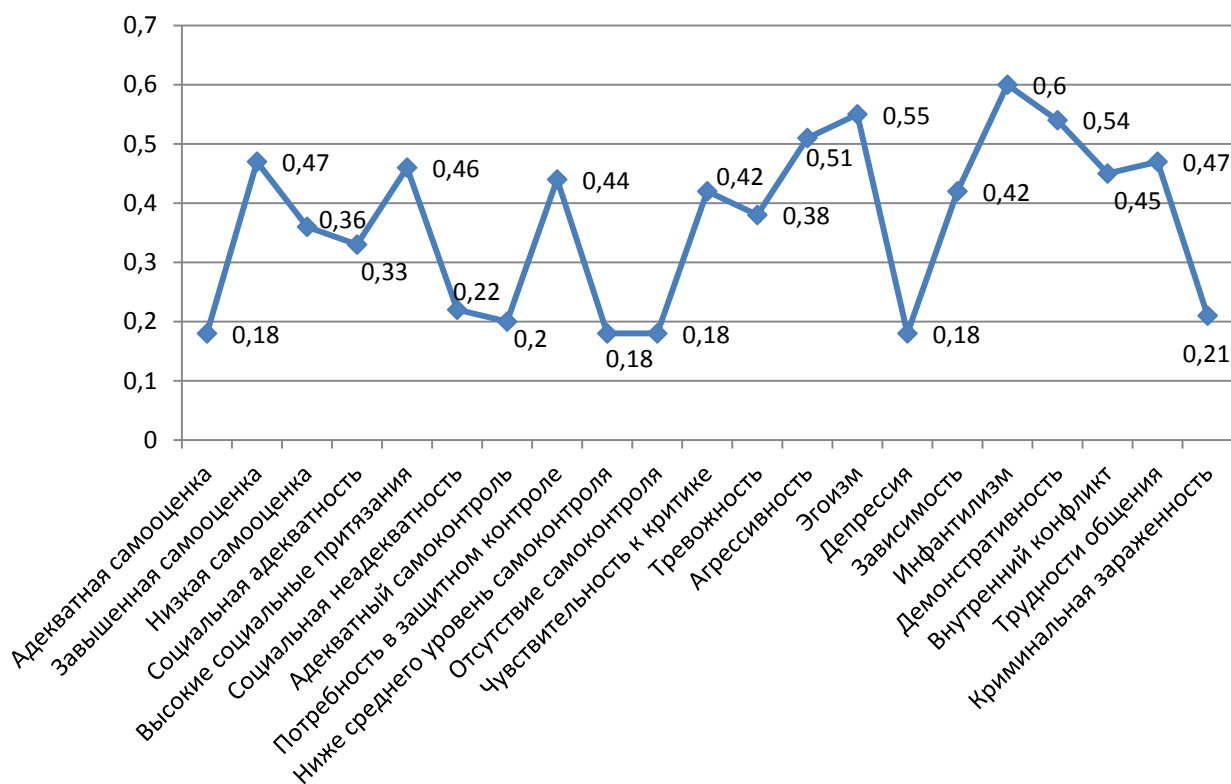


Рис. 1. Средние значения показателей проективной методики «Автопортрет» на выборке несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления

Для выявления внутренних взаимосвязей психологических особенностей самооотношения был проведен корреляционный анализ с применением рангового коэффициента корреляции Спирмена. На рис. 2 отражены взаимосвязи между компонентами самооотношения, полученные на выборке несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления.

Как видно из рисунка, все компоненты самооотношения довольно сильно связаны друг с другом. Ядерными характеристиками, наиболее тесно включенными в общую структуру, выступают: адекватная самооценка, ниже среднего уровень самоконтроля, агрессивность, трудности общения. Корреляционный вес данных черт равен 9. Обратимся к анализу некоторых наиболее интересных нам взаимосвязей данных характеристик.

Адекватная самооценка положительно коррелирует с адекватным самоконтролем ($r_s=0,37$; $p<0,001$), социальной адекватностью ($r_s=0,23$; $p<0,01$), демонстративностью ($r_s=0,19$; $p<0,05$). Отрицательными корреляциями адекватность самооценки связана с высокими социальными притязаниями ($r_s=-0,19$; $p<0,05$), сниженным самоконтролем ($r_s=-0,22$; $p<0,05$), тревожностью ($r_s=-0,19$; $p<0,05$) и депрессией ($r_s=-0,22$; $p<0,05$). Сочетание адекватной самооценки и демонстративности отражает, на наш взгляд, специфические особенности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления, а именно — их обостренную потребность во внимании и одобрении.

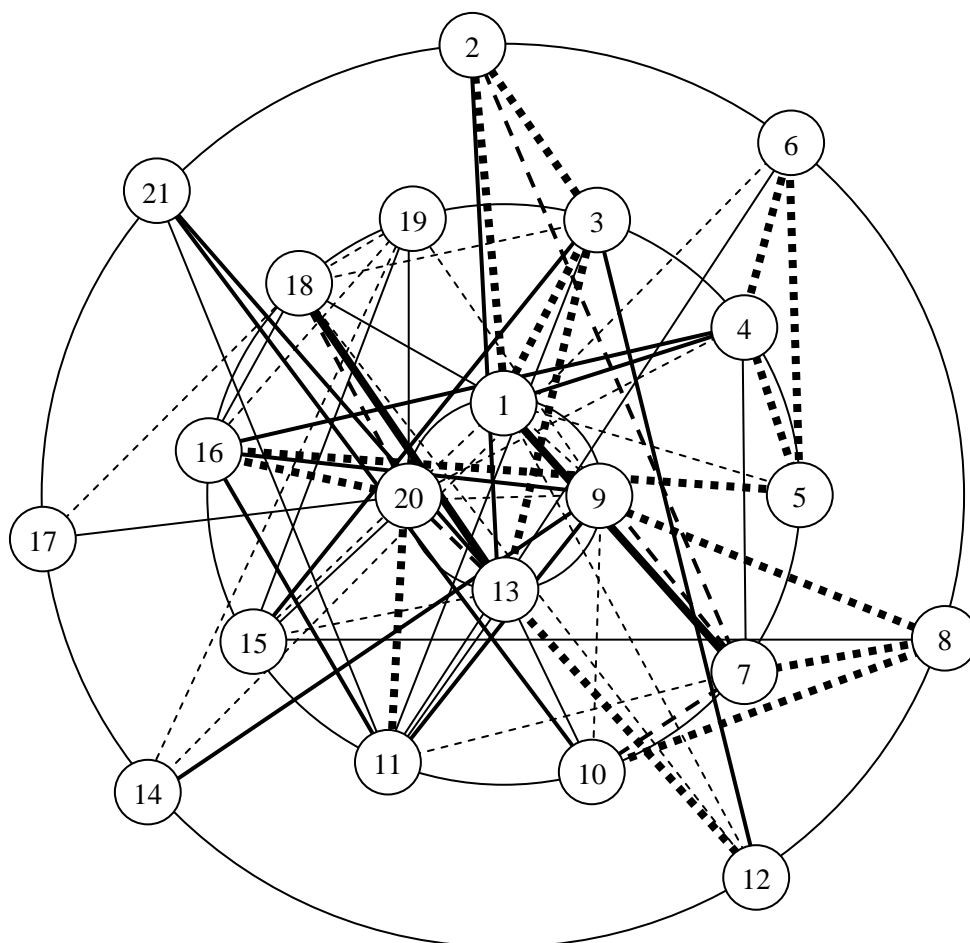


Рис. 2. Структурограмма компонентов самооотношения в группе несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления:

1 — адекватная самооценка; 2 — завышенная самооценка; 3 — низкая самооценка;
 4 — социальная адекватность; 5 — высокие социальные притязания; 6 — социальная неадекватность; 7 — адекватный самоконтроль; 8 — потребность в защитном контроле;
 9 — ниже среднего уровень самоконтроля; 10 — отсутствие самоконтроля; 11 — чувствительность к критике; 12 — тревожность; 13 — агрессивность; 14 — эгоизм; 15 — депрессия;
 16 — зависимость; 17 — инфантилизм; 18 — демонстративность; 19 — внутренний конфликт; 20 — трудности общения; 21 — криминальная зараженность.

————— положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$
 ————— положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,01$
 ————— положительные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$
 - - - - - отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,05$
 - - - - - отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,01$
 - - - - - отрицательные корреляции на уровне значимости $p < 0,001$

Сниженный уровень самоконтроля у подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления положительно коррелирует с чувствительностью к критике ($r_s = 0,27$; $p < 0,01$), эгоизмом ($r_s = 0,27$; $p < 0,01$), зависимостью ($r_s = 0,23$; $p < 0,01$). Отрицательно низкий самоконтроль связан с потребностью в защитном контроле ($r_s = -0,42$; $p < 0,001$), внутренней

конфликтностью ($r_s = -0,19$; $p < 0,05$) и трудностями общения ($r_s = -0,17$; $p < 0,05$). Это говорит о том, что сниженная саморегуляция, сопровождающаяся выраженным эгоизмом и зависимостью от других, позволяет несовершеннолетним, подозреваемым, обвиняемым, осужденным за насильственные преступления, снижать степень внутренней конфликтности и выстраивать желаемые отношения, сохраняя при этом чувствительность к критике. По всей вероятности, зависимость от других выполняет некоторую адаптационную и ориентировочную функцию, позволяя подстраивать свое поведение под требуемые параметры, встраиваться в тот или иной социум, получая желаемое одобрение и принятие.

Агрессивность подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления связана положительными корреляциями с демонстративностью ($r_s = 0,29$; $p < 0,001$), завышенной самооценкой ($r_s = 0,25$; $p < 0,01$), криминальной зараженностью ($r_s = 0,28$; $p < 0,01$), отсутствием самоконтроля ($r_s = 0,21$; $p < 0,05$) и чувствительностью к критике ($r_s = 0,22$; $p < 0,05$). Отрицательной корреляцией агрессивность связана с низкой самооценкой ($r_s = -0,32$; $p < 0,001$), тревожностью ($r_s = -0,31$; $p < 0,001$), трудностями общения ($r_s = -0,28$; $p < 0,01$) и депрессией ($r_s = -0,17$; $p < 0,01$). В данном случае нарушение адекватности самооценки в сторону ее завышения влечет за собой усиление демонстративности, агрессивности и криминальной зараженности. Другими словами, агрессивность несовершеннолетних носит скорее не компенсаторный, а «инициативный» характер, так как основана на переоценке своих сил, самодовольстве, желании привлечь к себе внимание. Типичными проявлениями такого рода агрессии может быть провокационное поведение и демонстративная жестокость (при свидетелях), беспричинная агрессия в сторону случайного лица и т. п.

Трудности общения у подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления положительно коррелируют с депрессией ($r_s = 0,19$; $p < 0,05$), инфантилизмом ($r_s = 0,17$; $p < 0,05$) и внутренним конфликтом ($r_s = 0,21$; $p < 0,05$). То есть коммуникативные трудности переживаются, прежде всего, теми, кто находится в депрессивном состоянии, отличается внутренней конфликтностью или незрелостью. Отрицательно трудности общения коррелируют с чувствительностью к критике ($r_s = -0,34$; $p < 0,001$), зависимостью ($r_s = -0,34$; $p < 0,001$), агрессивностью ($r_s = -0,28$; $p < 0,01$), демонстративностью ($r_s = -0,27$; $p < 0,01$), сниженным самоконтролем ($r_s = -0,17$; $p < 0,05$) и социальной адекватностью ($r_s = -0,20$; $p < 0,05$). Чем более агрессивными, демонстративными, зависимыми и социально неадекватными являются несовершеннолетние, тем менее они ощущают свои коммуникативные трудности.

В целом можно отметить, что структура компонентов самооотношения в группе несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления является довольно тесно организованной и взаимосвязанной. При этом ее формирование происходит вокруг особенностей самооценки, самоконтроля, агрессивности и коммуникативных умений.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы.

1. Структура компонентов самооотношения несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления является тесно организованной и взаимосвязанной и характеризуется неадекватностью самооценки (в сторону завышения или занижения), трудностями самоконтроля над телесными влечениями, агрессивностью, эгоизмом, склонностью к депрессии, зависимостью, эмоциональной незрелостью, демонстратив-

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологические особенности самооотношения
несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых,
осужденных за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 91–102.

Vetra A.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Characteristics of Self-attitude
of Juvenile Suspects, Accused,
Convicted of Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 91–102.

ностью, внутренней конфликтностью, криминальной зараженностью, коммуникативными трудностями.

2. Формирование структуры самооотношения несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления, происходит вокруг особенностей самооценки, самоконтроля, агрессивности и коммуникативных умений.

3. Знание психологических особенностей самооотношения несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления, позволит оптимизировать эффективное психологическое сопровождение данной категории лиц в условиях следственного изолятора и местах лишения свободы.

Литература

1. *Барсуков А.В.* Влияние типов семейного воспитания на формирование самооотношения у подростков с асоциальным поведением: Дисс. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2011. 203 с.
2. *Васкэ Е.В.* Несовершеннолетние правонарушители: типология, методы психологического взаимодействия и коррекции: науч.-практ. пособие. Нижний Новгород, 2020. 204 с.
3. *Вилкова А.В., Фадеева С.А.* Профилактика асоциального поведения несовершеннолетних: о влиянии воспитательной системы на характер и динамику правонарушений [Электронный ресурс] // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 2. С. 21—23. doi:10.18572/2072-4438-2020-2-21-23
4. *Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.* Выявление психических состояний несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как предпосылка профилактики их деструктивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 35—50. doi:10.17759/psylaw.2020100204
5. *Дегтярев А.В., Дегтярева Д.И.* Связь психологических границ личности с эмоциональным интеллектом и самооотношением в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 44—62. doi:10.17759/psylaw.2018080104
6. *Дьячкова Ю.Е.* Социально-психологическая адаптация личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, с различным отношением к криминальной субкультуре [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 113—124. doi:10.17759/psylaw.2018080209
7. *Зайко Т.М., Пантюхина Г.А.* Психолого-социологический аспект личности несовершеннолетнего преступника [Электронный ресурс] // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1 (193). С. 139—143. doi:10.47643/1815-1337_2021_1_141
8. *Каширский Д.В., Старосельцева О.В.* Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134. DOI:10.17759/psylaw.2021110110
9. *Ковтуненко Л.В.* Личность несовершеннолетнего осужденного: уголовно-правовая, социально-педагогическая, психологическая характеристики. Воронеж: Научная книга, 2013. 169 с.
10. *Кокуев А.А.* Особенности доверия к себе и другим у несовершеннолетних преступников, отбывающих наказание в виде лишения свободы: Дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 218 с.

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологические особенности самооотношения
несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых,
осужденных за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 91–102.

Vetra A.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Characteristics of Self-attitude
of Juvenile Suspects, Accused,
Convicted of Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 91–102.

11. *Котенева А.В., Лихачева С.Н., Кокурин А.В.* Социально-психологические особенности лидеров несовершеннолетних осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 206—225. doi:10.17759/psylaw.2018080315
12. *Макаркина О.Е.* О роли самооценки в диагностике резервов исправления несовершеннолетних осужденных // Право и образование. 2020. № 10. С. 89—95.
13. *Мясищев В.Н.* Психология отношений: избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.
14. *Падун О.А.* Психологические особенности личности несовершеннолетних, осужденных за совершение корыстно-насильственных преступлений: Дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 163 с.
15. *Романова Е.С., Потемкина О.Ф.* Графические методы по психологической диагностике. М.: Дидакт, 1991. 256 с.
16. *Саясова И.К.* Социально-психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей // Трудные судьбы подростков. Кто виноват? М.: Юрид. лит., 1991. С. 163—166.
17. *Смоляков А.А., Гаврилова О.В.* Изучение нравственно-психологических признаков личности несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления, как одна из составляющих профилактики преступности несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Том 5. № 2 (10). С. 221—226. URL: [http://www.uzkui.ru/gallery/2_\(10\)_2020_compressed.pdf](http://www.uzkui.ru/gallery/2_(10)_2020_compressed.pdf) (дата обращения: 09.10.2021).
18. *Сыроквашина К.В., Дозорцева Е.Г.* Антисоциальное расстройство личности у подростков и юношей: методология и диагностика // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 1. С. 49—62. doi:10.17759/cpp.2020280104
19. *Хмелевская О.Е., Яворская М.В.* Некоторые аспекты самосознания подростков с делинквентным поведением [Электронный ресурс] // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 6 (184). С. 475—482. doi:10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p475-482
20. *Чиркина Р.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г., Дегтярев А.В., Дебольский М.Г., Вороница А.В.* К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 77—94. doi:10.17759/psylaw.2018080106
21. *Шестакова Е.В.* Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего, находящегося в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс] // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Том 11. № 2 (40). С. 226—232. doi:10.37973/KUI.2020.12.52.013

References

1. Barsukov A.V. Vliyaniye tipov semeinogo vospitaniya na formirovaniye samootnosheniya u podrostkov s asotsial'nym povedeniem: Dis. kand. psikhol. nauk. Nizhny Novgorod, 2011. 203 p. (In Russ.).
2. Vaske E.V. Nesovershennoletnie pravonarushiteli: tipologiya, metody psikhologicheskogo vzaimodeistviya i korrektsii: Nauchno-prakticheskoe posobie. Nizhny Novgorod, 2020. 204 p. (In Russ.).
3. Vilkova A.V., Fadeeva S.A. Profilaktika asotsial'nogo povedeniya nesovershennoletnikh: o vliyanii vospitatel'noi sistemy na kharakter i dinamiku pravonarusheniya [The Prevention of Social Misconduct of Minors: On the Influence of the Educational System on the Offense Character and

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологические особенности самооотношения
несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых,
осужденных за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 91–102.

Vetra A.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Characteristics of Self-attitude
of Juvenile Suspects, Accused,
Convicted of Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 91–102.

Dynamics] [Elektronnyi resurs]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2020, no. 2, pp. 21–23. doi:10.18572/2072-4438-2020-2-21-23 (In Russ.).

4. Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S. Vyyavlenie psikhicheskikh sostoyanii nesovershennoletnikh obvinyaemykh i osuzhdennykh kak predposylka profilaktiki ikh destruktivnogo povedeniya [Identification of the Mental States of Minors Accused and Convicted as a Precondition for Preventing Their Destructive Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2. pp. 35–50. doi:10.17759/psylaw.2020100204 (In Russ., abstr. in Engl.).

5. Degtyarev A.V., Degtyareva D.I. Svyaz' psikhologicheskikh granits lichnosti s emotsional'nym intellektom i samootnosheniem v yunosheskom vozraste [Connectivity between the psychological boundaries of the individual with emotional intelligence and self-relationship in adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 44–62. doi:10.17759/psylaw.2018080104 (In Russ., abstr. in Engl.).

6. Dyachkova Yu.E. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti nesovershennoletnikh podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh, s razlichnym otnosheniem k kriminal'noi subkul'ture [Social and psychological adaptation of the personality of juvenile suspects, accused and convicted persons, with different attitude to the criminal subculture] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 113–125. doi:10.17759/psylaw.2018080209 (In Russ., abstr. in Engl.).

7. Zayko T.M., Pantyukhina G.A. Psikhologo-sotsiologicheskii aspekt lichnosti nesovershennoletnego prestupnika [Psychological and sociological aspect of the identity of a minor offender] [Elektronnyi resurs]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2021, no. 1 (193), pp. 139–143. doi:10.47643/1815-1337_2021_1_141 (In Russ.).

8. Kashirskiy D.V., Staroseltseva O.V. Tsennosti, samoidentifikatsiya i lichnostnaya motivatsiya obvinyaemykh v sovershenii osobo tyazhkikh prestuplenii [Values, Self-Identification and Personality Motivation of Persons Charged with Particularly Serious Crimes] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121–134. doi:10.17759/psylaw.2021110110 (In Russ., abstr. in Engl.).

9. Kovtunen L.V. Lichnost' nesovershennoletnego osuzhdennogo: ugolovno-pravovaya, social'no-pedagogicheskaya, psikhologicheskaya kharakteristiki. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2013. 169 p. (In Russ.).

10. Kokuev A.A. Osobennosti doveriya k sebe i drugim u nesovershennoletnikh prestupnikov, otbyvayushchikh nakazanie v vide lisheniya svobody: Dis. kand. psikhol. nauk. Rostov-on-Don, 2003. 218 p. (In Russ.).

11. Koteneva A.V., Likhacheva S.N., Kokurin A.V. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti liderov nesovershennoletnikh osuzhdennykh [Socio-psychological characteristics of the leaders of the juvenile convicts] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 206–225. doi:10.17759/psylaw.2018080315 (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Makarkina O.E. O roli samootsenki v diagnostike rezervov ispravleniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh [On the role of self-assessment in the correctional diagnosis of convicted juveniles]. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2020, no. 10, pp. 89–95. (In Russ.).

13. Myasishchev V.N. Psikhologiya otnoshenii: Izbrannye psikhologicheskie trudy. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: NPO "MODEK", 1995. 356 p. (In Russ.).

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологические особенности самооотношения
несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых,
осужденных за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 91–102.

Vetra A.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Characteristics of Self-attitude
of Juvenile Suspects, Accused,
Convicted of Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 91–102.

14. Padun O.A. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti nesovershennoletnikh, osuzhdennykh za sovershenie korystno-nasil'stvennykh prestuplenii: Dis. kand. psikhol. nauk. Rostov-on-Don, 2005. 163 p. (In Russ.).
15. Romanova E.S., Potemkina O.F. Graficheskie metody po psikhologicheskoi diagnostike. Moscow: Didakt, 1991. 256 p. (In Russ.).
16. Sayasova I.K. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh pravonarushitelei. *Trudnye sud'by podrostkov. Kto vinovat? = Difficult fate of adolescents. Who is guilty?* Moscow: Yurid. lit., 1991, pp. 163–166. (In Russ.).
17. Smolyakov A.A., Gavrilova O.V. Izuchenie npravstvenno-psikhologicheskikh priznakov lichnosti nesovershennoletnikh, sovershivshikh nasil'stvennye prestupleniya, kak odna iz sostavlyayushchikh profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh [Study of Moral and Psychological Signs of Personality of Minors who Commits Violent Crimes as one of Components of Prevention of Crime of Minors] [Elektronnyi resurs]. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2020. Vol. 5, no. 2 (10), pp. 221–226. URL: [http://www.uzkui.ru/gallery/2_\(10\)_2020_compressed.pdf](http://www.uzkui.ru/gallery/2_(10)_2020_compressed.pdf) (Accessed 09.10.2021). (In Russ.).
18. Syrokvashina K.V., Dozortseva E.G. Antisotsial'noe rasstroistvo lichnosti u podrostkov i yunoshei: metodologiya i diagnostika [Antisocial Personality Disorder in Adolescence: Methodology and Diagnostics] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 1 (107), pp. 49–62. doi:10.17759/cpp.2020280104 (In Russ.).
19. Khmelevskaya O.E., Yavorskaya M.V. Nekotorye aspekty samosoznaniya podrostkov s delinkventnym povedeniem [Some aspects of self-consciousness of teenagers with delinquent behavior] [Elektronnyi resurs]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta = Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University*, 2020, no. 6 (184), pp. 475–482. doi:10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p475-482 (In Russ.).
20. Chirkina R.V., Delibalt V.V., Dozortseva E.G., Degtyarev A.V., Debolsky M.G., Voronina A.V. K voprosu obosnovaniya diagnosticheskikh priznakov razlichnykh kategorii nesovershennoletnikh s protivopravnym povedeniem v kontekste deyatelnosti PMPK [About the substantiation of diagnostic indices in different categories of juveniles with delinquent behavior within the authority of the psychological, medical and educational committee] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 77–94. doi:10.17759/psylaw.2018080106 (In Russ., Abstr. in Engl.).
21. Shestakova E.V. Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti nesovershennoletnego, nakhodyashchegosya v tsentre vremennogo sodержaniya dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei [Criminological Portrait of a Personality of a Minor in the Centers of Temporary Isolation for Juvenile Delinquents] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2020. Vol. 11, no. 2 (40), pp. 226–232. doi:10.37973/KUI.2020.12.52.013 (In Russ.).

Информация об авторах

Вэтра Александра Викторовна, адъюнкт, факультет подготовки научно-педагогических кадров, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2959-8141>, e-mail: s_vetra@mail.ru

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологические особенности самоотношения
несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых,
осужденных за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 91–102.

Vetra A.V., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Characteristics of Self-attitude
of Juvenile Suspects, Accused,
Convicted of Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 91–102.

Ганишина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, доцент, начальник, кафедра юридической психологии и педагогики, психологический факультет, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин Михаил Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Information about the authors

Alexandra V. Vetra, Adjunct, Faculty of Research and Teaching Staff Training, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2959-8141>, e-mail: s_vetra@mail.ru

Irina S. Ganishina, Doctor of Psychology, Docent, Head, Department of Legal Psychology & Pedagogy, Psychological Faculty, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Получена 09.10.2021
Принята в печать 10.01.2022

Received 09.10.2021
Accepted 10.01.2022

Особенности психолого-воспитательной работы с подростками-правонарушителями, у которых имеются антисоциальные психопатии

Корсаков К.В.

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (ФГБУН «ИФИП УрО РАН»), г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

Материал посвящен проблемам психолого-воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями, у которых выявлены разные типы антисоциальных психопатий. В нем описываются основные характеристики, черты и свойства наиболее распространенных видов антисоциальных психопатий, зафиксированных среди подростков с девиантным поведением. В отношении каждого типа таких психопатий названы формы психолого-воспитательного воздействия на личностные качества и мировоззрение подростков-правонарушителей, нацеленные на коррекцию их поведения и повышение уровня социальной адаптации. Автором сделан вывод о том, что в процессе применения предлагаемых приемов работы необходимо учитывать, что деформации и девиации у подростков с антисоциальными психопатиями наиболее интенсивно проявляются в эмоционально-волевом компоненте личностной структуры, влияя при этом на всю структуру личности. Данное обстоятельство требует от субъектов психолого-воспитательной работы усиления активности в области коррекции внутренних психологических установок, изменения мировоззренческих ориентиров, приоритетов и целей, а также создания верных и социально приветствуемых воззрений на процессы общественной коммуникации.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, антисоциальные психопатии, психолого-воспитательная работа, юридическая психология, психология и право, правонарушающее поведение.

Для цитаты: Корсаков К.В. Особенности психолого-воспитательной работы с подростками-правонарушителями, у которых имеются антисоциальные психопатии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 103—114. DOI:10.17759/psylaw.2022120109

Psychological and Educational Work with Adolescent Delinquents with Antisocial Psychopathies

Konstantin V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law (the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), Yekaterinburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

This material is focused on the problems of psychological and educational work with juvenile delinquents who showed various types of antisocial psychopathies. It describes the main characteristics, features and properties of the most common types of antisocial psychopathies identified in adolescents with deviant behavior. Regarding each type of such psychopathies, appropriate forms of psychological and educational influence were proposed to address the personal qualities and the worldview of adolescent delinquents, to correct their behavior and improve their social adaptation. The author concludes that in the process of using the proposed work practices it should be borne in mind that disorders and deviations in adolescents with antisocial psychopathies manifest most strongly in the emotional-volitional component of their personality structure impacting its entirety at the same time. This fact, in turn, necessitates intensifying efforts from the subjects of psychological and educational work to correct the mental set, world outlook orientations, priorities and life goals of the children in their care and to instill in them true and socially approvable attitudes towards social communications.

Keywords: juvenile delinquents, antisocial psychopathies, psychological and educational work, legal psychology, psychology and law, offending behavior.

For citation: Korsakov K.V. Psychological and Educational Work with Adolescent Delinquents with Antisocial Psychopathies. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 103–114. DOI:10.17759/psylaw.2022120109 (In Russ.).

Введение

Сегодня в Российской Федерации в общем массиве попавших в системы ведомственного учета несовершеннолетних правонарушителей отечественными правоприменителями — сотрудниками внутренних дел, прокуратуры, Следственного комитета России и др. — отмечается существенное количество молодых людей, у которых были обнаружены антисоциальные психопатии. Под последними понимаются отдельные случаи психического дизонтогенеза и различные проявления личностных расстройств (конституциональных психопатий), известных в научной психологической литературе как антисоциальные или диссоциальные расстройства личности. Само же понятие «антисоциальные психопатии» появилось в отечественной психологической науке благодаря фундаментальным работам П.Б. Ганнушкина, который часто использовал его при характеристике гебоидных психопатий (также известных как личностные расстройства эмоционально малоспособных, социопатии или антиобщественные расстройства личности) [4].

В то же время в используемых в наши дни российскими силовыми структурами статистических базах лиц, совершивших правонарушения, по-прежнему не отражается общее ко-

личество несовершеннолетних правонарушителей, у которых наличествуют антисоциальные психопатии, что, как мы полагаем, является подлежащей оперативному устранению недоработкой. Об обязательном учете этого важного для правоприменительной практики показателя в собираемых правоохранительными органами статистических данных много писали еще советские правоведы, криминологи и психологи. В частности, на это не раз обращал внимание А.Е. Личко, который в своих трудах акцентировал внимание читателей на том, что среди делинквентов несовершеннолетнего возраста почти у каждого третьего обнаруживается личностное расстройство.

На основании многолетних исследований этот ученый выявил, что процент антисоциальных психопатий среди всех аномалий личности (акцентуаций, аберраций и др.), встречающихся у несовершеннолетних, которые совершили те или иные правонарушения, составляет более половины. В возрастном диапазоне от 18 до 30 лет число обладающих антисоциальными психопатиями в общем массиве правонарушителей по сравнению с диапазоном от 13 до 17 лет возрастает в два раза, а потом, уже после 30 лет, оно значительно снижается [11]. В связи с этим нельзя не согласиться со словами П.Б. Ганнушкина о том, что «... остро стоящий вопрос социально опасных девиаций в нашем обществе навряд ли может быть разрешен, если на практике не будет учитываться присутствие среди правонарушителей значительного количества психопатов» [3].

О распространенности психопатий и других аномалий психического развития среди несовершеннолетних делинквентов в наши дни говорит тот факт, что сегодня в ходе предварительного расследования совершенных ими преступных посягательств в отношении более половины несовершеннолетних представителями органов следствия назначается судебно-психиатрическая экспертиза. Во всех таких случаях судебно-психиатрическое выявление и оценка психопатий производятся по общим правилам. Подавляющее большинство подростков с обнаруженными психопатиями признаются экспертами вменяемыми (около 93%), так как степень их расстройств личности не лишает их возможности сознавать общественную опасность своих действий (или бездействия) и руководить последними. По этой причине диагноз «психопатия» у несовершеннолетних часто ставится без достаточно строгих клинических показаний и предполагается тогда, когда у исследуемого подростка есть аномалии характера и темперамента, выражающиеся в патологических формах развития личности. Нередко у многих судебных экспертов вызывает затруднения отграничение психопатий от легко выраженных психических заболеваний. В связи с этим при проведении судебно-психиатрической экспертизы следует учитывать, что временное обострение легко выраженных психических заболеваний может проявляться как результат какого-либо реактивного состояния, вызванного неблагоприятной ситуацией, а не отражать стойкие и выраженные особенности психопатической личности [19].

Предыстория

Первым исследователем, который отдельно выделил и разграничил антисоциальные психопатии с иными разновидностями и проявлениями личностных расстройств и аномалий, стал дореволюционный психолог и психиатр И.М. Балинский. Он пришел к примечательному выводу, что «... ряд людей при совершении ими правонарушений юридически считаются не имеющими каких-либо личностных расстройств, однако считать их полностью здоровыми в психическом отношении не следует» [1]. Впоследствии П.Б. Ганнушкин также неоднократно подвергал научному анализу эти виды расстройств личности и писал о них, что «... дан-

ные аномалии человеческой психики определяют психический портрет личности, накладывая свой печальный отпечаток на... характер и стиль поведения», что они «...на протяжении всей жизни человека не подвержены кардинальным, резким и глубоким переменам» и «...серьезно препятствуют людям, обладающим ими, адаптироваться к окружающему их миру» [3].

С опорой на наследие П.Б. Ганнушкина российские ученые-психологи выделили и объяснили базовые и ведущие черты, качества и маркеры антисоциальных психопатий: всеобщий характер, стабильность аномальных проявлений в поведении человека и высокая степень их присутствия в текущей жизнедеятельности, которая существенно мешает процессу общественной адаптации. Данные специфические свойства, признаки и черты выступили необходимой опорой и научно-теоретической платформой для последующего изучения, выявления и описания антисоциальных психопатий.

Ряд отечественных психологов, в частности О.В. Кербиков, предложили деление антисоциальных психопатий на краевые и ядерные. Последние формируются уже в самом раннем возрасте, причем в подавляющем большинстве примеров — в отсутствии веских причин и видимых факторов. В первую очередь их отличают отчетливо выраженные нарушения в психике человека, которые приводят его к общественной дезадаптации. Краевые антисоциальные психопатии могут появиться у человека в любом возрасте ввиду интенсивного влияния на него внешних травмирующих психику раздражителей. Антисоциальные психопатии, встречающиеся у несовершеннолетних правонарушителей, были отнесены психологами к первому типу [7].

Разработанная О.В. Кербиковым и его учениками и последователями классификация антисоциальных психопатий вбирала в себя такие их виды, как астенический, психоастенический, лабильный, циклический, шизоидный и легковозбудимый. В советское время эта градация была одной из самых известных и широко используемых, причем, как следует заметить, она применяется отдельными исследователями и в настоящее время. Помимо данной классификации также существуют и используются в психологии и психиатрии ряд других классификаций, предложенных П.Б. Ганнушкиным, Т. Гендерсоном, Э. Крепелином, Э. Кречмером, Е.А. Поповым и К. Шнайдером. В частности, Э. Кречмер обозначил лишь три основных класса психопатов: шизоидов, циклоидов и эпилептоидов.

В конце XX в. в психологии возобладала точка зрения, согласно которой антисоциальные психопатии представляют собой не столько отклонения и болезненные состояния психики, сколько ярко выраженные аномалии личностного развития, сопровождающиеся психологической дисгармонией, различными расстройствами эмоционального состояния, аффективным мышлением, которые в совокупности затрудняют адаптацию личности к окружающим ее общественному окружению и конкретной обстановке [10]. Среди отечественных ученых-психологов также устоялось мнение, что антисоциальные психологические качества человека, как правило, образуются и развиваются на начальных этапах социализации — уже в раннем возрасте [5].

В настоящий момент антисоциальные психопатии чаще всего наблюдаются у тех несовершеннолетних правонарушителей, которые совершают такие преступные деяния, как кража, грабеж, хулиганство, мошенничество, побои, причинение легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью, изнасилование, сексуальные действия насильственного характера, угон транспортного средства, умышленное повреждение либо уничтожение чужого имущества. Отечественными психологами у этих несовершеннолетних делинквентов также отме-

чаются пониженное социальное торможение в периоды эмоциональных всплесков, низкая социальная ответственность, аддиктивное поведение (преимущественно стремление к уходу от реальности посредством употребление различных одурманивающих веществ, изменяющих психическое состояние).

Помимо характерных черт, обозначенных выше, таких делинквентов несовершеннолетнего возраста отличают отчетливо выраженные в поведении духовно-нравственные дефекты сознания. Также им присущи эмоциональная черствость и отсутствие проявлений социальных эмоций, чувства долга по отношению к обществу, государству и окружающим, ощущение сопричастности, солидарности, симпатии к социальному окружению (так называемый негативизм); они не проявляют чувств благодарности, уважения и комплиментарности к близким людям (родителям, опекунам, друзьям и родственникам).

Для большинства из них также характерны отсутствие чувства стыда, угрызений совести, представлений о чести и достоинстве личности, безразличие к мнению окружающих, к устоявшимся и культивируемым в социуме нормам и стандартам поведения, существенные затруднения и проблемы в области социальной коммуникации и адаптации. Часто такие подростки обнаруживают личностное стремление лишь к чувственным наслаждениям (сладострастию, чревоугодию, состоянию опьянения, эйфории и др.). Нередко антисоциальные психопаты несовершеннолетнего возраста уже с раннего детства демонстрируют окружающим проявления садистских наклонностей, которые выражаются в циничном глумлении и истязании животных, птиц, насекомых.

В криминологических работах последних лет, освещающих распространенность и особенности подростковых правонарушений, особо подчеркивается, что за последние 10 лет темпы прироста насильственной преступности несовершеннолетних обгоняют темпы прироста преступности взрослых в 1,5 раза, а характерными чертами подростковой преступности становятся ее групповой характер, немотивированная агрессия и крайняя жестокость. Криминологи также указывают на то, что в России несовершеннолетними правонарушителями все чаще применяется огнестрельное и холодное оружие (оно используется примерно в каждом четвертом преступлении), а жестокости молодых людей во многом способствует недальновидная информационная политика со стороны средств массовой информации [16]. Между тем накопленный в нашей стране опыт психологической и педагогической работы с подростками, имеющими антисоциальные психопатии, свидетельствует о том, что такие подростки вполне поддаются психолого-педагогическому воздействию, способному оградить их от совершения преступных деяний в будущем [22].

Современность

Сегодня вполне оправданный большой исследовательский интерес вызывают описываемые современными представителями юридической психологии и девиантологии характеристики различных разновидностей антисоциальных психопатий, наиболее часто фиксируемых в настоящее время в правоприменительной практике у несовершеннолетних правонарушителей. Также специалистам интересны и специфические формы, средства, методы, ориентиры, принципы, направленность, мыслимые и ожидаемые результаты и иные особенности проводимой в отношении последних психолого-воспитательной работы. Под такой работой мы прежде всего понимаем сочетающую в себе психологические и воспитательные начала и элементы деятельность, которая направлена на формирование особой психологической и воспитательной среды и преследует задачи предупреждения девиантного и правонарушаю-

щего поведения со стороны подростков, а равно привития и закрепления у них навыков социально одобряемого поведения.

Сочетание психологических и воспитательных методов и парадигм, а также особенности стоящих перед ней целей отличают эту деятельность от тесно связанных с ней психологической профилактики, коррекции, неврачебной психотерапии и других форм работы. Психологическая профилактика направлена главным образом на сохранение и укрепление психологического здоровья детей и подростков в целом. Коррекция преимущественно нацелена на формирование таких психологических качеств и свойств, которые повышают уровень социализации и адаптации к меняющимся условиям жизни. Под неврачебной психотерапией на современном этапе все чаще подразумевают консультирование индивидов, испытывающих трудности во взаимоотношениях с окружающими.

Для довольно распространенного сегодня на практике и считающегося учеными-криминологами наиболее криминогенного эпилептоидного типа несовершеннолетних правонарушителей характерны инертность и косность мышления, постоянное нахождение в болезненно пониженном эмоциональном состоянии, мрачная раздражительность, злопамятность, придирчивое и негативно-неприятное отношение к окружающим, озлобленность на мир, мизантропия, эмоциональная несдержанность. Им также присущи развитые волевые и властно-эгоистические личностные качества, постоянное стремление к доминированию и занятию лидерских позиций в коллективе, педантизм, упорство, упрямство и бескомпромиссность при достижении желаемой цели, неуступчивость, бестактность и грубость в общении с окружающими людьми, жадность, мелочность, нередко увлечение азартными играми и компьютерными играми (игромания). Несовершеннолетние правонарушители-эпилептоиды проявляют вражду и агрессивность по самому невинному поводу, их легко обидеть, оскорбить, задеть и вывести из себя, они нередко впадают в состояния депрессии и ажитации.

Подростки-эпилептоиды часто проявляют садистские наклонности (в отношении младших по возрасту, слабых и зависимых от них людей), обнаруживают различные половые парafilии и нарочитую вульгарность, небрежность в процессе общения со сверстниками и старшими по возрасту. Наряду с насильственными преступлениями (ст. 111, 112, 115, 116, УК РФ) несовершеннолетние, относящиеся к данному типу, часто совершают хищения и преступные деяния против половой свободы и неприкосновенности [8; 11]. Основными криминогенными факторами, которые опосредуют их криминальное поведение, выступают как стяжательство, тяга к обогащению и желание заполучить какие-либо ценности, так и чувство азарта, стремление проявить себя.

В ходе психолого-воспитательной работы с представителями этого типа молодых делинквентов следует избегать давления и принуждения, создавать спокойную, размеренную и гармоничную обстановку, чтобы они чувствовали себя предельно комфортно.

Нужно планомерно корректировать стиль и манеры поведения таких подростков, всячески содействовать им в процессе общественной адаптации, развивать способности к эмпатии, сопереживанию. Для этого можно применять методы библиотерапии и фильмотерапии (чтение книг и совместный просмотр кинофильмов, которые вызывают эмоциональные отклики и чувство сострадания). Также необходимо активно использовать механизмы избегания ими раздражающих факторов путем отвлечения на приоритетные и важные для них виды деятельности, такие как спорт, физкультура, любимое хобби (подростки-эпилептоиды демонстрируют хорошие способности в вокале, в спорте (особенно в его силовых видах, культуриз-

ме, большом теннисе и др.), в прикладных видах искусства, в автомоделлизме, столярничестве, строительстве, дизайне и т. д.).

Для неустойчивого типа несовершеннолетних правонарушителей характерны наличие несформированного темперамента, гиперактивность, экстравертность, коммуникабельность, вспыльчивость, частые перепады настроения, отсутствие усидчивости, плохая успеваемость в процессе обучения, подверженность алкоголизму, наркотической зависимости, а также нахождение в составе субкультурных молодежных сообществ.

Девиантное поведение со стороны таких подростков чаще всего детерминировано их самонадеянностью, озорством, желанием произвести впечатление на окружающих, самоактуализацией [6]. Иными факторами, обуславливающими их правонарушающее поведение, являются посягательства на их свободу, попытки подчинения, подавления их желаний, которые порождают конфликтные ситуации и агрессию со стороны несовершеннолетних делинквентов неустойчивого типа.

На практике такие подростки чаще всего действуют не в одиночку, а сообщая, им присущ групповой способ совершения деликтов. В криминальных группах они, будучи экстравертами, выполняют наиболее активные роли — организаторов, зачинщиков, подстрекателей. В составе молодежных сообществ преступной направленности несовершеннолетние правонарушители неустойчивого типа наиболее часто совершают кражи, включая кражи с проникновением в жилище, угоны автотранспорта и хулиганские действия, причем эти действия не воспринимаются ими как общественно опасные, вредоносные и влекущие существенные последствия, в чем проявляется их легкомысленное отношение к своему поведению.

Неустойчивый тип несовершеннолетних правонарушителей плохо поддается психолого-воспитательному воздействию. Его представителям претят дисциплина, регламенты, ограничения и запреты. В данной связи в воспитательной работе с ними необходимо формировать такие кондиции, которые позволили бы им найти позитивное выражение их энергии и активности. Последние должны находить применение в безопасных и полезных для окружающих и социально одобряемых формах.

Следует обеспечить таким подросткам возможность регулярно заниматься в секциях, клубах и кружках, связанных с креативными видами деятельности, творчеством (театральных, самодеятельных), участвовать в различных экспедициях и туристических походах, в военно-исторических реконструкциях, скаутском и поисковом движении. Для воспитания у них чувств долга и ответственности им следует доверять руководство подростковыми коллективами (младших по возрасту либо сверстников), поддерживать и направлять их творческие инициативы, позволяя им быть и чувствовать себя востребованными, не ограничивая и подавляя при этом их свободу. В то же время для предупреждения правонарушающего поведения со стороны таких подростков важно соблюдение принципа неотвратимости ответственности даже в случаях совершения ими малых и незначительных нарушений общественных норм и императивов [18].

Несовершеннолетних правонарушителей шизоидного типа отличают эмоциональная отстраненность, склонность к одиночеству, замкнутость, существенные трудности в социальной адаптации, неприятие норм и правил социального поведения, бурное воображение, мечтательность, неумение выразить теплые чувства. Довольно часто они замыкаются в себе и избегают социальных контактов, предпочитают редко выходить из дома, особенно если проживают в больших городах и мегаполисах [15]. Среди этого типа несовершеннолетних делинквентов встречается наибольшее количество тех, кого называют «социальными аутсайде-

рами» [9; 21]. При анализе и описании российских несовершеннолетних беспризорников начала XX столетия психолог Н.И. Озерецкий писал, что «... шизоиды чаще всего воруют в одиночку, без лишних свидетелей, они избирают криминальное ремесло, требующее самых сложных и трудно получаемых навыков и умений» [14].

Именно подростки-делинквенты, относящиеся к шизоидному типу, проявляют неординарную, патологическую жестокость при совершении преступных деяний насильственного характера (убийств, изнасилований, разбоев, причинения вреда здоровью различной тяжести). Многие из них относятся к выведенному криминологами революционному (бунтарскому) типу преступников и часто могут входить в состав вооруженных террористических и экстремистских сообществ и группировок по причине фанатизма и одержимости навязчивыми радикальными идеями религиозного, социального и политического плана.

Подростки-шизоиды часто выбирают нестандартные, оригинальные способы совершения преступлений, тщательно скрывают следы и уничтожают улики. Наиболее часто ими совершаются хищения и преступления экономического характера, в том числе мошеннические действия, связанные с компьютерной сферой, Интернетом, высокими технологиями, банковскими картами и пр. Согласно Э. Эриксону, несовершеннолетние правонарушители шизоидного типа оказываются в поле зрения правоохранительных органов довольно поздно, потому как старательно планируют свои преступные акции, «умеют затаиться, выждать время» [23].

В процессе психолого-воспитательной работы ее субъектам следует помнить, что подростки шизоидного склада мышления очень ранимы и восприимчивы к критике, поэтому, в целях избежания обладающего большим криминогенным потенциалом синдрома «стигматизации», к ним нельзя относиться как к «странным», «не таким, как все», отделять и огораживать от остальных. Необходимо целенаправленно развивать у шизоидов навыки, которые необходимы им для успешной социализации и социальной адаптации, преодолевая при этом их настороженность и избирательность в общении и всячески поощряя и стимулируя социально приветствуемое поведение.

Отличительной чертой несовершеннолетних правонарушителей истероидного типа является наличие слабой, лабильной и подвижной нервной системы. Им присущи жажда быть в центре общественного внимания; артистический склад натуры и демонстративность в поведении, которая доходит вплоть до показных суицидальных демонстраций [17; 20]; отсутствие самоконтроля, нестабильный эмоциональный фон. Такие подростки впечатлительны, легко подвергаются чужому дурному влиянию, вовлекаются в совершение антиобщественных действий взрослыми либо используются последними в качестве средства совершения преступлений. В отличие от несовершеннолетних правонарушителей шизоидного типа, истероиды тщательно и долго не планируют свои преступления, действуют при их совершении сумбурно, неумело, часто меняя ранее принятые решения вплоть до отказа от доведения преступного посягательства до конца в случае возникновения каких-либо незначительных препятствий и трудностей. Последнее связано с тем, что истероиды в большей степени, нежели другие типы делинквентов, подвержены различным страхам и сомнениям ввиду слабой нервной системы. Наиболее легко подростки-истероиды решаются на не требующие профессионализма мошеннические действия: обман при совершении сделок (с недвижимостью, транспортом и пр.), подделка документов и т. п. В то же время они могут совершить тяжкое либо особо тяжкое преступление против личности по мотиву нанесенной им обиды, так как отличаются эгоцентризмом, ревностью и мстительностью. У подростков-истероидов хорошо

развиты механизмы психологической защиты (вытеснения): они с легкостью могут забыть о совершенном ими преступлении и не чувствовать вину за содеянное.

Наиболее эффективным методом в психолого-воспитательной работе с несовершеннолетними правонарушителями-истероидами показало себя замещение их антиобщественных эгоистических порывов и поведенческой направленности активной творческой деятельностью, включающей в себя организацию и проведение крупных массовых зрелищных мероприятий (участие в них в качестве ведущих, конференсье, ди-джеев и т. д.), которые позволяют им быть в центре внимания. Другим важным направлением в данной работе является тщательное ограждение таких подростков от негативного влияния взрослых преступников-рецидивистов и воздействия на них любых элементов криминальной субкультуры и преступной идеологии (АУЕ и пр.), «воровской романтики» [2; 12].

Выводы

В настоящее время в нашей стране проблемы психолого-воспитательной и криминологическо-профилактической работы с подростками-правонарушителями, у которых наличествуют различные антисоциальные психопатии, обострились и требуют своего оперативного решения не только со стороны психологов и правоведов, но и государственных органов. Данная важная и социально востребованная работа нуждается в надлежащем ресурсном обеспечении, публичном освещении и поддержке. Как верно заметил А.Е. Личко, «... при раннем распознавании истоков психического неблагополучия можно упредить формирование психопатий, выработать направления и стратегии социальной адаптации с учетом личностных и типологических качеств, а также особенностей развития конкретной ситуации» [11]. Также нельзя не согласиться с Ю.Б. Можгинским в том, что «... антисоциальные психопатии имеют динамичную сущность и их развитие очень трудно предвидеть, а многолетний опыт наблюдения за несовершеннолетними правонарушителями свидетельствует о том, что на практике очень редко диагностируется отчетливый вариант психических девиаций, полностью совпадающий с какой-либо разновидностью антисоциальной психопатии» [13].

Методику, параметры и интенсивность психолого-воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями, которые обладают антисоциальными психопатиями, по нашему мнению, следует в каждом конкретном случае выбирать, исходя из типа той или иной антисоциальной психопатии. Их также следует корректировать и варьировать с учетом того, что девиации и отклонения у таких подростков поражают прежде всего эмоционально-волевую область психики, а образовавшиеся антисоциальные психопатии прочно интегрированы в их личностную структуру. Мы полагаем, что приоритетом в психолого-воспитательной работе, активно ведущейся сегодня российскими психологами, педагогами, социальными работниками и воспитателями, должна стать коррекционная составляющая. Ее образуют элементы, направленные на изменение мировоззренческих и ментальных установок, отношения к самому себе и к окружающим, усвоение основ и базовых принципов социальной коммуникации. Также хотелось бы обратить внимание на ощущающийся в текущий момент в науке дефицит новых, современных и оригинальных исследований в этой сфере научного поиска. Этот дефицит вполне мог бы быть преодолен посредством активизации научно-исследовательских разработок в выделенных ниже перспективных направлениях работы в данной области знаний. Среди них: изучение детерминантов формирования антисоциальных психопатий в детском и подростковом возрасте; разработка (с опорой на накопленные наукой эмпирические данные) разнообразных практических методик коррекционной ра-

Корсаков К.В.
Особенности психолого-воспитательной работы
с подростками-правонарушителями, у которых
имеются антисоциальные психопатии
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 103–114.

Korsakov K.V.
Psychological and Educational Work
with Adolescent Delinquents
with Antisocial Psychopathies
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 103–114.

боты с несовершеннолетними, которые имеют психопатии; научно-теоретическое обоснование и формулирование рекомендаций и предложений в порядке *de lege ferenda*, нацеленных на совершенствование нормативно-правовой базы в области ювенальной юстиции, педагогики и психологического благополучия.

Литература

1. *Балинский И.М.* Лекции по психиатрии. Л.: Медгиз, 1958. 214 с.
2. *Бочкова М.Н., Мешкова Н.В.* Поведенческие особенности негативной и антисоциальной креативности на примере подростков [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 1. С. 93—106. doi:10.17759/psyedu.2019110108
3. *Ганнушкин П.Б.* Избранные труды. М.: Медицина, 1964. 292 с.
4. *Ганнушкин П.Б.* Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородской государственной медицинской академии, 1988. 124 с.
5. *Датий А.В.* Судебная медицина и психиатрия: Учебник. М.: РИОР, 2011. 310 с.
6. *Жариков Н.М.* Судебная психиатрия: Учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 528 с.
7. *Кербиков О.В.* Избранные труды. М.: Медицина, 1971. 313 с.
8. *Корсаков К.В.* Вклад академика Д.С. Лихачева в отечественную криминологическую науку // Российский юридический журнал. 2007. № 1. С. 9—14.
9. *Куминская Е.А.* Феномен аутсайдерства в подростковых коллективах [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2017. Том 9. № 2. С. 84—95. doi:10.17759/psyedu.2017090208
10. *Лидеман Р.Р.* За гранью психического здоровья. М.: Знание, 1992. 190 с.
11. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. М.: Медицина, 1985. 256 с.
12. *Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.* Негативная креативность в образовании: особенности, угрозы и перспективы исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 5. С. 67—76. doi:10.17759/pse.2017220508
13. *Можгинский Ю.Б.* Динамика расстройств личности // Юридическая психология. 2009. № 2. С. 10—13.
14. *Озерецкий Н.И.* Психопатология детского возраста. Л.: Учпедгиз, 1938. 327 с.
15. *Радина Н.К.* Город как фабрика страха и риска: детский взгляд на городское пространство [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 2. С. 131—145. doi:10.17759/sps.2017080209
16. *Решетников А.Ю., Афанасьева О.Р.* Криминология и предупреждение преступлений: Учебное пособие. М.: Юрайт, 2020. 168 с.
17. *Сафуанов Ф.С., Сочивко О.И.* Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 211—224. doi:10.17759/psylaw.2019090415
18. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* К вопросу о педагогическом авторитете [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 1. С. 88—107. doi:10.17759/sps.2016070107
19. *Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А.* Судебная экспертиза: Учебник. М.: Юрайт, 2020. 288 с.

20. Сотникова Ю.А. Специфика защитных механизмов у лиц, совершающих суицидальные попытки // Социальная и клиническая психиатрия. 2004. № 3. С. 11—18.

21. Федунина Н.Ю., Банников Г.С., Павлова Т.С., Вихристюк О.В., Баженова М.Д. Особенности совладания со стрессом у подростков с самоповреждающим и суицидальным поведением [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 2. С. 33—52. doi:10.17759/cpp.2018260203

22. Холостова Е.И. Социальная работа с дезадаптированными детьми. М.: Дашков и Ко, 2007. 277 с.

23. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

References

1. Balinsky I.M. Lektsii po psikiatrii. Leningrad: Medgiz, 1958. 214 p. (In Russ.).
2. Bochkova M.N., Meshkova N.V. Povedencheskie osobennosti negativnoi i antisotsial'noi kreativnosti na primere podrostkov [Behavioral Features of Negative and Malevolent Creativity in Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2019. Vol. 11, no. 1, pp. 93—106. doi:10.17759/psyedu.2019110108 (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Gannushkin P.B. Izbrannye trudy. Moscow: Medicine, 1964. 292 p. (In Russ.)
4. Gannushkin P.B. Klinika psikhopatii, ikh statika, dinamika, sistematika. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Medical Academy, 1988. 124 p. (In Russ.).
5. Datiy A.V. Sudebnaya medicina i psikiatriya: Uchebnik. Moscow: RIOR, 2011. 310 p. (In Russ.).
6. Zharikov N.M. Sudebnaya psikiatriya: Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Norma, 2004. 528 p. (In Russ.).
7. Kerbikov O.V. Izbrannye trudy. Moscow: Meditsina, 1971. 313 p. (In Russ.).
8. Korsakov K.V. Vklad akademika D.S. Likhacheva v otechestvennyuyu kriminologicheskuyu nauku [Academic D.S. Likhachev contribution to Russian criminology science]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2007. no. 1, pp. 9—14 (In Russ.).
9. Kuminskaya E.A. Fenomen autsajderstva v podrostkovykh kollektivakh [The Outsider Phenomenon in Teenage Groups] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2017. Vol. 9, no. 2, pp. 84—95. doi:10.17759/psyedu.2017090208 (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Lideman R.R. Za gran'yu psikhicheskogo zdorov'ya. Moscow: Znanie, 1992. 190 p. (In Russ.).
11. Licko A.E. Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov. Moscow: Meditsina, 1985. 256 p. (In Russ.).
12. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Negativnaya kreativnost' v obrazovanii: osobennosti, ugrozy i perspektivy issledovaniya [Negative Creativity in Education: Features, Threats and Research Perspectives] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2017. Vol. 22, no. 5, pp. 67—76. doi:10.17759/pse.2017220508 (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Mozhginskiy Y.B. Dinamika rasstroistv lichnosti [Dynamics of personality disorders]. *Yuridicheskaya psikhologiya = Juridical Psychology*, 2009, no. 2. pp. 10—13 (In Russ.).
14. Ozeretsky N.I. Psikhopatologiya detskogo vozrasta. Leningrad: Uchpedgiz, 1938. 327 p. (In Russ.).

15. Radina N.K. Gorod kak fabrika strakha i riska: detskii vzglyad na gorodskoe prostranstvo [The city as a factory of fear and risk: children's judgments about the urban space]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 131–145. doi:10.17759/sps.2017080209 (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Reshetnikov A.Y., Afanasyeva O.R. Kriminologiya i preduprezhdenie prestuplenii: Uchebnoe posobie. Moscow: Yurait, 2020. 168 p. (In Russ.).
17. Safuanov F.S., Sochivko O.I. Psikhologicheskaya otsenka suitsidal'nogo riska: sootnoshenie pro- i antisuitsidalnykh lichnostnykh faktorov [Psychological Assessment of Suicidal Risk: the Ratio of Pro- and Anti-Suicidal Personality Factors] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 211–224. doi:10.17759/psylaw.2019090415 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. K voprosu o pedagogicheskom avtoritete [On the Issue of Pedagogical Authority] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 1, pp. 88–107. doi:10.17759/sps.2016070107 (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Sorokotyagin I.N., Sorokotyagina D.A. Sudebnaya ekspertiza: Uchebnik. Moscow: Yurait, 2020. 288 p. (In Russ.).
20. Sotnikova Yu.A. Spetsifika zashchitnykh mekhanizmov u lits, sovershayushchikh suitsidal'nye popytki. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya = Social and Clinical Psychiatry*, 2004, no. 3, pp. 11–18. (In Russ.).
21. Fedunina N.Y., Bannikov G.S., Pavlova T.S., Vikhristyuk O.V., Bazhenova M.D. Osobennosti sovladaniya so stressom u podrostkov s samopovrezhdayushchim i suitsidal'nym povedeniem [Coping with stress in adolescents with self-harm and suicidal behavior] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no 2. pp. 33–52. doi:10.17759/cpp.2018260203 (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Kholostova E.I. Sotsial'naya rabota s dezadaptirovannymi det'mi. Moscow: Dashkov i Ko, 2007. 277 p. (In Russ.).
23. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [IDENTITY youth and crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Корсаков Константин Викторович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел права, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (ФГБУН «ИФИП УрО РАН»), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

Information about the authors

Konstantin V. Korsakov, PhD in Law, Docent, Senior Researcher, Department of Law, Institute of Philosophy and Law (the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

Получена 09.10.2021

Принята в печать 10.01.2022

Received 09.10.2021

Accepted 10.01.2022

Взаимодействие ребенка с родителем: судебно-психологические экспертные оценки

Сафуанов Ф.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Савина О.Ф.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psyhol1@yandex.ru

Морозова М.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

Калашникова А.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3139-5511>, e-mail: kaspsy@mail.ru

Кулаков С.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

Переправина Ю.О.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5702-7499>, e-mail: yuliaperepravina@gmail.com

Сафуанов Ф.С. [и др.]
Взаимодействие ребенка с родителем:
судебно-психологические экспертные оценки
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 115–132.

Safuanov F.S. et al.
Parent-Child Interaction:
Forensic and Psychological Expert Evaluations
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 115–132.

Забезжинская И.Д.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8757-5971>, e-mail: iriza@live.ru

Малиновская М.А.

Красноярский краевой психоневрологический диспансер № 1 (КГБУЗ «ККПНД №1»), г. Красноярск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-1272>, e-mail: marchi26@mail.ru

Солдатова К.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

Бодрова О.К.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7585-7821>, e-mail: olgabodr@gmail.com

Проведена апробация метода исследования взаимодействия ребенка с совместно и отдельно проживающим родителем в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе по семейным спорам между родителями об определении места жительства ребенка или порядка встреч отдельно проживающего родителя с ребенком. Протокол метода включает социально-демографические характеристики, экспертные решения и две группы данных о детско-родительских взаимоотношениях, выявленных в ходе судебной экспертизы и полученных в пробе на взаимодействие. Обследовано 66 детей в возрасте от 4 до 15 лет. Из них 28 детей (23 мальчика, 5 девочек), не способных к принятию самостоятельных решений по вопросам, затрагивающим их интересы, вследствие индуцированного состояния, обусловленного действиями совместно проживающего родителя, и 38 детей (17 мальчиков, 21 девочка), у которых способность к принятию самостоятельных решений не была нарушена. Выделены высокоинформативные психологические особенности взаимодействия, характерные для детей, не способных к принятию самостоятельных решений по сути судебного спора. Показана их высокая экспертно-диагностическая значимость.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психологическая экспертиза, интересы ребенка, детско-родительские отношения, проба на взаимодействие.

Для цитаты: Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Калашишникова А.С., Кулаков С.С., Переpravина Ю.О., Забезжинская И.Д., Малиновская М.А., Солдатова К.М., Бодрова О.К. Взаимодействие ребенка с родителем: судебно-психологические экспертные оценки [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 115—132. DOI:10.17759/psylaw.2022120110

Сафуанов Ф.С. [и др.]
Взаимодействие ребенка с родителем:
судебно-психологические экспертные оценки
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 115–132.

Safuanov F.S. et al.
Parent-Child Interaction:
Forensic and Psychological Expert Evaluations
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 115–132.

Parent-Child Interaction: Forensic and Psychological Expert Evaluations

Farit S. Safuanov

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Olga F. Savina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Marina V. Morozova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

Anna S. Kalashnikova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3139-5511>, e-mail: kaspsy@mail.ru

Sergey S. Kulakov

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

Julia O. Perepravina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5702-7499>, e-mail: yuliaperepravina@gmail.com

Irina D. Zabezhinskaya

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8757-5971>, e-mail: iriza@live.ru

Marina A. Malinovskaya

Krasnoyarsk Regional psychoneurological dispensary No. 1, Krasnoyarsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-1272>, e-mail: marchi26@mail.ru

Ksenia M. Soldatova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

Olga K. Bodrova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7585-7821>, e-mail: olgabodr@gmail.com

In our scientific work we tested a methodology for studying child's interaction with his/her cohabitant parent and the one living away. The methodology is integrated into the comprehensive forensic, psychological and psychiatric examination which is carried out during family law cases between divorcing parents and is aimed to decide the child's place of residence or visiting arrangements for the separated parent. The methodology protocol includes sociodemographic parameters, expert decisions and two datasets on the child-parent relationship found during the forensic examination and interaction test. 66 children aged 4-15 have been examined. Of those, 28 children (23 boys, 5 girls) were incapable to make their own decisions on the issues that might affect them (due to the induced state they were in as a result of the cohabitant parent's actions). The 38 remaining children's (17 boys, 21 girls) abilities to make their own decisions were intact. The research isolated highly informative interaction peculiarities that are typical for the children who are unable to make their own decisions on the substance of the litigation and also demonstrated their high importance for expert diagnostics.

Keywords: comprehensive forensic, psychological and psychiatric examination; forensic and psychological examination, interests of a child, child-parent relationship, interaction test.

For citation: Safuanov F.S., Savina O.F., Morozova M.V., Kalashnikova A.S., Kulakov S.S., Perepravina J.O., Zabezhinskaya I.D., Malinovskaya M.A., Soldatova K.M., Bodrova O.K. Parent-Child Interaction: Forensic and Psychological Expert Evaluations. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 115–132. DOI:10.17759/psylaw.2022120110 (In Russ.).

Введение

Понятие «интересы ребенка» является смыслообразующим в международных [7; 13] и отечественных [18; 27] правовых актах, защищающих детей. В то же время это понятие в законодательстве содержательно не раскрывается — и в Семейном кодексе (СК РФ), и в Законе о гарантиях прав ребенка, и в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 9 и от 20 апреля 2006 г. № 8 [19; 20] приводятся вариации цели законодательной защиты интересов ребенка, сформулированной в Декларации прав ребенка: создание условий для физического, умственного, нравственного, духовного и социального развития «здоровым и нормальным путем в условиях свободы и достоинства». В частности, в ст. 65, 66 СК РФ осуществление родительских прав прямо увязывается с непричинением вреда физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию.

О.Ю. Ильина определяет интересы ребенка как субъективно обусловленную потребность ребенка в благоприятных условиях его существования, находящую объективное выражение в реализации родителями своих прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством [9].

Она же считает причиной сложности содержательного определения интересов ребенка межотраслевой характер понятия [10]. Так, в юридической плоскости анализа понятия возникает соблазн трактовать его как совокупность прав ребенка. О.А. Бондаренко указывает,

что «специалистами в области права высказываются мнения о замене существующего неопределенного термина “интересы детей” на конкретную и более содержательную норму о правах детей» [3].

Поскольку интересы ребенка ассоциируются, в частности, с психическим развитием, ясно, что этот термин требует своего раскрытия и в психологическом плане. Но и в отдельной отрасли могут быть разные толкования. С.А. Терехина отмечает, что «... в настоящее время дискуссионными являются взгляды на развитие ребенка в онтогенезе, меняются подходы к проблеме периодизации психического развития и представления о критериях нормативности развития, предлагаются новые варианты типологий, обсуждается соотношение возрастных и индивидуальных различий» [26].

Однако при всех противоречиях психологических теорий, как пишет А.А. Шведовская, они сходятся в одном: согласно современным представлениям о движущих силах, источниках и условиях развития психики и личности человека, психическое развитие ребенка опосредовано общением и взаимодействием с взрослым, в первую очередь, с родителем [28]. Так, в эпигенетической теории Э. Эриксона поддерживающее взаимодействие с социальным окружением считается одним из определяющих факторов развития личности [30]. Согласно взглядам Дж. Боулби, привязанность порождается опытом взаимодействия с близким взрослым и в значительной мере определяет траекторию личностного развития ребенка [4].

В отечественной психологии в контексте культурно-исторической парадигмы последователи Л.С. Выготского подчеркивают ведущую роль социальной среды как источника развития ребенка, в которой родители выступают как трансляторы ожиданий и требований общества [11; 14; 29]. При этом можно выделить не только объективную, но и субъективную сторону социальной ситуации развития — активно-действенную позицию ребенка при общении со значимыми взрослыми [2; 15].

С общением ребенка и взрослого, как отмечает Д.Б. Эльконин [30], вплотную связана их совместная деятельность, в которой родитель выступает и в качестве помогающего партнера, и в качестве носителя образца формируемых действий. Важную роль при диадическом взаимодействии играет отношение к партнеру, которое несет в себе и побуждение к действию [1]. По мнению А.А. Шведовской, самой важной психической составляющей отношения является мотивационно-эмоциональный компонент, который сигнализирует о валентности отношения — положительной, отрицательной, противоречивой или безразличной [28].

Судебные решения при спорах родителей о воспитании ребенка, о месте жительства ребенка или порядке встреч отдельно проживающего родителя с ребенком, согласно ст. 65, 66 СК РФ, выносятся на основании характера взаимоотношений ребенка с каждым из родителей. В последнее время для выяснения истинных взаимоотношений членов высококонфликтной семьи все чаще суды назначают судебно-психологическую (СПЭ) или комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ). В такого рода экспертизах, наряду с индивидуальной диагностикой членов семьи (индивидуально-психологических особенностей и возможных психических расстройств родителей и ребенка, уровня и особенностей психического развития ребенка), основополагающее значение имеет ситуационная диагностика семейных взаимоотношений. Результаты этих диагностических этапов являются основой интегративной актуальной и прогностической оценки возможного негативного влияния каждого родителя на психическое состояние и психическое развитие ребенка [21]. Данный экспертный вывод суд может соотнести (наряду с учетом других факторов) с возможностью создания родителем ребенку условий для воспитания и развития (п. 3 ст. 65 СК РФ) и непринятия вреда психическому здоровью ребенка (п. 1 ст. 66 СК РФ).

Согласно п. 3 ст. 65 СК РФ, спор между родителями о месте проживания ребенка решается судом «с учетом мнения детей». Право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, и быть заслушанным в ходе судебного разбирательства отражено в ст. 57 СК РФ; при этом «учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам». Данное обстоятельство диктует необходимость при судебном разрешении спора между родителями учитывать мнение ребенка о месте его проживания, принимая во внимание особенности и уровень возрастного психического развития ребенка, а также влияние на его психическое состояние сложившейся конфликтной ситуации. В связи с этим в случаях, когда в отношении ребенка одной из сторон оспаривается его возможность свободно и самостоятельно высказывать свое мнение по вопросам, затрагивающим его интересы, еще одной задачей экспертного исследования может являться диагностика способности ребенка к выработке и принятию самостоятельных решений. К сожалению, данная экспертная задача иногда выпадает из списка экспертных заданий, замещаясь другими, не входящими в компетенцию психолога и нередко гипотетическими, например, возможными последствиями начала или прекращения общения или проживания с кем-либо из родителей, рекомендацией по порядку и времени общения, организации самого этого процесса. Способность к принятию самостоятельного решения интересует суд обычно только в аспекте воздействия на позицию ребенка, хотя эта способность может быть ограничена и по другим механизмам.

Нарушение данной способности не зависит от наличия какого-либо психического расстройства ребенка (кроме выраженных хронических психических расстройств или умственной отсталости) и уровня интеллекта. Оно чаще всего выявляется у психически здоровых детей, у которых утрачено позитивное отношение (и сформировано конфликтное или стойкое негативное отношение) к родителю, проживающему отдельно, вследствие процесса индуцирования со стороны совместно проживающего родителя, его целенаправленных и осознанных действий, направленных на формирование у ребенка негативного образа другого родителя [21; 22; 23], или же вовлечения его в конфликт с проекцией на него собственных личностных установок, возникших в условиях семейного противостояния без учета и прогноза влияния таких аффективно обусловленных реакций взрослого человека на психику ребенка [21]. Это обстоятельство отражено в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015), где судам рекомендуется ставить перед экспертами задачу определения наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей [17].

Цель — выявить информативные показатели метода исследования взаимодействия ребенка с родителем, которые имеют значение для судебно-экспертного определения способности ребенка к выработке и принятию самостоятельных решений по вопросам, затрагивающим его интересы.

Программа исследования. Материал и методы

Диагностика взаимоотношений ребенка с членами семьи может осуществляться разными способами. И.М. Марковская [16] подразделяет методы диагностики детско-родительских отношений и взаимодействия на четыре группы: беседа, проективные методы, опросники, наблюдение поведения и взаимодействия. Психологический анализ реальных детско-родительских взаимоотношений является ведущим методом СПЭ и КСПЭ и может осуществляться как в опосредованной (анализ материалов гражданского дела) [24], так и в непосредственной форме — при наблюдении общения ребенка с родителем в ходе экспертизы и

при использовании пробы на совместную деятельность [12]. Непосредственное наблюдение может быть формализовано. Существуют эффективные шкалы наблюдения взаимодействия родителя с младенцем (Social interaction rating Scale, Manchester Assessment of Caregiver-Infant, The parent-child early relational assessment). В консультативной семейной практике разработано несколько вариантов формализованного наблюдения [5], среди которых можно выделить направление, дифференцирующее когнитивные (деятельностные) и эмоциональные параметры диадического взаимодействия ребенка и родителя [3; 11; 26; 28].

Ранее нами была апробирована система показателей метода исследования взаимодействия ребенка и родителя для совместно и раздельно проживающих родителей, участников судебного спора о воспитании ребенка [24]. Настоящая статья посвящена диагностической информативности особенностей взаимодействия ребенка, имеющей значение для судебно-экспертной оценки способности ребенка к выработке и принятию самостоятельных решений по вопросам, затрагивающим его интересы.

Протокол метода включает социально-демографические характеристики, экспертные решения и две группы данных. Первая группа отражает данные, выявленные в ходе судебной экспертизы (вне специальной пробы на взаимодействие): отношение к совместно проживающему родителю; декларируемое и реальное отношение к отдельно проживающему родителю; соответствие поведения, направленного на родителя, при проведении пробы на совместную деятельность и вне ее; откликаемость на невербальные и эмоциональные проявления родителя. Вторая группа содержит данные о поведенческих и эмоциональных особенностях, полученные в пробе на взаимодействие и с совместно, и с отдельно проживающим родителем. К поведенческим относятся: характер ожидания пробы на взаимодействие, структура взаимодействия, распределение ролей при совместном выполнении заданий, особенности контроля поведения родителя и совместной деятельности. Эмоциональные параметры включают следующие рубрики: желание поддерживать взаимодействие, дистанция между ребенком и родителем, особенности эмоционального принятия, реакции на замечания родителя и на промежуточный и конечный результаты совместной деятельности.

Задания в пробе на взаимодействие были стандартными (совместное творчество, конструирование, решение задач и головоломок и т. п.), давались семьям с учетом возрастных возможностей детей.

Метод апробирован на 66 детях в возрасте от 4 до 15 лет, проходивших КСППЭ по делам об определении места жительства ребенка или порядка встреч отдельно проживающего родителя при раздельном проживании родителей в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России и в КГБУЗ «Красноярский краевой психоневрологический диспансер № 1» в 2020—2021 гг. (сплошная выборка). Из них в отношении 28 детей комиссией экспертов было определено, что они не способны к принятию самостоятельных решений по вопросам, затрагивающим их интересы, вследствие индуцированного состояния, обусловленного действиями совместно проживающего родителя, направленными на формирование у ребенка негативного образа второго родителя. В этой группе — 23 мальчика, 5 девочек; 11 детей — старше 10 лет; 17 детей проживают с матерью, 11 — с отцом. Средний срок раздельного проживания с одним из родителей — полтора года. У 38 детей способность к принятию самостоятельных решений по сути судебного спора между родителями была не нарушена. Среди них 17 мальчиков, 21 девочка; 26 детей проживают с матерью, 12 — с отцом. Средний срок раздельного проживания с одним из родителей — год и 9 месяцев.

Диагностическая информативность показателей, извлеченных их протоколов метода наблюдения взаимодействия ребенка и родителя, определялась при помощи вычисления информационной меры Кульбака. Надежность апробируемого метода проверялась методом Вальда: суммировались диагностические коэффициенты наиболее информативных признаков, расположенных в порядке убывания меры информативности, до достижения определенного порога, позволяющего отнести конкретного ребенка к той или иной группе, на уровнях значимости 0,05 и 0,01 [6].

Результаты и обсуждение

Сравнительный анализ особенностей взаимодействия индуцированных детей с совместно и отдельно проживающими родителями выявил ряд информативных показателей, достаточно четко дифференцирующих особенности детско-родительских взаимоотношений (табл. 1). Наиболее значимым оказался параметр ожидания пробы на взаимодействие (которая обычно проводится после беседы и экспериментально-психологического обследования) с родителем, к которому у ребенка утрачено позитивное отношение: оно, в отличие от позитивного настроения в ожидании совместной деятельности с родителем-индуктором, — напряженное. При этом следует отметить, что с началом реального взаимодействия с отдельно проживающим родителем поведение ребенка может несколько меняться. Он переходит от сформированного индуцирующим родителем ожидаемого и одобряемого им поведения, обеспечивающего ему психологический комфорт, к самостоятельному взаимодействию с другим родителем. Вне контроля совместно проживающего родителя у ребенка актуализируются прошлый опыт, истинные воспоминания и эмоции, он находится в условиях, когда в значительной степени сам должен решить «задачу на смысл», утвердиться или поставить под сомнение декларируемое отношение.

Значимо отличаются такие особенности взаимодействия индуцированного ребенка с отдельно проживающим родителем, как далекая физическая дистанция при выполнении заданий, непринятие подчиненного положения при попытках доминирования отца или матери, игнорирование этого родителя, его чувств, эмоциональных проявлений и замечаний. Вследствие непринятия отдельно проживающего родителя часть индуцированных детей обнаруживают парадоксальную реакцию: они выражают неудовольствие при успешных результатах совместного выполнения заданий.

Таблица 1

Информативность показателей при взаимодействии индуцированных детей с совместно и отдельно проживающими родителями

Показатель метода		При взаимодействии с родителем, проживающим	
		совместно	отдельно
Ожидание взаимодействия	Позитивное	3,398	
	Напряженное		4,350
Структура взаимодействия — доминирование	Родителя	1,052	
	Ребенка		0,115
Дистанция	Близкая	0,659	
	Далекая		1,820
Распределение ролей	Принимает	0,570	
	Не принимает		0,358

Желание поддерживать взаимодействие	Ответственность возлагается на партнера	0,557	
	Совместная ответственность	0,259	
	Поддержка партнера	0,159	
	Игнорирование		0,116
Реакция на замечания родителя	Послушание	0,511	
	Безразличие		0,465
	Игнорирование		0,291
Откликаемость на невербальные и эмоциональные проявления родителя	Есть	0,356	
Реакция на промежуточные и конечные результаты	Адекватная	0,159	
	Неудовольствие при успехе		0,311
Эмоциональное принятие	Эмпатия и сопереживание	0,099	
	Непонимание чувств партнера		0,518
Соответствие поведения, направленного на родителя, в ходе экспертизы и в пробе на взаимодействие	Не соответствует		0,624

Проверка эффективности применения информативных показателей метода при диагностике индуцированного состояния и нарушения способности к выработке самостоятельных решений по вопросам определения места жительства или встреч с отдельно проживающим родителем показала достаточно высокую их диагностическую значимость (табл. 2).

Таблица 2

Результаты проверки диагностической значимости метода исследования взаимодействия индуцированного ребенка с совместно и отдельно проживающим родителем (%)

Результат	P	
	0,05	0,01
Учет информативных показателей взаимодействия с совместно проживающим родителем		
Правильный	85,71	75,00
Неопределенный	14,29	25,00
Ошибочный	0	0
Всего	100	100
Учет информативных показателей взаимодействия с отдельно проживающим родителем		
Правильный	71,43	60,71
Неопределенный	25,00	35,72
Ошибочный	3,57	3,57
Всего	100	100

Для выбора показателей, значимо дифференцирующих индуцированных и не индуцированных детей, на следующем этапе было проведен сравнительный анализ особенностей их взаимодействия, как с совместно, так и отдельно проживающим родителем.

При сопоставлении данных, полученных при взаимодействии детей с совместно проживающим родителем, информативными оказались следующие параметры. В группе индуцированных детей в структуре взаимодействия проявляется доминирование родителя или ребенка. Они защищаются или оправдываются в ответ на замечания родителя, не понимают его чувств, ответственность возлагают либо на партнера, либо на себя (а не принимают совместную ответственность), раздражаются и злятся при неуспешном выполнении заданий. Для не индуцированных детей характерны принятие совместной ответственности и поддержка партнера при взаимодействии, сотрудничество в структуре взаимодействия с эмпатией и сопереживанием, с адекватной реакцией на промежуточный и конечный результаты. Тем не менее, по методу Вальда (на уровне значимости 0,05) процент неопределенных отнесений составляет 100 для не индуцированных и 82,14 — для индуцированных детей.

Основные критерии судебно-психологического экспертного определения индуцированного состояния ребенка, как показывают результаты исследования (табл. 3), выявляются при анализе взаимодействия с отдельно проживающим родителем.

Таблица 3

Информативность показателей при взаимодействии индуцированных и не индуцированных детей с отдельно проживающим родителем

Показатель метода		Не индуцированные	Индуцированные
Ожидание взаимодействия	Позитивное	1,708	
	Напряженное		0,833
Структура взаимодействия	Сотрудничество	0,340	
	Несогласованность		0,668
	Доминирование ребенка		0,428
Дистанция	Близкая	0,336	
	Далекая		0,621
Распределение ролей	Принимает	0,499	
	Не принимает		0,856
Желание поддерживать взаимодействие	Совместная ответственность	0,609	
	Поддержка партнера	0,382	
	Игнорирование		0,911
Реакция на замечания родителя	Послушание	0,214	
	Защита и оправдывание		0,856
Откликаемость на невербальные и эмоциональные проявления родителя	Есть	0,284	
	Нет		0,762
Реакция на промежуточные и конечный результаты	Адекватная	0,273	
	Раздражение, злость при неуспехе		0,428
Эмоциональное принятие	Эмпатия и сопереживание	0,349	
	Непонимание чувств партнера		0,822
Отношение к родителю	Негативное		3,028
	Конфликтное		1,478

Эффективность применения информативных показателей метода исследования взаимодействия для определения индуцированного состояния ребенка в сравнении с не индуцированными состояниями достаточно высока (табл. 4).

Таблица 4

Результаты проверки диагностической значимости метода исследования взаимодействия индуцированного ребенка (по сравнению с не индуцированным) с отдельно проживающим родителем (%)

Результат	P	
	0,05	0,01
Учет информативных показателей взаимодействия с отдельно проживающим родителем индуцированного ребенка		
Правильный	82,14	67,86
Неопределенный	14,29	32,14
Ошибочный (отнесен к группе не индуцированных)	3,57	0
Всего	100	100

Для достижения правильного результата требовалось суммирование от 4 до 12 диагностических коэффициентов показателей метода, расположенных по убыванию их меры информативности, в среднем подсчет заканчивался через 6 шагов.

Отдельного обсуждения требует один случай (3,57%) ошибочного определения состояния ребенка по показателям апробируемого метода. Он был обусловлен, как показал анализ конкретного заключения судебной экспертизы, тем обстоятельством, что эксперт-психолог, правильно определив индуцирование ребенка матерью, настроивавшей его против отца, произвольно сделал из этого вывод об индуцированном состоянии ребенка. Выявленные же самим экспертом особенности психической деятельности ребенка и его взаимодействия с отдельно проживающим отцом свидетельствуют, скорее, о том, что ребенок должен быть отнесен к группе «Признаки индуцирования со стороны родителя, с которым ребенок проживает, без формирования негативного/конфликтного отношения к отдельно проживающему родителю» [24].

Использование апробируемого метода для диагностики не индуцированного состояния имеет относительное значение, поскольку комплекс показателей поведенческого и эмоционального компонентов взаимодействия ребенка с отдельно проживающим родителем, отражающий утрату позитивного отношения к нему, может быть обусловлен не только активным индуцированием со стороны родителя, проживающего совместно с ребенком, но и другими факторами. Наиболее часто причиной негативного или конфликтного отношения к отдельно проживающему родителю является неправильное его поведение — жестокое обращение, злоупотребление спиртными напитками, неадекватные действия вследствие психических расстройств и т. п.

Заключение

Первый этап апробации метода исследования взаимодействия ребенка с родителем во время проведения судебной экспертизы выявил, что большинство показателей протокола психологического исследования ребенка и объективизированного наблюдения его взаимодействия с родителем можно с высокой степенью надежности использовать для диагностики

индуцированного состояния ребенка, сформированного под влиянием совместно проживающего родителя.

Выделен диагностически значимый психологический симптомокомплекс, ядро которого составляет негативное или конфликтное отношение к отдельно проживающему родителю, включающий не только данные беседы и экспериментально-психологического исследования, но и данные пробы на детско-родительское взаимодействие. Более того, именно показатели наблюдения за реальным взаимодействием ребенка с отдельно проживающим родителем оказались наиболее диагностически значимыми при дифференциации индуцированных и не индуцированных детей. Самыми информативными являются особенности эмоционального реагирования ребенка в ситуации совместного выполнения заданий: желание поддерживать взаимодействие и эмоциональное принятие партнера, физическая дистанция, реакция на промежуточный и конечный результаты совместной деятельности и на замечания родителя. Такие поведенческие (когнитивные) особенности, как ожидание пробы на взаимодействие, структура взаимодействия и принятие распределения ролей в ходе выполнения заданий, также оказались высокоинформативными показателями. В то же время такие параметры, как регуляция и контроль поведения партнера и совместной деятельности ребенком, которые являются значимыми для диагностики детско-родительских отношений в консультативной практике [28], в ситуации судебной экспертизы проявили себя как малоинформативные для определения психологического состояния ребенка. В условиях экспертного исследования ребенок в меньшей степени стремится и имеет возможность регулировать поведение родителя (за исключением манипулятивных форм, которые распространяются и на эксперта).

Результаты исследования демонстрируют, что много полезной дополнительной информации дает и сопоставительный анализ особенностей взаимодействия индуцированного ребенка с совместно и отдельно проживающим родителем. Нередко именно он вносит определяющий вклад в принятие экспертного решения.

Полученные данные имеют большое значение для судебно-психологической экспертной оценки способности ребенка к выработке и принятию самостоятельных решений по вопросам, затрагивающим его интересы, в случаях, когда нарушение этой способности обусловлено его индуцированным состоянием вследствие влияния одного из родителей, активно формирующим у ребенка отрицательное отношение к другому родителю.

Проведенное исследование показывает направления дальнейшего усовершенствования апробируемого метода исследования детско-родительского взаимодействия в ситуации судебной экспертизы — корректировка показателей протокола метода и его проверка на независимой выборке детей, проходящих судебно-психологическое экспертное обследование.

Литература

1. Бодалев А.А. О взаимосвязи общения и отношения // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 122—127.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: МПСИ, 1995. 352 с.
3. Бондаренко О.А. «Интересы ребенка» как правовая категория [Электронный ресурс] // Правовая парадигма. 2017. № 1. С. 44—48. doi:10.15688/lc.jvolsu.2017.1.7
4. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 447 с.
5. Горячева Т.Г., Трофимчук О.Н. Использование методики совместного складывания куба Линка в диагностике детско-родительских отношений подростков, перенесших операцию на сердце // Журнал практического психолога. 1997. № 3. С. 27—46.

6. Гублер Е.В. Вычислительные методы анализа и распознавания патологических процессов. М.: Медицина, 1978. 296 с.
7. Декларация прав ребенка (Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года) [Электронный ресурс] // United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 20.10.2021).
8. Захарова Е.И., Карабанова О.А. Диагностика характера детско-родительских отношений в пробе на совместную деятельность // Психолог в детском саду. 2002. № 1. С. 3—29.
9. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.
10. Ильина О.Ю. Понятие и иерархия интересов в семье и семейных правоотношениях // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. М.: Юнити, 2015. С. 52—56.
11. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
12. Карабанова О.А. Проба на совместную деятельность // Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2015. С. 555—556.
13. Конвенция о правах ребенка (Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года) [Электронный ресурс] // United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 20.10.2021).
14. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 584 с.
15. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986. 136 с.
16. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб: Речь, 2006. 150 с.
17. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15164/> (дата обращения: 20.10.2021).
18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 20.10.2021).
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.07.1997 N 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении усыновления» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15039/ (дата обращения: 20.10.2021).
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59826/ (дата обращения: 20.10.2021).
21. Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2012. 192 с.
22. Сафуанов Ф.С., Калашиникова А.С., Переправина Ю.О., Черненко А.Д. Методологические основы диагностики психологического индуцирования ребенка при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о защите интересов детей: Метод. рекомендации. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. 39 с.

23. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: Учебник для вузов. 3-е изд. М.: Юрайт, 2021. 379 с.
24. Сафуанов Ф.С. [и др.]. Метод исследования взаимодействия родителя с ребенком в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе по семейным спорам между родителями о воспитании ребенка [Электронный ресурс] // Российский психиатрический журнал. 2021. № 4. С. 36—47. doi:10.47877/1560-957X-2021-10405
25. Терехина С.А. Практика использования пробы на совместную деятельность в экспертных исследованиях несовершеннолетних в гражданском процессе [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2012. Том 4. № 2. С. 1—12. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53458.shtml (дата обращения: 30.10.2021).
26. Терехина С.А. Психологические аспекты понятия «интересы ребенка» [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2013. Том 5. № 3. С. 202—209. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62511.shtml (дата обращения: 28.09.2021).
27. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 20.10.2021).
28. Шведовская А.А. Особенности переживания детско-родительских отношений и взаимодействие с родителями детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru. 2009-1. Том 1. № 2009-1. URL: https://psyjournals.ru/pj/2009_1/22858.shtml (дата обращения: 21.08.2021)
29. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
30. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

References

1. Bodalev A.A. O vzaimosvyazi obshcheniya i otnosheniya. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 1994, no. 1. pp. 122—127. (In Russ.).
2. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti. Moscow: MPSI Publ., 1995. 352 p. (In Russ.).
3. Bondarenko O.A. “Interesy rebenka” kak pravovaya kategoriya [“The interests of the child” as a legal category] [Elektronnyi resurs]. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2017, no. 1, pp. 44—48. doi: 10.15688/lc.jvolsu.2017.1.7 (In Russ.).
4. Bowlby J. Privyazannost’ [Attachment]. Moscow: Gardariki, 2003. 447 p. (In Russ.).
5. Goryacheva T.G., Trofimchuk O.N. Ispol’zovanie metodiki sovmestnogo skladyvaniya kuba Linka v diagnostike detsko-roditel’skikh otnoshenii podrostkov, perenesshikh operatsiyu na serdtse. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa = Journal of Practical Psychologist*, 1997, no. 3, pp. 27—46. (In Russ.).
6. Gubler E.V. Vychislitel’nye metody analiza i raspoznavaniya patologicheskikh protsessov. Moscow: Medicina, 1978. 296 p. (In Russ.).
7. Deklaratsiya prav rebenka (Prinyata rezolyutsiei 1386 (XIV) General’noi Assamblei OON ot 20 noyabrya 1959 goda). *United Nations*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (Accessed 20.07.2021). (In Russ.).
8. Zakharova E.I., Karabanova O.A. Diagnostika kharaktera detsko-roditel’skikh otnoshenii v probe na sovmestnyuyu deyatel’nost’. *Psikholog v detskom sadu = Psychologist in Kindergarten*, 2002, no. 1, pp. 3—29. (In Russ.).
9. Plyina O.Y. Interesy rebenka v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii. Moscow: Gorodets, 2006. 192 p. (In Russ.).

10. Pyina O.Y. Ponyatie i ierarkhiya interesov v sem' e i semeinykh pravootnosheniyakh. *Problema garmonizatsii chastnykh i publichnykh interesov v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii*. Moscow: Yuniti, 2015, pp. 52—56. (In Russ.).
11. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya. Moscow: Gardariki, 2005. 320 p. (In Russ.).
12. Karabanova O.A. Proba na sovместnuyu deyatel'nost'. In A.A. Bodalev (ed.), *Psikhologiya obshcheniya. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2015, pp. 555—556. (In Russ.).
13. Konventsiya o pravakh rebenka (Prinyata rezolyutsiei 44/25 General'noi Assamblei OON ot 20 noyabrya 1989 goda) [Elrktronnyi resurs]. *United Nations*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (Accessed 20.10.2021). (In Russ.).
14. Leontiev A.N. Problemy razvitiya psikhiki. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972. 584 p. (In Russ.).
15. Lisina M.I. Problemy ontogeneza obshcheniya. Moscow: Pedagogika, 1986. 136 p. (In Russ.).
16. Markovskaya I.M. Trening vzaimodeistviya roditelei s det'mi. Saint Petersburg: Rech', 2006. 150 p. (In Russ.).
17. Obzor sudebnoi praktiki Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii No. 4 (2015) [Elektronnyi resurs]. *Verkhobyi Sud Rossiiskoi Federatsii = Supreme court of the Russian Federation*. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15164/> (Accessed 20.10.2021). (In Russ.).
18. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 No. 223-FZ (red. ot 02.07.2021) [Elektronnyi resurs]. Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Accessed 20.10.2021). (In Russ.).
19. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 04.07.1997 No. 9 “O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del ob ustanovlenii usynovleniya” [Elektronnyi resurs]. Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15039/ (Accessed 20.10.2021). (In Russ.).
20. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 20.04.2006 No. 8 (red. ot 17.12.2013) “O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del ob usynovlenii (udocherenii) detei” [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59826/ (Accessed 20.10.2021). (In Russ.).
21. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po sudebnym sporam mezhdru roditelyami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka. Moscow: Genезis, 2012. 192 p. (In Russ.).
22. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Perepravina Yu.O., Chernenkov A.D. Metodologicheskie osnovy diagnostiki psikhologicheskogo indutsirovaniya rebenka pri proizvodstve kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertize po delam o zashchite interesov detei. Metod. rekomendatsii. Moscow: FGBU “NMITs PN imeni V.P. Sersskogo” Minzdrava Rossii Publ., 2020. 39 p. (In Russ.).
23. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: Uchebnik dlya vuzov. 3rd ed. Moscow: Yurait, 2021. 379 p. (In Russ.).
24. Safuanov F.S. et al. Metod issledovaniya vzaimodeistviya roditelya s rebenkom v kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertize po semeinykh sporam mezhdru roditelyami o vospitanii rebenka [The method of studying the interaction of a parent with a child in a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of family disputes between parents about the upbringing of a child] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2021, no. 4, pp. 36—47. doi:10.47877/1560-957X-2021-10405 (In Russ.).

25. Terekhina S.A. Praktika ispol'zovaniya proby na sovместnuyu deyatel'nost' v ekspertnykh issledovaniyakh nesovershennoletnikh v grazhdanskom protsesse [Practice of using tests for cooperative activity in examinations of minors in civil process] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2012. Vol. 4, no. 2, pp. 1—12. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53458.shtml (Accessed 20.08.2021). (In Russ.).
26. Terekhina S.A. Psikhologicheskie aspekty ponyatiya “interesy rebenka” [Psychological aspects of the concept “the interests of the child”] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2013. Vol. 5, no. 3, pp. 202—209. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62511.shtml (Accessed 20.08.2021). (In Russ., abstr. in Engl.).
27. Federal'nyi zakon “Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiiskoi Federatsii” ot 24.07.1998 No. 124-FZ [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (Accessed 20.10.2021). (In Russ.).
28. Shvedovskaya A.A. Osobennosti perezhivaniya detsko-roditel'skikh otnoshenii i vzaimodeistvie s roditelyami detei starshego doshkol'nogo vozrasta [Elektronnyi resurs]. *Elektronnyi sbornik statei portala psikhologicheskikh izdaniy PsyJournals.ru*, 2009-1. Vol. 1, no. 2009-1. URL: https://psyjournals.ru/pj/2009_1/22858.shtml (Accessed 21.08.2021). (In Russ.).
29. Elkonin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy. Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p. (In Russ.).
30. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [IDENTITY youth and crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Сафуанов Фарит Суфиянович, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); заведующий, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Савина Ольга Феликсовна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Морозова Марина Валентиновна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

Калашиникова Анна Сергеевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); доцент, кафедра клинической и судебной пси-

Сафуанов Ф.С. [и др.]
Взаимодействие ребенка с родителем:
судебно-психологические экспертные оценки
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 115–132.

Safuanov F.S. et al.
Parent-Child Interaction:
Forensic and Psychological Expert Evaluations
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 115–132.

хологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3139-5511>, e-mail: kaspsy@mail.ru

Кулаков Сергей Сергеевич, научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

Переpravina Юлия Олеговна, научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства Здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5702-7499>, e-mail: yuliaperepravina@gmail.com

Забезинская Ирина Дмитриевна, медицинский психолог, отделение психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8757-5971>, e-mail: iriza@live.ru

Малиновская Марина Анатольевна, медицинский психолог, Красноярский краевой психоневрологический диспансер № 1 (КГБУЗ «ККПНД №1»), г. Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-1272>, e-mail: marchi26@mail.ru

Солдатова Ксения Михайловна, младший научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memorizata@mail.ru

Бодрова Ольга Константиновна, младший научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7585-7821>, e-mail: olgabodr@gmail.com

Information about the authors

Farit S. Safuanov, Doctor of Psychology, Professor, Head, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Head, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Olga F. Savina, PhD in Psychology, Leading Researcher, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Сафуанов Ф.С. [и др.]
Взаимодействие ребенка с родителем:
судебно-психологические экспертные оценки
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 115–132.

Safuanov F.S. et al.
Parent-Child Interaction:
Forensic and Psychological Expert Evaluations
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 115–132.

Marina V. Morozova, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

Anna S. Kalashnikova, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Assistant Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3139-5511>, e-mail: kaspsy@mail.ru

Sergey S. Kulakov, Researcher, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0203-1332>, e-mail: novik_010979@mail.ru

Yulia O. Perepravina, Researcher, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5702-7499>, e-mail: yuliaperepravina@gmail.com

Irina D. Zabezhinskaya, Medical Psychologist, Department of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8757-5971>, e-mail: iriza@live.ru

Marina A. Malinovskaya, Medical Psychologist, Krasnoyarsk Regional Psychoneurological Clinic no. 1, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-1272>, e-mail: marchi26@mail.ru

Ksenia M. Soldatova, Research Assistant, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

Olga K. Bodrova, Research Assistant, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7585-7821>, e-mail: olgabodr@gmail.com

Получена 09.10.2021
Принята в печать 10.01.2022

Received 09.10.2021
Accepted 10.01.2022

Нормативные основания профилактики различных видов девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования

Умняшова И.Б.

Федерация психологов образования России (Общественная организация «Федерация психологов образования России»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

В статье представлен обзор нормативных правовых документов, регламентирующих деятельность педагогических работников общего образования в области профилактики различных видов девиантного поведения детей и подростков. Раскрываются нормативные основания организации профилактической деятельности рискованного поведения, суицидального (самоповреждающего) поведения, аддиктивного (зависимого) поведения, ксенофобии и экстремизма. Обращается внимание на то, что организация эффективной профилактической деятельности в образовательной организации предполагает: раннее выявление у обучающихся факторов и склонностей к проявлению девиантных форм поведения; развитие личностных ресурсов обучающихся; развитие психолого-педагогической компетентности педагогических работников и родителей (законных представителей обучающихся); создание в образовательной организации психологически безопасной развивающей и воспитывающей среды; междисциплинарное и межведомственное сотрудничество по вопросам организации профилактической работы в образовательной организации.

Ключевые слова: девиантное (отклоняющееся) поведение, нормативные правовые документы, профилактика девиантного поведения в системе общего образования, профилактика рискованного поведения, профилактика суицидального (самоповреждающего) поведения, профилактика аддиктивного (зависимого) поведения, профилактика ксенофобии и экстремизма.

Для цитаты: Умняшова И.Б. Нормативные основания профилактики различных видов девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 133—146. DOI:10.17759/psylaw.2022120111

Legislative Framework for Prevention of Various Kinds of Deviant Behavior of Children and Adolescents in the General Education System

Irina B. Umnyashova

Federation of Psychologists of Education of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

The article presents a detailed review of the legislative framework regulating the activities of general education workers in the field of prevention of different kinds of deviant behavior of children and adolescents, such as risk behavior, suicidal (self-harming) behavior, addictive behavior, xenophobia and extremism. It is emphasized that organizing effective prophylaxis presupposes these: 1) early detection of factors and tendencies towards deviant forms of behavior in schoolchildren, developing their personality resources; 2) development of psychological and educational competence of educators and parents (or legal representatives); 3) creation of a psychologically safe environment conducive to development and upbringing; 4) interdisciplinary and inter-agency collaboration in organizing preventive work in an educational institution.

Keywords: deviant behavior, legislative framework, prevention of deviant behavior in general education system, prevention of risk behavior, prevention of suicidal (self-harming) behavior, prevention of addictive behavior, prevention of xenophobia and extremism.

For citation: Umnyashova I.B. Legislative Framework for Prevention of Various Kinds of Deviant Behavior of Children and Adolescents in the General Education System. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 133–146. DOI:10.17759/psylaw.2022120111 (In Russ.).

Наряду с созданием в образовательной организации общих условий для снижения рисков и предупреждения возникновения отклоняющегося (девиантного) поведения обучающихся [25], перед педагогическими работниками стоит задача организации профилактики различных видов девиантного поведения в детском и подростковом возрасте. К наиболее востребованным направлениям деятельности образовательной организации в области профилактики отклоняющегося поведения относятся: профилактика рискованного поведения, профилактика детских и юношеских суицидов, предотвращение проявления ксенофобии и экстремизма, профилактика аддиктивного поведения детей и подростков. Остановимся подробнее на описании содержания нормативных правовых документов, регламентирующих профилактическую деятельность по указанным выше направлениям.

Профилактика рискованного поведения

К формам проявления рискованного поведения относятся различные виды экстремального спорта и досуга: зацепинг (езда между и под вагонами поезда), диггерство (непрофессиональное исследование искусственных подземных сооружений), сталкеринг (исследование заброшенных, недостроенных и охраняемых объектов), руфинг (передвижение по высоким точкам зданий и/или выполнение на них трюков), опасное селфи [4]. Данные виды поведения

опасны, прежде всего, для самих участников: в результате занятия зацепингом в 2016—2018 гг. только в Центральном федеральном округе пострадало 119 человек, 34 из которых погибли. При этом 76% из них — несовершеннолетние [19]. Все формы рискованного поведения могут быть опасны и для окружающих. Например, пассажиры и водители общественного транспорта могут пострадать в результате экстренного торможения, действия «зацеперов» или тех, кто делает опасные селфи, могут вызвать нарушения и сбои в работе общественного транспорта; проникновение диггеров на охраняемые территории понижает контртеррористическую защищенность подводных и подземных сооружений. В связи с этим Московская городская дума периодически издает постановления о внесении изменений в Кодекс РФ об административных нарушениях, в частности: ужесточить наказания за проезд граждан на крышах общественного транспорта (железнодорожные поезда, автобусы, троллейбусы и т. д.) [18; 19]; дифференцировать ответственность «за нарушение пропускного режима в зависимости от характера охраняемого объекта, предусмотреть в качестве квалифицированного состава правонарушения самовольное проникновение в подземные или подводные сооружения охраняемых объектов и установить штраф за это правонарушение в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей с одновременной конфискацией орудия совершения правонарушения, включая фото- и видеоаппаратуру».

Для организации эффективной профилактики рискованного поведения детей и подростков в организациях общего образования и местах проведения оздоровительного отдыха детей и подростков Министерством здравоохранения, образования и науки (просвещения) РФ разработан ряд методических рекомендаций, представленных в описанных ниже нормативных документах.

В документе «Методические рекомендации по профилактике зацепинга среди несовершеннолетних» [16] представлен обзор психолого-педагогических исследований, посвященных причинам девиантного поведения в детском и подростковом возрасте. Раскрываются психологические и социальные причины зацепинга в молодежной среде. Описываются направления профилактики экстремального поведения несовершеннолетних: эмоциональное развитие несовершеннолетних; педагогическое просвещение родителей (законных представителей) несовершеннолетних; создание психолого-педагогических условий, способствующих снижению тяги к рискованному поведению. Представленные в документе методы профилактики экстремального поведения несовершеннолетних (п. 2.3) возможно использовать для просветительской деятельности с педагогами и родителями (законными представителями) обучающихся. Опубликованные в Приложениях «Методика диагностики степени готовности к риску» (А.М. Шуберт) и «Программа социально-психологического тренинга жизнестойкости молодежи, способствующего профилактике экстремального поведения» (Калинина Н.В.) могут быть использованы в диагностической и просветительно-развивающей деятельности социально-психологической службы образовательной организации. «Методические рекомендации для образовательных организаций по информированию родителей о рисках, связанных с детской смертностью», [15] и Памятка для родителей «Детский травматизм в летний период» [7] могут быть использованы педагогическими работниками в просветительской работе с родителями (законными представителями) обучающихся. А информация, опубликованная в документе «Методические рекомендации для классных руководителей по проведению урока, посвященного безопасному отдыху в летний период, подготовке детей к летним каникулам» [17] помогут педагогам при организации и проведении уроков безопасности «Мое безопасное лето».

Ранняя половая жизнь подростков также относится к рискованному поведению. Помимо психологических и физиологических проблем, ранние сексуальные контакты подростков часто имеют незащищенный характер и могут привести к возникновению заболеваний, передающихся половым путем, в том числе могут быть причиной заболевания ВИЧ/СПИД. Несмотря на то, что половое воспитание в РФ является приоритетом семейного воспитания, в образовательных организациях также могут быть разработаны и реализованы программы профилактики ВИЧ/СПИД. Нормативными основаниями разработки подобного рода программ могут выступать методические рекомендации, разработанные совместно специалистами Министерства образования и науки РФ (ныне — Министерство просвещения РФ) и Роспотребнадзора, а также сотрудниками Минздравсоцразвития (ныне — Министерство здравоохранения РФ).

Молодежь и подростки относятся к уязвимым (ключевым) группам населения, потенциально подверженным риску заражения ВИЧ-инфекцией [20, с. 3], для которых актуальна «разработка и внедрение межведомственных программ профилактики ВИЧ-инфекции» [там же, с. 4]. Приоритетными направлениями профилактики ВИЧ-инфекции в подростковой и молодежной среде являются «информационно-пропагандистская деятельность по вопросам ВИЧ-инфекции» и профилактика заболеваний, «ассоциированных с ВИЧ-инфекцией, которые повышают риск развития осложнений и смерти» (туберкулез, гепатиты В и С) [там же, с. 5].

Совместное письмо Минобрнауки РФ и Роспотребнадзора «О Концепции превентивного обучения в области профилактики ВИЧ/СПИДа в образовательной среде» [9] расширяет представления о ключевых элементах превентивного обучения в области ВИЧ/СПИД в образовательной среде, которые включают:

- просвещение и информирование населения в области ВИЧ/СПИДа, инфекций, передаваемых половым путем (ИППП), репродуктивного здоровья;
- развитие личностных ресурсов, формирование социальной и персональной компетентности, развитие адаптивной стратегии поведения, формирование здоровой полоролевой и семейной идентификации.

В документе представлены базовые принципы организации превентивного обучения в области ВИЧ/СПИД в образовательной среде: системность, стратегическая целостность, многоаспектность (сочетание образовательного, социального и психологического аспектов), аксиологичность (ценностная ориентация), ситуативная и индивидуальная адекватность, легитимность, соблюдение прав человека, комплексность (согласованное взаимодействие на профессиональном, ведомственном, межведомственном уровнях, а также на уровне государственных, общественных и международных организаций) [9, п. 6].

В документе «Организация профилактики ВИЧ-инфекции среди различных групп населения. Методические рекомендации» (утв. Минздравсоцразвития РФ 20.12.2006 № 6834-РХ) представлен анализ организационных и идеологических причин, препятствующих проведению профилактики ВИЧ-инфекции в образовательных учреждениях [6, п. 2.4]. Материалы, представленные в документе, могут быть использованы для разработки программ, направленных на формирование ответственного поведения и ценности собственной жизни и здоровья у детей, подростков и молодежи. Вслед за авторами документов [6; 9], мы рекомендуем разрабатывать подобные программы совместно с родительской общественностью (родительский комитет, управляющий совет и т. д.), проводить психолого-педагогическую экспертизу программ до начала реализации и привлекать к их реализации отраслевых специалистов, прежде всего медицинских работников.

Профилактика суицидального (самоповреждающего) поведения

Распространенность суицидального поведения среди российских детей и подростков, к сожалению, уже не первый год превышает среднемировые показатели почти в 2 раза. При этом ужасает низший порог совершения аутоагрессивных действий — 8 лет(!) [23]. Исследователи, изучившие результаты более 175 посмертных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, пришли к выводу, что «... особенно тревожным наблюдением является низкая частота предшествующих обращений за специализированной помощью к таким специалистам, как психиатр и психолог, или однократность таких посещений» [23, с. 79]. Авторы исследования указывают на необходимость широкого информирования различных групп населения о специалистах и видах помощи детям и подросткам в случае суицидальных высказываний или других признаках склонности к самоповреждающему поведению. И образовательная организация, наряду с другими социальными институтами (учреждениями здравоохранения, досуга и культуры, СМИ и т. д.), может взять на себя функцию просвещения субъектов образовательных отношений (прежде всего родителей (законных представителей) обучающихся) о признаках, причинах и способах предотвращения суицидального поведения у детей и подростков.

По мнению Всемирной организации здравоохранения, «образовательные организации являются важнейшими площадками превенции суицидального поведения среди подростков и молодежи [4]. Превенция суицидального поведения обучающихся является командной работой специалистов образовательной организации — представителей администрации (заместителей директора по воспитательной работе, по безопасности), сотрудников социально-психологической службы (социальных педагогов, педагогов-психологов), педагогов (классных руководителей, педагогов-предметников) [1].

Планируя программу первичной профилактики суицидального (самоповреждающего) поведения в образовательной организации, необходимо обратить внимание на основные положения нормативных документов, регламентирующих организацию профилактики суицидов в системе общего образования:

- «недопустимость нарушения прав обучающихся и воспитанников, в том числе проявления неуважения к их человеческому достоинству, применения методов физического и психического насилия» [8];
- необходимость организации работы по профилактике суицидального поведения обучающихся в рамках основных и дополнительных образовательных программ общего образования [12];
- необходимость использования при проведении профилактической работы «... ресурсов региональных и муниципальных образовательных учреждений для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи» [12];
- необходимость актуализации «... взаимодействия образовательных организаций с учреждениями здравоохранения в части профилактики суицидального поведения обучающихся» [12];
- необходимость проведения «... родительского всеобуча (в рамках родительских собраний, “горячих линий” и т. д.), включая психолого-педагогическую и социально-правовую помощь родителям в воспитании и обеспечении безопасности детей, а также обучение родителей навыкам раннего выявления признаков суицидальных намерений» [12].

О том, как организовать просвещение педагогов и родителей (законных представителей) детей по вопросам профилактики суицидального поведения обучающихся, говорится в

Письмах Минобрнауки России от 18.11.2013 № ВК-843/07 «О направлении методических рекомендаций по организации обучения» (рекомендации по организации обучения педагогических работников, работающих с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, в также родителей (законных представителей) детей по вопросам профилактики суицидального поведения, употребления психоактивных веществ, распространения ВИЧ-инфекции и жестокого обращения с детьми); от 31.03.2017 № ВК-1065/07 «О направлении методических материалов» (сценарии Всероссийского родительского собрания и Всероссийского педагогического совета по теме «Профилактика интернет-рисков и угроз жизни детей и подростков»).

Сотрудниками ФГБНУ «Центр исследования проблем воспитания, формирования здорового образа жизни, профилактики наркомании, социально-педагогической поддержки детей и молодежи» разработали в 2016 г. методические рекомендации по профилактике суицидального поведения детей и подростков, в которых представлены описание нормативного правового регулирования и научно-методических оснований профилактики суицидального поведения обучающихся; вопросы координации межведомственного сотрудничества по профилактике суицидального поведения детей и подростков в образовательных организациях; описание эффективных моделей и технологий психолого-педагогического сопровождения профилактики суицидального поведения обучающихся, в том числе содержание программ повышения компетентности педагогических работников в решении проблем суицидального поведения школьников и описание психолого-педагогических технологий работы с родителями [13].

Актуальность повышения психолого-педагогической компетентности педагогических работников и родителей (законных представителей) обучающихся по вопросам раннего выявления и предотвращения суицидального поведения детей и подростков отражена также и в Комплексе мер до 2020 года по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних, где указано о необходимости ежегодного проведения в образовательных организациях РФ просветительских мероприятий для родителей «... по формированию культуры профилактики суицидального поведения несовершеннолетних с освещением вопросов, касающихся психологических особенностей развития детей и подростков, факторов поведения, необходимости своевременного обращения к психологам и психиатрам в случаях неадекватного или резко изменившегося поведения несовершеннолетнего» [21]. О том, как именно стоит проводить данные мероприятия, отражено в Письме Минобрнауки от 28.04.2018 № 07-2498 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями для педагогов-психологов и социальных педагогов образовательных организаций по проведению профилактической работы, как с самими несовершеннолетними, склонными к суицидальному поведению, так и с их родителями (законными представителями)»), Письме Минпросвещения России от 30.10.2020 № 07-6586 «О направлении информации» (вместе с «Рекомендациями по проведению в образовательных организациях субъектов Российской Федерации мероприятий для родителей (законных представителей) по формированию культуры профилактики суицидального поведения несовершеннолетних с освещением вопросов, касающихся психологических особенностей развития детей и подростков, факторов поведения, необходимости своевременного обращения к психологам и психиатрам в случаях неадекватного или резко изменившегося поведения несовершеннолетнего»).

Профилактика аддиктивного (зависимого) поведения

О значении профилактики аддиктивного (зависимого) поведения написано множество статей, пособий, монографий и диссертаций. Зависимое от наркотических средств и психотропных веществ поведение относится к социально опасным заболеваниям, от которых невозможно полностью излечится. С каждым годом неуклонно снижается порог дебюта употребления психоактивных веществ, и сегодня уже не удивляют первые пробы алкоголя в начальной школе и пробы табакокурения дошкольников, хотя сами по себе факты вызывают массу негативных эмоций и стремление «найти виноватых».

Зависимое поведение в любом возрасте является сложной психологической проблемой. Формирование зависимого поведения чаще всего сопровождается комплексом причин, вызывающих потребность именно в такой форме поведения: наличие моделей зависимого и со-зависимого поведения в семье ребенка; нарушение межличностного общения, отсутствие доверительных отношений с окружающими людьми; низкая способность справляться с эмоциональными переживаниями, стрессом, тревогой; тяга к рискованному поведению и т. д. Широкое распространение в последнее время получили нехимические виды зависимости (игровая, интернет-зависимость и т. д.), которые, несмотря на менее видимый вред для физического и психического здоровья и не столь ярко выраженные признаки начальной стадии возникновения зависимого поведения, также являются формами зависимого поведения и могут впоследствии переходить в другие виды зависимостей (алкоголизм, наркоманию и т. д.). Большинство исследователей зависимого поведения единодушны в оценке приоритетной роли семьи (прежде всего родителей) в формировании и развитии зависимых форм поведения у детей и подростков. Но, тем не менее, образовательная организация может также способствовать профилактике аддикций в детской и подростковой среде, в частности проводить диагностику с целью выявления склонности к зависимому поведению; проводить просветительско-развивающую работу с обучающимися, направленную на развитие жизнестойкости, стрессоустойчивости, ценности собственного здоровья и т. д.; организовывать учебно-воспитательную деятельность, создающую возможность детям и подросткам принимать участие в активной просоциальной деятельности (как альтернатива аддиктивному поведению); организовывать психолого-педагогическое сопровождение обучающимся и их семьям в период возникновения трудностей во взаимоотношениях и т. д.

В более ранней публикации [5] мы подробно изложили перечень и нормативных правовых документов, регламентирующих организацию первичной профилактики зависимого поведения в системе общего образования. Хотелось обратить особое внимание на то, что в образовательных учреждениях необходимо организовывать все уровни профилактической работы, в том числе вторичную профилактику с детьми и подростками, уже имеющими опыт употребления психоактивных веществ, а также третичную профилактику с обучающимися, у которых уже зафиксированы формы аддиктивного поведения и которые прошли курс медицинского лечения. Данная работа должна вестись в тесном сотрудничестве с представителями медицинских организаций и правоохранительных органов, а также со специалистами психолого-медико-педагогической комиссии (ПМПК).

Цель профилактики химической аддикции в образовательной среде, как и профилактики всех других видов рискованного и отклоняющегося поведения, — это создание определенной среды и инфраструктуры, направленных на минимизацию (в идеале — исключение) вовлеченности детей, подростков и молодежи в любые формы отклоняющегося и рискованного

поведения (в контексте данного раздела — исключение вовлеченности в употребление психоактивных и наркотических веществ).

Мы разделяем позицию авторов Концепции профилактики употребления психоактивных веществ (ПАВ) в образовательной среде, которая определяет задачи профилактики химической зависимости:

- формирование единого профилактического пространства в образовательной среде путем объединения усилий всех участников профилактического процесса для обеспечения комплексного системного воздействия на целевые группы профилактики;
- мониторинг состояния организации профилактической деятельности в образовательной среде и оценка ее эффективности, а также характеристика ситуаций, связанных с распространением употребления ПАВ обучающимися, воспитанниками образовательных учреждений;
- исключение влияния условий и факторов, способных провоцировать вовлечение в употребление ПАВ обучающихся, воспитанников образовательных учреждений;
- развитие ресурсов, обеспечивающих снижение риска употребления ПАВ среди обучающихся, воспитанников: личностных, социально-средовых и этико-правовых [10].

Научным коллективом факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова по заказу Минобрнауки России подготовлены методические рекомендации для педагогических работников, направленные на методическое сопровождение профилактической антинаркотической работы в образовательной среде [14]. Материалы данного документа рекомендуется использовать для реализации мероприятий по раннему выявлению незаконного употребления наркотических средств и психотропных веществ, а также для создания условий, сохраняющих и укрепляющих здоровье детей, подростков и молодежи и обеспечивающих безопасность их жизнедеятельности.

Профилактика ксенофобии и экстремизма

Ксенофобия является одним из видов девиантного поведения и представляет собой «...поведение, характеризующееся негативными установками личности по отношению к лицам “чужой” группы». В основе такого поведения лежат негативные установки и нарушения в ценностной сфере личности. Исследователи отмечают, что такое поведение чаще всего демонстрируют люди, склонные к следованию за авторитетом, имеющие зависимость от групповой идеологической концепции и замещение личных интересов интересами и ценностями сообщества, к которому они себя относят. Для лиц с ксенофобским поведением и установками характерны высокий уровень враждебности и агрессивности, ригидность, тревожность, низкая эмпатия, замкнутость. Поэтому в качестве эффективных профилактических мер с детьми и подростками ученые и практики выделяют, в первую очередь, реализацию «... специальных программ поддержки молодежи, направленных на повышение гражданской ответственности и активности, содействующих расширению возможностей выбора, способом самореализации в области трудоустройства» [2]. Работа с подростками, склонными к ксенофобии, должна быть направлена на развитие личностных структур, в первую очередь, морально-нравственной сферы, и рефлексивных способностей, что повысит способность подростков контролировать проявления агрессивного и враждебного поведения и конструктивно решать различные жизненные проблемы [3].

Ксенофобия может проявляться в форме экстремизма, который характеризуется как «общественно опасные и противоправные деяния, совершаемые по мотивам политической,

идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также деяния, способствующие возникновению или обострению межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтов... Наиболее опасные виды экстремизма — националистический, религиозный и политический — проявляются в возбуждении ненависти либо вражды по признакам пола, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего, через информационно-телекоммуникационные сети, включая Интернет, в вовлечении отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций или групп, в проведении несогласованных акций, организации массовых беспорядков и совершении террористических актов» [22].

В Письме Минобрнауки России от 26.12.2011 № 06-2401 отмечается, что для профилактики экстремизма и ксенофобии в подростково-юношеской среде и предотвращения негативных явлений, оказывающих влияние на формирование личности подрастающего поколения, необходимы 3 основные условия:

- «консолидация усилий всех заинтересованных субъектов — педагогических работников, родителей, представителей институтов гражданского общества;
- организация системного взаимодействия попечительских советов, органов ученического самоуправления, педагогических коллективов школ с представителями национальных сообществ (диаспор) — деятелями культуры, науки, спортсменами, политиками и др.;
- отработка и внедрение в практику технологий управления и контроля процессов формирования культуры гражданской солидарности обучающихся со стороны органов исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющих управление в сфере образования» [11].

Подводя итоги всему вышесказанному, можно констатировать, что профилактика всех видов отклоняющегося (девиантного) поведения детей, подростков и молодежи предполагает реализацию в образовательной организации следующих направлений:

- развитие личностных ресурсов обучающихся, позволяющих им конструктивно и эффективно справляться с возникающими у них трудными жизненными ситуациями;
- раннее выявление у обучающихся склонностей и факторов, влияющих на потребность применения девиантных форм поведения;
- развитие психолого-педагогической компетентности педагогических работников и родителей (законных представителей обучающихся) по вопросам раннего выявления, психолого-педагогического сопровождения и адекватного реагирования взрослых на случаи проявления девиантного поведения детей и подростков;
- создание психологически безопасной развивающей и воспитывающей среды, позволяющей удовлетворить основные потребности всех субъектов образовательных отношений;
- междисциплинарное и межведомственное сотрудничество по вопросам организации профилактической работы в образовательной организации.

В заключение хочется обратить внимание на тот аспект, что знание нормативных документов педагогическими работниками является не только формальным требованием, отраженным в должностной инструкции, но и важным ресурсом для организации эффективной профилактической и коррекционной работы в образовательной организации. При этом стоит помнить, что большинство нормативных правовых документов периодически пересматриваются, дополняются, уточняются и выходят в новой редакции. Пересмотр содержания документов не касается писем отраслевых министерств, которые носят рекомендательный характер и чаще всего содержат научно-методические рекомендации по организации какого-либо

процесса, основанных на научных разработках и обсужденных в профессиональном сообществе. Прежде чем приступить к разработке программы, актуальной для вашей образовательной организации, рекомендуем ознакомиться с последней версией нормативных документов по интересующей вас теме.

Литература

1. Вихристюк О.В., Гаязова Л.А., Банников Г.С. Проблемы подготовки педагогов-психологов образовательных организаций в области превенции суицидального поведения подростков и молодежи [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 18—34. doi:10.17759/psylaw.2019090302.
2. Гурина О.Д. Ксенофобия и девиантное поведение у подростков и молодежи: обзор отечественных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 3. С. 97—109. doi:10.17759/psylaw.2017070308.
3. Дозорцева Е.Г., Гурина О.Д. Психологические особенности подростков, склонных к ксенофобии // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 44—53.
4. Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся [Электронный ресурс]. М.: МГППУ, 2018. URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour (дата обращения: 29.02.2020).
5. Милёхин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А. Нормативно-правовые и этические основания первичной профилактики наркомании в системе образования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 103—119. doi:10.17759/psylaw.2019090408
6. Организация профилактики ВИЧ-инфекции среди различных групп населения: метод. рекомендации (утв. Минздравсоцразвития РФ 20.12.2006 № 6834-РХ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=396174&dst=100001#09153863829116956> (дата обращения: 29.02.2020).
7. Письмо Минздрава России от 28.06.2017 № 28-3/1107 «О направлении памятки для родителей “Детский травматизм в летний период”» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301718/ (дата обращения: 29.02.2020).
8. Письмо Минобрнауки России от 26.01.2000 № 22-06-86 «О мерах по профилактике суицида среди детей и подростков» // Вестник образования. 2000. № 4.
9. Письмо Минобрнауки России от 06.10.2005 № АС-1270/06, Роспотребнадзора от 04.10.2005 № 0100/8129-05-32 «О Концепции превентивного обучения в области профилактики ВИЧ/СПИДа в образовательной среде» // Официальные документы в образовании. 2005. № 31.
10. Письмо Минобрнауки России от 05.09.2011 № МД-1197/06 «О Концепции профилактики употребления психоактивных веществ в образовательной среде» // Администратор образования. 2011. № 21.
11. Письмо Минобрнауки России от 26.12.2011 № 06-2401 «О направлении методических рекомендаций по организации системного взаимодействия попечительских советов, органов ученического самоуправления, педагогических коллективов школ с представителями национальных сообществ (диаспор) в работе по формированию у школьников культуры гражданской солидарности» // Администратор образования. 2012. № 6.

12. Письмо Минобрнауки России (Департамент воспитания и социализации детей) от 27 февраля 2012 г. № 06-356 «О мерах по профилактике суицидального поведения обучающихся» // Администратор образования. 2012. № 8.
13. Письмо Минобрнауки России от 18.01.2016 № 07-149 «О направлении методических рекомендаций по профилактике суицида» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256444/ (дата обращения: 20.10.2021).
14. Письмо Минобрнауки России (Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей) от 09.02.2016 № 07-505 «Методические рекомендации для педагогических работников, родителей и руководителей образовательных организаций по педагогическому, психологическому и родительскому попечению и сопровождению групп риска вовлечения обучающихся в потребление наркотических средств и психотропных веществ» // Администратор образования. 2016. № 7.
15. Письмо Минобрнауки России от 19.05.2017 № 07-2617 «О направлении методических рекомендаций» [Электронный ресурс] // ППТ.РУ. URL: <https://ppt.ru/docs/pismo/minobrnauki/n-07-2617-134090> (дата обращения: 29.02.2020).
16. Письмо Минобрнауки России от 24.05.2017 № 07-2732 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по профилактике зацепинга среди несовершеннолетних») [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220827/ (дата обращения: 29.02.2020).
17. Письмо Минобрнауки России от 15.05.2018 № 07-2753 «О направлении информации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=634071#021249518857789834> (дата обращения: 29.02.2020).
18. Постановление Московской городской Думы от 15.03.2017 № 43 «О проекте Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях”» // Ведомости Московской городской Думы. 26.04.2017. № 4. Ст. 50. С. 37—43.
19. Постановление Московской городской Думы от 29.04.2019 № 64 «О проекте федерального закона № 127297-7 “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях”» // Ведомости Московской городской Думы. 10.07.2019. № 6. Ст. 85. С. 53—60.
20. Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2016 № 2203-р «Об утверждении Государственной стратегии противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» // Собрание законодательства РФ. 31.10.2016. № 44. Ст. 6159.
21. Распоряжение Правительства РФ от 18.09.2019 г. № 2098-р «Комплекс мер до 2020 года по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 30.09.2019. № 39. Ст. 5453.
22. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ (дата обращения: 29.02.2020).
23. Сыроквашина К.В., Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Макушкин Е.В., Александрова Н.А., Терехина С.А., Нуцкова Е.В., Федонкина А.А., Чибисова И.А., Шкитырь Е.Ю. Факторы риска формирования суицидального поведения у детей и подростков (по результатам анализа региональных посмертных судебных экспертиз) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 71—84. doi:10.17759/psylaw.2019090105

24. Умняшова И.Б. Нормативные основания и условия организации первичной профилактики девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 78—96. doi:10.17759/psylaw.2020100207

References

1. Vikhristyuk O.V., Gayazova L.A., Bannikov G.S. Problemy podgotovki pedagogov-psikhologov obrazovatel'nykh organizatsii v oblasti preventsii suitsidal'nogo povedeniya podrostkov i molodezhi [Educational Psychologists Training Problems in the Field of Prevention of Suicidal Behavior of Adolescents and Youth] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol 9, no. 3, pp. 18—34. doi:10.17759/psylaw.2019090302 (In Russ.).
2. Gurina O.D. Ksenofobiya i deviantnoe povedenie u podrostkov i molodezhi: obzor otechestvennykh issledovaniy [Xenophobia and deviant behavior in adolescents and young people: a review of Russian studies] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 3, pp. 97—109. doi:10.17759/psylaw.2017070308 (In Russ.).
3. Dozortseva E.G., Gurina O.D. Psikhologicheskie osobennosti podrostkov, sklonnykh k ksenofobii [Psychological Characteristics of Adolescents Prone to Xenophobia]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2010, no. 2, pp. 44—53. (In Russ.).
4. Metodicheskie materialy po priznakam deviatsii, deistviyam spetsialistov sistemy obrazovaniya v situatsiyakh sotsial'nykh riskov i profilaktike deviantnogo povedeniya obuchayushchikhsya [Elektronnyi resurs]. *Moskovskii gosudarstvennyi psikhologo-pedagogicheskii universitet = Moscow State University of Psychology & Education*. URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour (Accessed 29.02.2020). (In Russ.).
5. Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A. Normativno-pravovye i eticheskie osnovaniya pervichnoi profilaktiki narkomanii v sisteme obrazovaniya [Regulatory and Ethical Basis of Primary Prevention of Drug Addiction in the Education System] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 103—119. doi:10.17759/psylaw.2019090408 (In Russ.).
6. Organizatsiya profilaktiki VICH-infektsii sredi razlichnykh grupp naseleniya. Metodicheskie rekomendatsii (utv. Minzdravsotsrazvitiya RF 20.12.2006 No. 6834-RKh) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=396174&dst=100001#09153863829116956> (Accessed 29.02.2020). (In Russ.).
7. Pis'mo Minzdrava Rossii ot 28.06.2017 No. 28-3/1107 "O napravlenii pamyatki dlya roditelei "Detskii travmatizm v letnii period"" [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301718/ (Accessed 29.02.2020).
8. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 26.01.2000 No. 22-06-86 "O merakh po profilaktike suitsida sredi detei i podrostkov". *Vestnik obrazovaniya = Messenger of Education*, 2000, no. 4. (In Russ.).
9. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 06.10.2005 No. AS-1270/06, Rospotrebnadzora ot 04.10.2005 No. 0100/8129-05-32 "O Kontseptsii preventivnogo obucheniya v oblasti profilaktiki VICH/SPIDa v obrazovatel'noi srede". *Ofitsial'nye dokumenty v obrazovanii = Official Documents of Education*, 2005, no. 31. (In Russ.).
10. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 05.09.2011 No. MD-1197/06 "O Kontseptsii profilaktiki upotrebleniya psikhoaktivnykh veshchestv v obrazovatel'noi srede". *Administrator obrazovaniya = Administrator of Education*, 2011, no. 21. (In Russ.).

11. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 26.12.2011 No. 06-2401 "O napravlenii metodicheskikh rekomendatsii po organizatsii sistemnogo vzaimodeistviya popechitel'skikh sovetov, organov uchenicheskogo samoupravleniya, pedagogicheskikh kollektivov shkol s predstavitelyami natsional'nykh soobshchestv (diaspor) v rabote po formirovaniyu u shkol'nikov kul'tury grazhdanskoj solidarnosti". *Administrator obrazovaniya = Administrator of Education*, 2012, no. 6. (In Russ.).
12. Pis'mo Minobrnauki Rossii (Departament vospitaniya i sotsializatsii detei) ot 27 fevralya 2012 g. No. 06-356 "O merakh po profilaktike suitsidal'nogo povedeniya obuchayushchikhsya". *Administrator obrazovaniya = Administrator of Education*, 2012, no. 8. (In Russ.).
13. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 18.01.2016 No. 07-149 "O napravlenii metodicheskikh rekomendatsii po profilaktike suitsida" [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256444/ (Accessed 20.10.2021). (In Russ.).
14. Pis'mo Minobrnauki Rossii (Departament gosudarstvennoi politiki v sfere zashchity prav detei) ot 09.02.2016 No. 07-505 "Metodicheskie rekomendatsii dlya pedagogicheskikh rabotnikov, roditel'ei i rukovoditelei obrazovatel'nykh organizatsii po pedagogicheskomu, psikhologicheskomu i roditel'skomu popecheniyu i soprovozhdeniyu grupp riska vovlecheniya obuchayushchikhsya v potreblenie narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv». *Administrator obrazovaniya = Administrator of Education*, 2016, no. 7. (In Russ.).
15. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 19.05.2017 No. 07-2617 "O napravlenii metodicheskikh rekomendatsii" [Elektronnyi resurs]. *PPT.RU*. URL: <https://ppt.ru/docs/pismo/minobrnauki/n-07-2617-134090> (Accessed 29.02.2020). (In Russ.).
16. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 24.05.2017 No. 07-2732 "O napravlenii metodicheskikh rekomendatsii" (vmeste s "Metodicheskimi rekomendatsiyami po profilaktike zatsepinga sredi nesovershennoletnikh") [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220827/ (Accessed 29.02.2020). (In Russ.).
17. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 15.05.2018 No. 07-2753 "O napravlenii informatsii" [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tanPlyus*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=634071#021249518857789834> (Accessed 29.02.2020). (In Russ.).
18. Postanovlenie Moskovskoi gorodskoi Dumy ot 15.03.2017 No. 43 "O proekte federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh"". *Vedomosti Moskovskoi gorodskoi Dumy = Statements of the Moscow City Duma*, 26.04.2017, no. 4, art. 50, pp. 37—43. (In Russ.).
19. Postanovlenie Moskovskoi gorodskoi Dumy ot 29.04.2019 No. 64 "O proekte federal'nogo zakona No. 127297-7 "O vnesenii izmenenii v Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh"". *Vedomosti Moskovskoi gorodskoi Dumy = Statements of the Moscow City Duma*, 10.07.2019, no. 6, art. 85, pp. 53—60. (In Russ.).
20. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 20.10.2016 No. 2203-r "Ob utverzhdenii Gosudarstvennoi strategii protivodeistviya rasprostraneniyu VICH-infektsii v Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda i dal'neishuyu perspektivu". *Sobranie zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 31.10.2016, no. 44, art. 6159.
21. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 18.09.2019 g. No. 2098-r "Kompleks mer do 2020 goda po sovershenstvovaniyu sistemy profilaktiki suitsida sredi nesovershennoletnikh". *Sobranie zakonodatel'stva RF = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 30.09.2019, no. 39, atr. 5453.

Умняшова И.Б.
Нормативные основания профилактики
различных видов девиантного поведения детей
и подростков в системе общего образования
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 133–146.

Umnyashova I.B.
Legislative Framework for Prevention
of Various Kinds of Deviant Behavior of Children
and Adolescents in the General Education System
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 133–146.

22. Strategiya protivodeistviya ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda (utv. Prezidentom RF 28.11.2014 No. Pr-2753) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ (Accessed 29.02.2020). (In Russ.).

23. Syrokvashina K.V., Oshevsky D.S., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Makushkin E.V., Aleksandrova N.A., Terekhina S.A., Nutsikova E.V., Fedonkina A.A., Chibisova I.A., Shkityr E.Yu. Faktory riska formirovaniya suitsidal'nogo povedeniya u detei i podrostkov (po rezul'tatam analiza regional'nykh posmertnykh sudebnykh ekspertiz) [Risk factors of fashioning of suicidal behavior in children and adolescents (based on the analysis of regional posthumous forensic evaluation)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 71–84. doi:10.17759/psylaw.2019090105 (In Russ.).

24. Umnyashova I.B. Normativnye osnovaniya i usloviya organizatsii pervichnoi profilaktiki deviantnogo povedeniya detei i podrostkov v sisteme obshchego obrazovaniya [Normative Bases and Conditions for Organization of Primary Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents in Education System] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 78–96. doi:10.17759/psylaw.2020100207 (In Russ.).

Информация об авторах

Умняшова Ирина Борисовна, кандидат психологических наук, председатель, региональное отделение г. Москвы, Федерация психологов образования России (Общественная организация «Федерация психологов образования России»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

Information about the authors

Irina B. Umnyashova, PhD in Psychology, Head, Moscow Regional Branch, Federation of Psychologists of Education of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

Получена 20.07.2021
Принята в печать 20.02.2022

Received 20.07.2021
Accepted 20.02.2022

Особенности личной профессиональной перспективы старших подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению

Бусарова О.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

Евсина Е.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3263-8469>, e-mail: evsina27@mail.ru

В статье рассматриваются процессуальные и содержательные аспекты профессионального самоопределения школьников 9-х и 10-х классов со склонностью к девиантному поведению. Цель исследования — выявление особенностей личной профессиональной перспективы подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению. На основе представлений Е.А. Климова о личном профессиональном плане школьника, развитых в работах Н.С. Пряжникова, предложившего понятие личной профессиональной перспективы (ЛПП), в работе сравниваются составляющие ЛПП учащихся московской школы со склонностью к девиантному поведению (основная группа) и их одноклассников с условно нормативным поведением (контрольная группа). В основном этапе исследования приняли участие 80 человек — учащиеся в возрасте от 15 до 17 лет, 51 мальчик и 29 девочек. Применялись «Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орёл), опросник «Личная профессиональная перспектива» Н.С. Пряжникова, опросник ДДО Е.А. Климова. Результаты основной и контрольной групп сравнивались с использованием критерия Манна — Уитни. Выявлены наиболее проблемные аспекты ЛПП школьников со склонностью к девиантному поведению. Определены мишени психолого-педагогической помощи в профессиональном самоопределении школьникам группы риска.

Ключевые слова: профориентация, профессиональное самоопределение, личная профессиональная перспектива, опитант, подростки, девиантное поведение, психолого-педагогическое сопровождение.

Для цитаты: Бусарова О.Р., Евсина Е.О. Особенности личной профессиональной перспективы старших подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 147—159. DOI:10.17759/psylaw.2022120112

Specifics of Personal Vocational Outlook of Senior Adolescents and Youth with Sociopathy

Olga R. Busarova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

Elisaveta O. Evsina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3263-8469>, e-mail: evsina27@mail.ru

The article studies procedural and substantive aspects of the vocational self-determination in pupils of 9 and 10 years of schooling with a tendency to deviant behavior. The research aims to reveal the specifics of the personal job outlook in adolescents and youth with such tendencies and uses E.A. Klimov's ideas of the personal vocational plan of a schoolchild which were further elaborated in N.S. Pryazhnikov's works who put forward the concept of one's personal vocational outlook (PVO). The research compares PVO components of sociopathic pupils (main group) and those of their classmates with relatively normative behavior (C group), all going to the same school in Moscow. 80 schoolchildren (51 boys and 29 girls aged 15–17) took part in the main stage of the research. These were used: Methodology for Diagnostics of one's Tendency towards Deviant Behavior by Orel N.A.; Personal Vocational Outlook inventory by N.S. Pryazhnikov; Differential and Diagnostic Inventory (DDI) by E.A. Klimov. The results obtained for the main and C groups were compared using the Mann–Whitney U test. The most problematic PVO aspects have been revealed for schoolchildren with sociopathic tendencies. Targets have been identified for psychological and educational counselling for the risk group schoolchildren in their vocational self-determination.

Keywords: career guidance, vocational guidance, vocational self-determination, personal vocational outlook, optant, adolescents, deviant behavior, sociopathy, psychological and educational counselling.

For citation: Busarova O.R., Evsina E.O. Specifics of Personal Vocational Outlook of Senior Adolescents and Youth with Sociopathy. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 147–159. DOI:10.17759/psylaw.2022120112 (In Russ.).

Введение

Выбор профессии — ключевой момент в жизни каждого человека. Процесс самоопределения начинается в период школьного образования, ученики должны определить свое дальнейшее движение в жизни, и это в первую очередь связано с выбором профессии. Однако на этом выборе процесс не останавливается, в течение всей жизни человек проходит путь профессионального становления. Кто-то делает свой выбор в школе раз и навсегда, а кто-то на протяжении жизни не раз сталкивается с вопросом определения своего профессионального будущего.

Вопрос профессионального самоопределения с психологической точки зрения рассматривается многими учеными. Среди них известны работы таких отечественных исследователей,

как Е.А. Климов [8], Л.М. Митина [9], Н.С. Пряжников [13; 14], С.Н. Чистякова [20], Э.Ф. Зеер [7], Г.В. Резапкина [15] и многие другие. Авторы сходятся во мнении, что осознанный выбор профессии, сделанный с учетом всех возможных факторов, позволяет личности успешно реализовывать себя в жизни в психологическом, социальном и материальном планах.

Профессиональный выбор в подростковом возрасте может определить развитие дальнейшей жизни человека. Все жизненные планы, программы, цели и перспективы строятся подростками в контексте профессионального выбора. При этом исследования показывают, что нередко выпускники школ склонны выбирать профессию случайно, не могут обосновать свой выбор [1; 8; 9; 13 и др.].

Для нынешних учащихся средних и старших классов решение традиционно трудной задачи профессионального самоопределения осложняется тем, что родители стремятся передать им свой опыт профессионально-трудового самоопределения образца 90-х или ранних «нулевых», который «... в условиях непрекращающихся, чрезвычайно динамичных социально-экономических и технико-технологических перемен устаревают, не успевая оказаться полезным следующему поколению» [17, с. 126], необходимостью справляться с «изобилием входящего потока информации, которая к тому же быстро утрачивает актуальность, а также отсутствием твердых критериев поиска информации» [16, с. 60].

К группе риска безответственного и случайного выбора профессии относятся подростки со склонностью к девиантному поведению. Выбор профессии у таких подростков может вызывать трудности в связи с низким уровнем знаний и социальной дезадаптацией, обусловленной несостоятельностью представлений об окружающем мире, о взаимоотношениях людей и социальных закономерностях этих отношений, что, в свою очередь, также может привести к отказу делать профессиональный выбор как к защитной реакции.

И.С. Арон, рассматривая социальную ситуацию развития и ресурсы профессионального самоопределения подростков с девиантным поведением и их сверстников с нормосообразным поведением, обнаружила у подростков с девиантным поведением недостаток ресурсов личности в процессе профессионального самоопределения. К таким ресурсам отнесены когнитивные, мотивационные, деятельностные, личностные. Их дефицит затрудняет процесс формирования психологической готовности к профессиональному самоопределению, осложняет осуществление осознанного, самостоятельного, ответственного профессионального выбора [2].

Е.А. Никитская выявила ряд факторов, негативно влияющих на формирование у подростков с девиантным поведением способности к профессиональному самоопределению. К ним относятся: утрата доверия к миру, затруднение в способности принимать собственные ответственные решения, отсутствие четкого понимания течения времени и связанная с этим неадекватная самооценка. Представления о будущем у подростков с девиантным поведением часто нереалистичны, им свойственны представления о будущем, не подкрепленные собственными реальными способностями [11]. Исходя из этого, стоит отметить, что профессиональная помощь подросткам и молодым людям данной категории необходима.

Отмечается, что детерминантой и условием успешного профессионального развития является субъектность, понимаемая как системное качество личности, возникающее на определенном уровне ее развития и «...подразумевающее способность к самостоятельному жизнетворчеству, способность производить изменения в мире и в самом себе» [18, с. 348]. В ряде исследований профессионального самоопределения подростков и молодежи с девиантным

поведением наиболее эффективная помощь педагогов и психологов связывается именно с формированием субъектности тех, кто решает задачу самоопределения [2; 3; 19 и др.]

При осуществлении психолого-педагогического сопровождения учащихся со склонностью к девиантному поведению специалисту нужна конкретная информация о составляющих процесса самоопределения данного подростка или юноши. В связи с этим полезно обратиться к работам Е.А. Климова, который предложил понятие «личный профессиональный план» и разработал схему его построения [8]. Данное понятие введено с целью систематизировать представления человека о мире профессий, своих способностях и умениях в профессиональном контексте, конкретизации профессиональных целей, методах их достижений и способах борьбы с возможными препятствиями на пути. Человека, выбирающего профессию или вынужденного решать вопрос о ее смене, Е.А. Климов предложил называть оптантом. Н.С. Пряжников внес в схему личного профессионального плана корректировки с целью расширения изучения профессиональных представлений с точки зрения ценностно-смысловых ориентиров. Преобразованный вариант схемы получил название «личная профессиональная перспектива» (ЛПП) [13].

Целью нашего исследования стало выявление особенностей личной профессиональной перспективы подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось в январе—феврале 2020 г. на базе ГБОУ «Школа № 1363» г. Москвы. В исследовании приняли участие 90 человек — учащиеся 9—10-х классов в возрасте от 15 до 17 лет, из числа которых, на основании результатов методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению СОП (А.Н. Орёл), были сформированы основная группа — подростки со склонностью к девиантному поведению и контрольная группа — учащиеся, у которых опросник не показал такой склонности. После сопоставления результатов опросника с экспертными оценками учителей был уточнен состав групп; в итоге в каждую группу вошли по 40 человек: в основной группе оказались 29 мальчиков и 11 девочек, в контрольной — 22 мальчика и 18 девочек.

В исследовании были использованы следующие методики сбора эмпирических данных:

- «Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению» — СОП (А.Н. Орёл) [12];
- методика «Личная профессиональная перспектива» (Н.С. Пряжников) [13];
- «Дифференциально-диагностический опросник» (ДДО) (Е.А. Климов) [8].

Полученные данные обрабатывались с использованием пакета программ SPSS Statistics 22.0. Использовался U-критерий Манна — Уитни для выявления различий между испытуемыми основной и контрольной групп в аспектах ЛПП и профессиональных предпочтениях.

Результаты и их обсуждение

Обратимся к результатам испытуемых основной группы по методике диагностики склонности к отклоняющемуся поведению. В основную группу вошли участники исследования, результат которых превысил среднее значение хотя бы по одной шкале данной методики. Распределение участников основной группы по видам девиантного поведения, оцениваемым шкалами методики, отражено на рис. 1.



Рис. 1. Результаты тестирования испытуемых основной группы по «Методике диагностики склонности к отклоняющемуся поведению» (распределение по шкалам, %).

Из рис. 1 следует, что высокие значения:

- по шкале склонности к преодолению норм и правил зафиксированы у 14 испытуемых (35% от численности основной группы) — у этих подростков явно выражены нонконформистские установки, они склонны противопоставлять свои нормы и ценности групповым, также они любят искать приключения, тем самым зачастую создавая себе трудности;
- по шкале склонности к аддиктивному поведению обнаружены высокие значения у 27 испытуемых (67,5%), эти подростки характеризуются стремлением к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности, что направлено на развитие и поддержание интенсивных эмоций;
- высокое значение по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению отмечено у одного подростка (2,5%) — такой результат обычно является следствием социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта;
- по шкале склонности к агрессии и насилию высокие значения выявлены у 6 испытуемых (15%) — эти подростки отличаются агрессивными тенденциями во взаимоотношениях с другими людьми;
- по шкале волевого контроля эмоциональных реакций норма превышена у 16 испытуемых (40%): слабость волевого у контроля этих подростков проявляется в неспособности контролировать свою эмоциональную сферу, у них присутствует склонность реализовывать негативные эмоции в поведении;
- высокие значения по шкале склонности к делинквентному поведению продемонстрировали 9 испытуемых (22,5%) — эти подростки склонны к неприятию и нарушению социальных норм, вплоть до административных и уголовных правонарушений; данный тип поведения чаще всего поддерживается тенденцией к группированию, а в индивидуально-

психологическом плане — повышенным уровнем импульсивности, агрессивности / враждебности и эпизодами семейного насилия в анамнезе.

В табл. 1 представлены средние значения оценки перспектив профессионального и личностного развития подростков основной и контрольной групп, полученные в результате тестирования по методике «Личная профессиональная перспектива» (Н.С. Пряжников).

Таблица 1

Различия оценки перспектив профессионального и личностного развития подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению и контрольной группы по методике «Личная профессиональная перспектива» (критерий Манна — Уитни)

Шкалы методики «Личная профессиональная перспектива»	Конт- рольная группа n=40	Основная группа (подростки со склонно- стью к отклоняющему- ся поведению) n=40	U
	Среднее	Среднее	
Определенность выбора	4,1	1,4	157,5***
Конкретная профессия	3,9	1,7	291**
Выделение профессиональных целей	3,5	2,9	562,5*
Предмет, содержание, условия труда	2,7	1,9	586,5*
Профессионально важные качества	2,9	2,0	613
Где можно получить профессию	2,4	1,8	609,0*
Востребованность профессии	2,7	1,6	548**
Общий показатель знаний о мире профессий	10,7	7,5	515,5**
Самостоятельность выбора	4,4	3,0	422,5***
Представление о своих недостатках	3,7	3,4	764
Знание о путях преодоления своих недостатков	3,8	3,0	577,0*
Представление о внешних препятствиях на пути к цели	3,2	2,9	716
Знание о путях преодоления внешних препятствий	2,8	2,2	666,5
Наличие резервных вариантов выбора	3,18	2,4	546,5*
Начало практической реализации ЛПП	3,7	3,0	620
Сомнения в выборе профессии	2,4	3,4	484,0***

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Как следует из табл. 1, только средние значения показателей определенности выбора и знаний о востребованности выбранной профессии в группе опитантов со склонностью к девиантному поведению оказались ниже нормы, по всем остальным пунктам средние арифметические оценок перспектив профессионального и личностного развития по 5-балльной шкале в обеих группах распределились в зоне средних значений. Похожие данные, по методике

Н.С. Пряжникова, на более младшей выборке (школьники 7—9-х классов) получила Г.Н. Жулина, которая также оценивала ЛПП учащихся с нормосообразным поведением и со склонностью к отклоняющемуся поведению [6].

Статистический анализ показал значимость различий между основной и контрольной группами по большинству показателей сформированности ЛПП. Прежде всего отметим, что высоко значимые различия ($p < 0,001$) получены по тем шкалам, которые характеризуют респондентов как субъектов профессионального самоопределения. Подросткам и старшеклассникам со склонностью к девиантному поведению присуща меньшая, чем их сверстникам с условно нормативным поведением, определенность выбора профессии и его самостоятельность; при этом в отличие от одноклассников с нормативным поведением они меньше сомневаются в своем выборе. Более высокий балл ответа на последний вопрос методики означает, что они более уверены в своих планах. Это можно интерпретировать как следствие более формального отношения к своему профессиональному будущему. Кроме того, учащиеся из основной группы в целом хуже осведомлены о мире профессионального труда, а также о предмете, содержании, условиях труда и востребованности выбранной ими профессии. Участники основной группы хуже планируют начало своего профессионального пути: менее четко выделяют как дальнюю, так и ближайшие профессиональные цели и редко согласовывают их с другими важными для них жизненными целями. На случай неудачи в реализации основного варианта профессионального плана у них реже есть в наличии резервные варианты выбора профессии. Опанты со склонностью к девиантному поведению менее убедительно излагают способы преодоления своих недостатков, мешающих движению к профессиональным целям, или не указывают их вовсе.

Поскольку в основной группе большинство обследованных обнаружили склонность к аддиктивному поведению, рассмотрим специфические факторы профессионального самоопределения у этой категории опантов. Прежде всего следует отметить склонность к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния. Кроме того, подросткам с разными формами зависимости, как отмечается в исследовании Н.В. Власовой и Г.А. Новокрепеновой, свойственны низкая осознанность своей жизни, неуверенность в себе и своих силах, нежелание строить планы на будущее и невозможность формирования реалистичного отношения к своему будущему [5].

И.С. Арон [3], применившая опросник Н.С. Пряжникова для изучения ЛПП подростков, находящихся в воспитательной колонии, и их сверстников с нормативным поведением из того же региона, получила в целом сходные с нашими результаты, но есть и отличия. Так, среди воспитанников колонии не определившихся с будущей профессией оказалось в два раза меньше, чем среди обычных школьников. Автор объясняет это не столько более высоким уровнем самоопределения воспитанников колонии, сколько ограниченностью их выбора профессиями, которым обучают в колонии. Приводимые автором примеры ответов подростков на вопрос о собственных недостатках, которые могут помешать реализации профессиональной цели, на наш взгляд, говорят о большей их адекватности у воспитанников колонии, в то время как в нашей выборке ответы на этот вопрос испытуемых основной и контрольной групп получили близкие оценки. Таким образом, при анализе ЛПП опантов с девиантным поведением или склонностью к нему необходимо учитывать их актуальную жизненную ситуацию.

Подводя итог обсуждения результатов, представленных в табл. 1, можно заключить, что у большинства учащихся со склонностью к девиантному поведению ЛПП весьма размыта. На

наш взгляд, это можно объяснить их личностной незрелостью и связанной с ней недостаточной субъектностью.

Далее сравним предпочтения типов профессий по предмету труда подростков обеих групп на основании результатов опросника Е.А. Климова. Наибольшие значения, как в основной, так и в контрольной группе, получили социономические (тип «человек — человек») и артономические (тип «человек — художественный образ») профессии. Средние значения предпочтений по всем типам профессий по предмету труда в обеих группах обнаружили близкие значения. Применение U-критерия Манна — Уитни показало отсутствие статистически значимых различий.

Этот результат, вероятно, можно объяснить тем, что профессии внутри одного типа значительно различаются по целям, средствам и условиям труда, а также по престижности, сложности, востребованности, срокам профессионального обучения и другим характеристикам. В литературе отмечается, что профессиональные интересы подростков с девиантным поведением имеют свою специфику, но она не относится к предмету труда. Например, в работе М.В. Науменко и И.А. Панкратовой [10] установлено, что в отличие от сверстников с социально приемлемым поведением подростки, задержанные инспекторами ОПДН, предпочитают профессии физического труда и реже обнаруживают интерес к искусству и работе с людьми. Последний результат не противоречит нашим данным, так как в этом исследовании определение профессиональных интересов осуществлялось с помощью методики Л.А. Йовайши, в которой работа с людьми оценивается в основном желанием заниматься общественной работой, что по понятным причинам не привлекает респондентов с девиантным поведением.

Таким образом, знакомя подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению с миром профессий, следует уделять внимание всем типам профессий по предмету труда.

Выводы

Личная профессиональная перспектива у учащихся 9-х и 10-х классов со склонностью к девиантному поведению по сравнению с их сверстниками с нормативным поведением недостаточно конкретна. Это проявляется прежде всего в том, что они не определились с конкретной профессией и резервным вариантом выбора и/или не осведомлены о востребованности интересующей их профессии.

Отставание в построении личной профессиональной перспективы у учащихся 9-х и 10-х классов со склонностью к девиантному поведению от их сверстников с нормативным поведением затрагивает в наибольшей степени компонент собственно выбора, характеризующий школьников как субъектов профессионального самоопределения (выбор конкретной профессии, самостоятельность выбора). Учащиеся, склонные к девиантному поведению, уступают контрольной группе также в когнитивном компоненте ЛПП (знания о профессиях) и компоненте планирования (выделение дальней и ближайших профессиональных целей, продумывание резервного варианта выбора профессии).

Статистически значимых различий у подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению и с нормативным поведением в предпочтениях типов профессий по предмету труда (по Е.А. Климову) не выявлено.

Несмотря на то, что в некоторых исследованиях отмечаются существенные различия в процессе профессионального самоопределения молодежи в столице и регионах [см., например: 1], наши выводы об особенностях ЛПП московских школьников со склонностью к деви-

антному поведению, вероятно, справедливы и для общероссийской выборки, хотя это предположение нуждается в проверке.

Заключение

Процесс профессионального самоопределения для подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению представляется особым этапом жизни, способным создать благоприятные условия для адаптации личности в обществе и обеспечения дальнейшего психологического, социального и материального благополучия. Это возможно при организации своевременной и квалифицированной помощи. В связи с этим особую актуальность приобретает развитие соответствующих компетенций у специалистов, осуществляющих профориентационную работу с подростками и юношами с девиантным поведением [4]. Опираясь на результаты нашего исследования, можно наметить основные мишени психолого-педагогического воздействия. Прежде всего, это построение школьником образа себя в будущем, в частности, привлекательного образа себя как профессионала, что может послужить импульсом к активным действиям по самостоятельному построению ЛПП. Далее актуальными становятся помощь в знакомстве школьника с миром современного профессионального труда и в постановке ближних и дальних профессиональных целей и их согласовании с иными целями оптанта. Поскольку первоначально запрос на профессиональное самоопределение у рассматриваемой категории учащихся сформирован слабо, особое значение приобретают формы и методы работы. Они должны быть интересны участникам, разнообразны, предусматривать высокую активность оптантов и ориентированы на психологические особенности цифрового поколения [7].

Литература

1. Андреева А.Д., Лисичкина А.Г., Бримова Л.А. Динамика формирования профессиональной идентичности у старшеклассников московских и региональных школ [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 2. С. 127—140. doi:10.18384/2310-7235-2021-2-127-140
2. Арон И.С. Социальная ситуация развития и субъектные ресурсы профессионального самоопределения девиантных подростков // Педагогика и психология образования. 2017. № 4. С. 97—106.
3. Арон И.С. Профессиональное самоопределение подростков с девиантным поведением в особой социальной ситуации развития // Психология обучения. 2013. № 10. С. 121—128.
4. Бусарова О.Р. Профориентационная работа с подростками и юношами с девиантным поведением: опыт подготовки специалистов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 35—44. doi:10.17759/psylaw.2019090303
5. Власова Н.В., Новокрещенева Г.А. Сравнительный анализ ценностных ориентаций подростков с разными видами аддиктивного поведения [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Том 24. № 4 (79). С. 362—368. doi:10.24411/1999-6241-2019-14002
6. Жулина Г.Н. Психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения подростков, склонных к девиантному поведению [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2016. № 5 (134). С. 83—96. doi:10.17853/1994-5639-2016-5-69-96

Бусарова О.Р., Евсина Е.О.
Особенности личной профессиональной перспективы
старших подростков и юношей со склонностью
к девиантному поведению
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 147–159.

Busarova O.R., Evsina E.O.
Specifics of Personal Vocational Outlook
of Senior Adolescents and Youth
with Sociopathy
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 147–159.

7. Зеер Э.Ф., Церковникова Н.Г., Третьякова В.С. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2021. Том 23. № 6. С. 153—184. doi:10.17853/1994-5639-2021-6-153-184
8. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 304 с.
9. Личность и профессия: психологическая поддержка и сопровождение. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Сост. Л.М. Митина. М.: Академия, 2005. 336 с.
10. Науменко М.В., Панкратова И.А. Особенности профессиональных представлений и профессионального самоопределения подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Науковедение. 2015. Том 7. № 5. С. 1—14. doi:10.15862/141PVN515
11. Никитская Е.А. Формы психолого-педагогической работы по преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 25—33. doi:10.17759/psylaw.207070103
12. Овчарова Р.В. Практическая психология образования. М.: Академия, 2008. 448 с.
13. Пряжников Н.С. Теоретико-методологические основы активизации профессионального самоопределения: дисс. ... докт. пед. наук. Екатеринбург, 1995. 340 с.
14. Пряжников Н.С. Профориентология: Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2020. 405 с.
15. Резапкина Г.В. Профориентационная работа в школе. М.: Сентябрь, 2011. 127 с.
16. Савосина В.А. Особенности профессионального самоопределения в подростковом возрасте в условиях цифровизации // Образование. Культура. Общество. Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции. СПб: Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2021. С. 59—61.
17. Сергеев И.С. Влияние социокультурного уклада семьи на профессиональное самоопределение детей и подростков [Электронный ресурс] // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 1. С. 115—130. doi:10.24412/2307-4264-2021-01-115-130
18. Стахнева Л.А. Понимание субъекта и субъектности в современной психологии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1 (35). С. 345—349.
19. Хут С.Е., Паатова М.Э. Особенности профессионального самоопределения воспитанников специальных образовательных организаций закрытого типа [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2021. № 2 (278). С. 84—89. URL: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2021.2/6599/84-89.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).
20. Чистякова С.Н., Родичев Н.Ф. Технологические и практические подходы к формированию профессионального самоопределения школьников в условиях непрерывного образования // Современные проблемы профессионального и высшего образования: состояние и оценка / Под ред. Чистяковой С.Н., Подуфалова Н.Д., Геворкян Е.Н. М.: Экон-Инфор, 2019. С. 137—147.

References

1. Andreeva A.D., Lisichkina A.G., Brimova L.A. Dinamika formirovaniya professional'noi identichnosti u starsheklassnikov moskovskikh i regional'nykh shkol [Dynamics of Professional Identity in High School Students of Moscow and Regional Schools] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulle-*

tin of the Moscow State Region University. Series: Psychology, 2021, no. 2, pp. 127–140. doi: 10.18384/2310-7235-2021-2-127-140 (In Russ.).

2. Aron I.S. Sotsial'naya situatsiya razvitiya i sub'ektnye resursy professional'nogo samoopredeleniya deviantnykh podrostkov [Social Situation of Development and Subject Resources of Professional Self-determination of Deviant Adolescents]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Pedagogy and Psychology of Education*, 2017, no. 4, pp. 97–106. (In Russ.).

3. Aron I.S. Professional'noe samoopredelenie podrostkov s deviantnym povedeniem v osoboi sotsial'noi situatsii razvitiya [Professional Self-actualization of Teenagers Having Deviant Behavior in a Special Social Situation of Development]. *Psikhologiya obucheniya = Psychology of Education*, 2013, no. 10, pp. 121–128. (In Russ.).

4. Busarova O.R. Proforientatsionnaya rabota s podrostkami i yunoshami s deviantnym povedeniem: opyt podgotovki spetsialistov [Career Guidance with Adolescents and Youths with Deviant Behavior: Professional Training Experience] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 35–44. doi:10.17759/psylaw.2019090303 (In Russ., Abstr. in Engl.).

5. Vlasova N.V., Novokreshchenova G.A. Sravnitel'nyi analiz tsennostnykh orientatsii podrostkov s raznymi vidami addiktivnogo povedeniya [Comparative Analysis of Value Attitudes among Juveniles with Different Types of Addictive Behaviour] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2019. Vol. 24, no. 4 (79), pp. 362–368. doi:10.24411/1999-6241-2019-14002 (In Russ., Abstr. in Engl.).

6. Zhulina G.N. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie professional'nogo samoopredeleniya podrostkov, sklonnykh k deviantnomu povedeniyu [Psychological and Pedagogical Support of Professional Self-determination of Teenagers Inclined to Deviant Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Obrazovanie i nauka = Education and Science Journal*, 2016, no. 5 (134), pp. 83–96. doi:10.17853/1994-5639-2016-5-69-96 (In Russ., Abstr. in Engl.).

7. Zeer E.F., Tserkovnikova N.G., Tret'yakova V.S. Tsifrovoe pokolenie v kontekste prognozirovaniya professional'nogo budushchego [Digital Generation in the Context of Predicting the Professional Future] [Elektronnyi resurs]. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2021. Vol. 23, no. 6, pp. 153–184. doi:10.17853/1994-5639-2021-6-153-184 (In Russ., Abstr. in Engl.).

8. Klimov E.A. Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya: Ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenii. Moscow: Academiya, 2004. 304 p. (In Russ.).

9. Lichnost' i professiya: psikhologicheskaya podderzhka i soprovozhdenie. Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenii / Compl. L.M. Mitina. Moscow: Academiya, 2005. 336 p. (In Russ.).

10. Naumenko M.V., Pankratova I.A. Osobennosti professional'nykh predstavlenii i professional'nogo samoopredeleniya podrostkov s deviantnym povedeniem [Features of Professional Representations and Professional Self-determination of Teenagers with Deviant Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Naukovedenie = Naukovedenie*, 2015. Vol. 7, no. 5, pp. 1–14. doi:10.15862/141PVN515 (In Russ.).

11. Nikitskaya E.A. Formy psikhologo-pedagogicheskoi raboty po preodoleniyu negativnykh faktorov v professional'nom samoopredelenii podrostkov s deviantnym povedeniem [Forms of psycho-pedagogical work to overcome the negative factors in professional self-determination of teenagers with deviant behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 1, pp. 25–33. doi:10.17759/psylaw.2017070103 (In Russ., abstr. in Engl.).

Бусарова О.Р., Евсина Е.О.
Особенности личной профессиональной перспективы
старших подростков и юношей со склонностью
к девиантному поведению
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 147–159.

Busarova O.R., Evsina E.O.
Specifics of Personal Vocational Outlook
of Senior Adolescents and Youth
with Sociopathy
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 147–159.

12. Ovcharova R.V. *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya*. Moscow: Akademiya, 2008. 448 p. (In Russ.).
13. Pryazhnikov N.S. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy aktivizatsii professional'nogo samoopredeleniya*: Diss. dokt. ped. nauk. Yekaterinburg, 1995. 340 p. (In Russ.).
14. Pryazhnikov N.S. *Proforientologiya: Uchebnik i praktikum*. Moscow: Yurait, 2020. 405 p. (In Russ.).
15. Rezapkina G.V. *Proforientatsionnaya rabota v shkole*. Moscow: Sentyabr', 2011. 127 p. (In Russ.).
16. Savosina V.A. Osobennosti professional'nogo samoopredeleniya v podrostkovom vozraste v usloviyakh tsifrovizatsii. [Features of Professional Self-determination in Adolescence in the Context of Digitalization] *Obrazovanie. Kul'tura. Obshchestvo. Sbornik izbrannykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Education, Culture and Society. Themed Collection of Papers from International Conference*. Saint Petersburg: Gumanitarnyi natsional'nyi issledovatel'skii institut "Natsrazvitie", 2021, pp. 59—61. (In Russ.).
17. Sergeev I.S. Vliyanie sotsiokul'turnogo uklada sem'i na professional'noe samoopredelenie detei i podrostkov [Influence of the Socio-Cultural Structure of the Family on the Professional Self-Determination of Children and Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda = Vocational education and labor market*, 2021, no. 1, pp. 115—130. doi:10.24412/2307-4264-2021-01-115-130 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Stakhneva L.A. Ponimanie sub'ekta i sub'ektnosti v sovremennoi psikhologii [Understanding of Subject and Subjectivity in Modern Psychology]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2010, no. 1 (35), pp. 345—349. (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Khut S.E., Paatova M.E. Osobennosti professional'nogo samoopredeleniya vospitannikov spetsial'nykh obrazovatel'nykh organizatsii zakrytogo tipa [Features of Professional Self-Determination of Pupils of Special Educational Organizations of Closed Type] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology*, 2021, no. 2 (278), pp. 84—89. URL: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2021.2/6599/84-89.pdf> (Accessed 18.11.2021). (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Chistyakova S.N., Rodichev N.F. Tekhnologicheskie i prakticheskie podkhody k formirovaniyu professional'nogo samoopredeleniya shkol'nikov v usloviyakh nepreryvnogo obrazovaniya / In Chistyakova S.N., Podufalov N.D., Gevorkyan E.N. (ed.), *Sovremennye problemy professional'nogo i vysshego obrazovaniya: sostoyanie i otsenka*. Moscow: Econ-Infor, 2019. pp. 137—147. (In Russ.).

Информация об авторах

Бусарова Ольга Ренатовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

Бусарова О.Р., Евсина Е.О.
Особенности личной профессиональной перспективы
старших подростков и юношей со склонностью
к девиантному поведению
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 147–159.

Busarova O.R., Evsina E.O.
Specifics of Personal Vocational Outlook
of Senior Adolescents and Youth
with Sociopathy
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 147–159.

Евсина Елизавета Олеговна, магистр, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3263-8469>, e-mail: evsina27@mail.ru

Information about the authors

Olga R. Busarova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

Elisaveta O. Evsina, Master of Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3263-8469>, e-mail: evsina27@mail.ru

Получена 18.11.2021
Принята в печать 18.02.2022

Received 18.11.2021
Accepted 18.02.2022

Модель исследования социально-психологических особенностей студентов-курильщиков

Кобзев Е.А.

Московский государственный областной университет (МГОУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-296X>, e-mail: g.kobzew@yandex.ru

Шульга Т.И.

Московский государственный областной университет (МГОУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatiana@gmail.com

В статье рассматривается проблема табакокурения с позиции системного анализа социальных отношений личности. Предложенная модель изучения социально-психологических особенностей курильщиков табака включает: факторы социализации, нарушение социализации, описание социализации и социально-психологических особенностей табакокурильщиков. Модель — система, которая имеет динамический биографический и развертывающийся актуальный характер. Подсистемным компонентом является социализация испытуемых с раннего детства в семьях при общении с матерями. Рассматриваются степени зависимости от табакокурения, как предпосылочные компоненты анализа социальных отношений курильщиков юношеского возраста. На выборке более 374 человек с помощью метода незаконченных предложений, наблюдения за высказываниями и поведением испытуемых, мини-сочинения на тему «Моя семья», анкетирования «Социально-психологические особенности в юношеском возрасте» изучены причины нарушения социализации, особенности отношения к себе и окружению. Для выявления различий между основной и экспериментальной группами использовался t-критерий Стьюдента ($p < 0,01$; $p < 0,05$). Табакокурение следует рассматривать как нарушение нормативного поведения в юношеском возрасте и как поведение выстраивания соответствующей траектории в конструктивное будущее у юношей и девушек в студенческом возрасте.

Ключевые слова: курильщики табака, социализация, модель, социальные отношения, нарушения норм, особенности личности курильщиков.

Для цитаты: Кобзев Е.А., Шульга Т.И. Модель исследования социально-психологических особенностей студентов-курильщиков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 160—179. DOI:10.17759/psylaw.2022120113

Model of Research of Social and Psychological Characteristics of Smoker Students

Evgeny A. Kobzev

Moscow Region State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-296X>, e-mail: g.kobzew@yandex.ru

Tatiana I. Shulga

Moscow Region State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatiana@gmail.com

The article considers the problem of tobacco smoking from the standpoint of system analysis of personality's social relations. The proposed model for studying of the psychosocial characteristics of smokers includes: socializing factors, socialization problems, description of socialization and psychosocial characteristics of tobacco smokers. The modelled system represents a dynamically unfolding character both in its biographical perspective and in its immediate actuality. The subsystem component is the subjects' socialization starting from the early childhood in their families in communication with their mothers. The degrees of addiction to smoking are viewed as necessary components for analysis of social relations of smokers in their young adulthood. The sample for the study consisted of 374 individuals. The research techniques were the following: 1) unfinished sentence method; 2) observation of the subjects' behavior and the statements they make; 3) "My family" mini-essays; 4) "Psychosocial characteristics of youth" questionnaire survey. The above-mentioned techniques were used to study the causes of socialization problems in the respondents, as well as their attitudes to themselves and to their surroundings. Student's t-test was used to reveal the distinctions between the control and experimental groups ($p < 0.01$; $p < 0.05$). Tobacco smoking should be viewed both as a violation of standard, rule-based behavior in one's early adulthood and as one's behavior striving to pave a constructive way into the future.

Keywords: tobacco smokers, socialization, model, social relations, violations to the norms, smokers' personal peculiarities.

For citation: Kobzev E.A., Shulga T.I. Model of Research of Social and Psychological Characteristics of Smoker Students. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 160–179. DOI:10.17759/psylaw.2022120113 (In Russ.).

Введение

Много лет ученые обсуждают проблему табакокурения, написано множество статей на эту тему в различных областях науки. На данной проблеме изучения особо были сфокусированы усилия ученых из области здравоохранения и психологии. Предлагались различные модели профилактики вредной привычки, но проблема до сих пор остается актуальной и трудноразрешимой [5]. Как отмечает И.К. Явная, в мире регистрируется около 4 млн летальных исходов, связанных с курением табака. А.А. Максименко, Е.Г. Пичугина в исследовании отмечают уже 7 млн ежегодных летальных исходов, включая в эту статистику увеличение удельного веса стран с низкими и средними доходами населения [12]. Среднемировая распространенность табакокурения составляет 21%. Более 43,9% взрослого населения курят в Российской Федерации [13]. Особо хочется отметить группу пассивных курильщиков в обществен-

ных местах, где она составляет около 52%. В домашних условиях вынуждены пассивно курить свыше 34%, это 38,7 млн населения. По прогнозам ВОЗ, к 2030 году потребление табака ежегодно будет приводить к смерти в среднем уже 8 млн человек. Цифры достаточно внушительные.

Широкое распространение получила эта привычка среди молодежи. Систематическое табакокурение для юношей и девушек начинается в 14,5 и, соответственно, в 15,5 лет, а через 4—5 лет превращается в никотиновую зависимость. На этом этапе развития многие юноши и девушки в возрасте 17—18 лет являются абитуриентами и имеют больше свободы. Вуз может находиться в другом городе или далеко от места проживания, что создает особое чувство самостоятельности и иллюзию независимости: «Теперь я сам по себе». Контроль родителей ослабевает либо вообще невозможен.

Отсутствие контроля приводит к тому, что большая часть студентов 19—24 лет, обучающихся в вузах становятся заядлыми курильщиками [4; 5; 9]. Исследования психологов, медиков демонстрируют неутешительные цифры [2; 4; 9; 12; 16; 17; 18; 30; 31]. Теоретический обзор исследований позволяет отметить, что в качестве основного мотива табакокурения у молодых людей является осуществление мнимой самопомощи, которая необходима им для социально-психологической адаптации, расширения социализации и снижения психоэмоционального напряжения в период обучения, а также для реализации возможности неформального общения — за территорией вуза, в открытых общественных местах (парках, скверах, на площадях и т. д.).

Теоретическая основа исследования

Понимание того, что табакокурение является пагубной привычкой и развивающейся формой зависимого поведения личности, ставит вопрос о психокоррекции и профилактике этого явления. Для этого необходимо изучение причин и факторов появления данной аддикции. Существуют различные подходы к изучению этого отклоняющегося поведения. Среди важных обоснований симптоматических, клинико-психологических концепций причин никотиновой зависимости, в фокусе нашего внимания — социально-психологическая детерминация табакокурения. В литературе широко представлены данные о влиянии социальной среды на появление привычки к табакизму (курению табака) [6; 11; 15; 16; 19; 23]. Существуют работы, которые объясняют табакокурение индивидуальными особенностями личности; была предпринята попытка составить и описать портрет курильщика [7; 8; 11; 15; 20; 22; 24; 26]. Перечисление социально-психологических факторов еще не позволяет говорить об их окончательном и жестком влиянии на появление аддикции. Социально-психологические особенности курения табака (табакизма) в юношеском возрасте важно исследовать с позиции системного подхода, что определило проблему. Роль этого научного подхода в оценке явлений из различных областей знаний в настоящее время достаточно велика [3; 14; 24; 26; 27; 28; 29]. Объектом является систематизация основных функций и связей социально-психологических отношений испытуемых в социуме с раннего возраста.

Цель исследования

Целью исследования является проведение системного анализа социально-психологических отношений личности курильщика табака к социуму, начиная с раннего возраста. Это сложновыполнимая задача, ведь для ее решения необходимо учитывать множество реальных системных и надсистемных образований с их многочисленными связями. В этом случае мы входим в область систем предельной неустранимой сложности, которая является, чаще всего, неявной [10, с. 158]. Мы воспользуемся моделированием, чтобы изучать не сами

эти сложные явления, а их упрощенные копии, схемы, образы. Реализация достижения цели исследования предполагает, во-первых, создание и описание модели изучения, во-вторых, анализ ее функционирования. Примерная модель становления личности курильщиков табака, включена в определенные условия социализации. Эти условия социализации имеют свои предпосылки и обозначения в нашем исследовании, рассматриваются вокруг таких тем, как общение, самосознание, взаимоотношения в семье и среди сверстников, отношение к учебным предметам, увлечения.

В научной литературе у различных авторов представлены определения, содержание и специфика социализации. Как отмечают специалисты, на социально-психологическом уровне социального взаимодействия рассматриваются условия развития и функционирования личности в больших и малых группах (Е.С. Гаврилов, А.В. Милехин, Я.Л. Коломинский, Ю.П. Платонов), изучается возрастная специфика процесса социализации. Предлагается изучение социализации с точки зрения социально-психологической адаптации, особенностей влияния индивидуального опыта и социальных переживаний личности, участвующей в процессе социализации. Существуют подходы в исследовании социализации с позиции становления личностной идентичности на различных этапах социализации (А.А. Налчаджян, С.Т. Дмитриева, И.В. Иванова, Т.В. Костяк, А.Л. Григорович и т.д.) [16]. Рассматриваются взаимосвязи особенностей социализации и дисфункций в обычных семьях (Т.И. Барсукова, Д.В. Галкина, Решетко С.А.). Исследуются механизмы выстраивания социализации при деструктивном, аутодеструктивном поведении молодежи. В нашем исследовании социализация личности представлена как динамический процесс развития от предпосылки к предпосылке (от нарушений общения с матерью до нарушения взаимоотношений в социуме), приводящих к зависимости от табакокурения. Динамический процесс мы обнаруживаем по факту конкретного содержания оценки социализации в юношеском возрасте для каждой предпосылки и ее социально-психологических последствий. Можно предположить, что каждый последующий уровень-предпосылка начинает разворачиваться по законам диалектики — скачкообразно.

Методы исследования

Модель представляет собой систему для изучения табакокурения молодежи и включает: факторы социализации, нарушение социализации, описание социализации и социально-психологические особенности табакокурильщиков. Описание модели включает следующие этапы: 1) обозначение проблемных зон, элементов социальной системы отношений; 2) выявление значений по выборкам курильщиков и независимых респондентов; 3) сравнительный анализ, поиск значимых различий результатов в исследуемых выборках; 4) описание системы социально-психологических отношений курильщиков. Отдельным этапом работы является анализ системы социально-психологических отношений курильщиков табака. В предлагаемой статье представлен анализ отношений курильщиков юношеского возраста в детстве, по их воспоминаниям и оценке.

В психодиагностическом исследовании приняли участие 374 человека в возрасте от 16 до 19 лет: 92 участницы — курильщицы и 97 некурящих составили женскую выборку испытуемых. Мужскую половину представили 185 человек: 105 — курильщики, 80 — некурящие. Табакокурение среди молодежи и студенчества рассматривается как вариант существующей реальности, а значит, их нормативное и вариативное поведение рассматривается в рамках этой реальности. В вузах курение запрещено, но определены места для курения, что определяет сложность борьбы с этим явлением. Табакокурение рассматривается как поведение, ко-

торое выстраивает пути соответствующей траектории в конструктивное будущее для личностей курильщиков. Группы испытуемых-курильщиков табака условно обозначены как основные, группы некурящих — как экспериментальные. Продолжительность табакокурения респондентов-аддиктов составила 4—5 лет. Для выявления групп испытуемых-курильщиков начальной, средней и высокой степени зависимости предварительно использовался тест Фагерстрёма [8]. Далее группам испытуемых были предложены следующие методики: метод незаконченных предложений и сопроводительное наблюдение за высказываниями и поведением испытуемых. Респонденты писали мини-сочинение на тему «Моя семья», проводилось анкетирование «Социально-психологические особенности в юношеском возрасте». В описательной статистике для выявления различий между переменными основной и экспериментальной группы использовался *t*-критерий Стьюдента ($p < 0,01$; $p < 0,05$). Для сопоставления выборок, по частоте встречаемости изучаемого эффекта использования номинативных значений, применялся критерий углового преобразования Фишера. Для сопоставления эмпирических распределений признака в исследуемых выборках использовали χ^2 -критерий Пирсона. Учитывали результаты с достоверностью не ниже 95% ($p \leq 0,05$). Статистический анализ проводился с помощью пакета математической статистики SPSS 22, а также Microsoft Excel. Для получения содержательной картины изучения социально-психологических особенностей курильщиков табака (юношей и девушек), обработки и коннотативного понимания текстов анкет, мини-сочинений, завершения незаконченных предложений использовался контент-анализ. Результаты контент-анализа были подвергнуты статистической обработке.

Результаты

На начальных этапах исследования изучались основные сферы предполагаемых социально-психологических отношений среди курильщиков и некурящих. К этим сферам относились особенности семейных отношений, а также свойства и характеристики вне семейных связей испытуемых. Концептуальную схему исследования составили понятия: социализация, социально-психологическая адаптация, социально-перцептивные когнитивные личностные конструкты, степень зависимости от табакокурения, индивидуально-типологические свойства аддиктов и независимых респондентов. Научная парадигма эволюционного системного анализа дает возможность интерпретировать любые изучаемые явления с позиции исторической обусловленности, социально-психологической наследуемости и их актуального развертывания на момент исследования. Поэтому любое неблагополучие, в том числе и различные формы девиаций, можно считать продуктом социальной истории особенного развития личности.

Поэтому описание истории чаще всего может иметь сложные и длительные связи [3; 5; 10; 14; 19; 26; 28; 31]. Социально-психологическое наследие паттернов из предыдущих поколений, ранний неблагоприятный опыт социализации в семье, актуальные социально-психологические характеристики могут быть условием появления и укрепления аддикции табакокурения. В результате изучения курильщиков табака и независимых респондентов были выявлены значимые различия между этими группами по многим характеристикам. Подтверждается мысль о различных особенностях курильщиков табака и некурящих юношеского возраста. Прежде чем описать концептуальную модель изучения социально-психологических отношений табакозависимых, необходимо коротко обозначить содержание результатов сравнительного анализа изучения респондентов. Были изучены некоторые личностные особенности, социальные отношения зависимых и независимых испытуемых.

Выявлено, что респондентов-курильщиков в раннем детстве реже берут на руки и обнимают их матери (58% курильщиков и 72% некурящих); они отметили, что мамы недостаточ-

но часто общались и не были с ними в телесном контакте в раннем детстве. Фрагментарный телесный контакт с матерью у будущих аддиктов наряду с другими факторами мог способствовать развитию их личности в детстве как «медлительных», «импульсивных» и «взрывных». К юности эти личности становились «хулиганистыми» и консервативными. Некурящие респонденты, по сравнению с курящими, в детстве значимо «подвижны», «спокойны» и ранимы. К юношескому возрасту одной из основных характеристик некурящих становится спокойствие (37,3%) среди юношей и девушек в целом, а среди курильщиков табака — ранимость (34,5% у юношей и 25,4% у девушек).

Продолжая рассмотрение личности испытуемых-курильщиков, необходимо отметить их склонность к представлению о себе, как о чрезвычайно «непохожих» на всех остальных, 64,7% не стремятся подражать кому бы то ни было. Это может указывать на напряженность и проблемность в социально-психологических отношениях респондентов.

Отсутствие или нарушение телесного контакта с матерью у курильщиков в раннем детстве вызывает, по их мнению, в юношеском возрасте нарушение социальных контактов. Это связано с опасениями испытуемых, что их мало кто понимает. По результатам исследования, курильщики в значимо большей степени, чем не курящие, испытывают одиночество, говорят об отсутствии рядом людей, с кем можно поговорить; отмечают сложности во включенности в коллектив; в общении с людьми они проявляют стеснение, при общении с противоположным полом — скованность. Отмечается страх оскорбить людей своими словами и поведением. В большей степени, чем у независимых респондентов, у никотинозависимых присутствуют признаки когнитивного искажения в восприятии межличностных отношений. Наряду со снижением уровня социальной адаптивности у табакокурильщиков наблюдаются нарушение уровня социальных контактов, снижение уверенности в себе и повышение интровертированности (табл. 1).

Таблица 1

Различия в личностных особенностях испытуемых

Личностные особенности	Курящие юноши и девушки n=197	Некурящие юноши и девушки n=177
Неуверенность в себе, нарушение социальных контактов, сложности вхождения в коллектив, отсутствие значимых лиц	25,10± 13,2	20,50 ± 11,4
Невротический сверхконтроль, страх обидеть других словами, ограниченность общения	33,00±12,2	36,00±11,4
Интровертированная направленность, одиночество	17,60±9,56	19,60±8,58
Социальная неадаптивность, снижение уровня адаптивности,	28,20±8,36	26,50±7,45

Примечание: «*» — $p < 0,05$.

Некурящие отмечают свою непохожесть на других только в 18,8% случаях. В выборке девушек, среди независимых респонденток, 30,9% стремятся походить на представителей собственного социального окружения. Это указывает на их ориентацию на традиционные, проверенные способы социального поведения.

В результате изучения отношений методом «Незаконченные предложения» можно констатировать, что курильщицы считают собственные Я-концепцию, стиль жизни отличными от Я-концепции и стиля жизни своих матерей. Испытуемые осознают в большей степени себя как отдельных, независимых от матерей личностей. При проведении качественного анализа содержания завершенных предложений выяснилось, какие оценки социально-психологическим ролям по отношению к собственным матерям дают испытуемые. При оценке того, какое отношение испытывают к матерям респонденты, каково их психологическое сходство с матерями, выявлено, что 70% курильщиков определяют эти отношения словами «просто мама», некурящие отмечают такие отношения в 86% случаев; значимых различий при этом обнаружено не было. Дальнейший анализ показал, что респонденты, употребляющие никотин, в большей степени оценивают своих мам с позиции их индивидуальности, разного отношения и сходства. Так, 20% зависимых испытуемых воспринимают свою мать, например, как «красивую, интересную женщину». Аналогично относятся к своим мамам только 6% испытуемых, не употребляющих табак.

Исследовалось, насколько важным считают для себя испытуемые, употребляющие и не употребляющие табак, присутствие в своей жизни представителей своей семьи, а также приятелей, друзей и подруг. Некурящие по всем предлагаемым критериям значимо в большей степени опережают своих курящих сверстников (табл. 2).

Таблица 2

Оценка отношений и психологического сходства испытуемых и их матерей

Группа	Позитивное отношение, сходство со стилем жизни матери, подчеркивание их индивидуальности	Негативное отношение, дистанцирование, независимость от матерей, осознание себя отдельной личностью	Нейтральное отношение
Основная, n=92	63	24	5
Контрольная, n= 97	73	14	10
φ	1,04	2,01*	1,26

Примечание: «*» — $p < 0,05$.

Отмечая ценностные предпочтения и установки на будущее, в процессе контент-анализа биографических сочинений и отношений личности, важно отметить большую направленность аддиктов на практические ценности-цели. Подавляющее количество зависимых по всей выборке отмечают желание иметь материальный достаток, видят себя ответственными за свою семью и детей. Девушки-курильщицы (70,7%) рассматривают себя в качестве собственников, которые имеют: дом, материальную обеспеченность, «свое дело», независимость, карьерный рост. 27,8% не употребляющих табак и 16,3% курильщиков придерживаются позиции «духовной свободы» личностного поиска, реализации своего призвания и определения места в жизни. Отмечая в своих ответах и пояснениях высокую значимость собственного социально «типичного» поведения и при этом собственной уникальности, курильщики табака имеют свои слабости и стремления их преодолевать. Надо отметить, что эти слабости значительно отличаются от тех, которые переживают независимые респонденты. 63,8% юношей-курильщиков и 42,9% некурящих юношей обнаруживают у себя в качестве нежелательных

качеств: слабохарактерность, скромность, склонность к компромиссам, неумение настаивать на своем, лень и пр. Внешняя социальная наступательность и агрессивность молодых мужчин, курильщиков табака, проецируется на себя. Также обнаружена у аддиктов жесткая конфронтация своих недостатков. У некурящих мы находим большее принятие своих «проблем». Если зависимые респонденты даже не указывают в качестве недостатков свои фобии, то некурящие испытуемые именно их считают своими слабостями. Из проанализированного материала для 38,1% курильщиков и 12,5% некурящих юношей выявлены три типа слабостей: к спиртному, сладкому и противоположному полу. Среди испытуемых женского пола особенных различий по шкале отношений к слабостям выявлено не было.

Обсуждение

Изучение личности испытуемых осуществлялось на фоне анализа складывающихся социальных отношений. Подробно рассмотрены: увлечения, социальная активность, особенности окружения с раннего детства, социальная ситуация развития и отношений респондентов в настоящее время. Содержательно представлены особенности отношений юношей и девушек к своим матерям и отцам. Говоря о социальном окружении курильщиков и учитывая их реальную значимость, стоит обратиться к поведению матерей аддиктов еще до рождения детей. Статистика показывает, что для 19% зависимых от никотина обоюбого пола, было актуально табакокурение их матерей еще до их рождения. К примеру, среди девушек-курильщиц этот процент составляет 16,3%, у не курящих — 5,15%. Среди юношей-испытуемых разрыв показателей еще выше: у 20% курильщиков мамы курили до их появления и только у 3,8% независимых респондентов мамы предавались вредной привычке. Можно предположить, что курильщики явно наследует нежелательный поведенческий паттерн со стороны значимых для них лиц. Опираясь на исследования В.К. Смирнова, можно ожидать не только физиологической чувствительности и приятия испытуемыми табачного дыма, но также их предрасположенности к табакокурению [2]. Данное поведение может оформляться и закрепляться в период взросления детей, когда они наблюдают «разрешительное» курительное поведение своих мам. Ведь, согласно опросам, среди представителей социального окружения, которые отмечены фактом курения, присутствуют и мамы испытуемых. У курящих и некурящих девушек мамы курят в 20,6% и 8,2% случаях соответственно, у юношей в 20% и 5% случаях соответственно. Процент негативного влияния на поведение девушек со стороны их собственных матерей несколько выше, чем у юношей. Можно определить, что испытуемых-курильщиков табака окружают также курящие сверстники, на их долю приходится 74,1% курильщиков — друзей (юношей) и 32,4% подруг, зависимых от никотина. Для независимых респондентов 19,2% курящих девушек являются подругами и 47% юношей являются друзьями независимых от курения. Социальную ситуацию развития в юношеском возрасте дополняют особенности проживания испытуемых и в период взросления.

Девушки-курильщицы табака, стремящиеся к эмансипации и сепарации от родителей, выстраивают свою жизнь отдельно. Они в большей степени ориентированы на сожительство с «любимым человеком» или отдельное свободное проживание. 73,2% некурящих девушек и 57,6% никотинозависимых проживают и хотят жить с родителями. Важными маркерами социально-психологических особенностей явились показатели социальной активности и увлечений испытуемых. Так, 93,8% независимых юношей чем-то заняты, 73% курильщиков также проявляют социальную активность. Показатели высокие, но преобладают они у независимых респондентов. К тому же 26,7% молодых мужчин с привычкой к курению и только 6,5% некурящих отмечают низкую социальную занятость или ее полное отсутствие. Инте-

ресны, на наш взгляд, сведения об увлечениях исследуемых. В раннем детстве, по биографическим отчетам испытуемых, независимые респонденты увлечены художественным творчеством (27%), танцами (29%) и музыкой. Курящая молодежь в раннем детстве преуспевает в занятиях спортом (57%). В юности на долю спортивных тренировок у курящих приходится меньше времени, и некурящие студенты их опережают. Основным своим занятием курильщики считают автодело, на это приходится 18% ответов испытуемых. Рассматривая увлечения девушек, необходимо отметить схожесть картины с результатами общей выборки, отметим, что у некурящих девушек процент занятий спортом в детстве составил 33%, а у курильщиц — 57%.

Особое внимание было обращено на изучение социализации, социально-психологической адаптации и отношений личности испытуемых в семье. Для некурящих «важными людьми» по сравнению с зависимыми от никотина являются представители семейного окружения. К ним относят: мам, пап, сестер, братьев, бабушек, дедушек и «любимых людей». 61% курильщиков ценят и считают важными для себя своих пап, против 72% некурящих юношей, так же как своих мам считают важными некурящие в 91,2% случаев в отличии от курильщиков табака, на долю которых приходится 77,1%. Для некурящих, на основании анкетных данных и сочинений, референтную группу составляют любимый человек, друг, невеста и сестра. Сравнительно много текстового материала посвящено эмоциональной стороне отношений с родными сестрами и отношениям привязанности и любви к представительницам противоположного пола. В мини-сочинениях юношей, употребляющих табак, этим темам уделяется мало места. Можно предположить, что в период подросткового развития личности для юношей ситуация общения, взаимодействия с сестрой помогает налаживанию, выстраиванию отношений с противоположным полом. Это обстоятельство позволяет сместить акценты привязанности с родителей и сиблингов на объекты социального окружения, с которыми можно осуществлять дружеские и эротические отношения. Этот факт, на наш взгляд, будет снижать уровень нервно-психического напряжения личности и способствовать отказу от употребления никотина.

Отношения девушек и юношей курильщиков табака к родителям критичное. Это было выявлено в результате обработки биографических данных, сочинений и незаконченных предложений испытуемых. 26,1% девушек-курильщиц и 14,4% некурящих обозначают дистанцию по отношению к своим матерям. И те и другие предлагают практически одинаковые семантические значения при характеристике своим мам. Например, в обеих группах при завершении предложения «Моя мать...» 32% отмечают своих матерей как «подруг», 32% респондентов говорят о «схожести с ней», 6% — о том, что они «единое целое с ней». Но интересно, и это вполне понятно, что курильщицы, стремясь к психологической и экономической самостоятельности от родителей, декларируя идею личностных социально-экономических достижений, видят своих матерей как отдельных личностей. 20% курильщиц, в отличие от независимых испытуемых, определяют их, прежде всего, как «красивых, интересных женщин». Эти данные подтверждаются исследованиями А.А. Максименко, Е.Г. Пичугиной [13].

Отношения к отцам у курильщиц противоречивое. С одной стороны, — критическое, с другой — заботливо-тревожное. 17,8% зависимых девушек считают актуальными свои отношения с отцами. При завершении предложений «Хотел бы, чтобы мой отец...» часто встречаются фразы «...очень любил бы меня». А на начало фразы «Мой отец...» часто пишут «Скучает» и т. д. При общении с респондентами и обработке результатов методик был выявлен характер этих отношений у девушек и их пап. Эти отношения носят тревожный, за-

висимый характер, часто маскирующийся под внешней бравадой и агрессией по отношению к ним.

Среди юношей-курильщиков по отношению к отцам и матерям часто наблюдается: у 90% некурящих критическое отношение и у 65% зависимых от никотина доверительное к своим отцам. И девушки, и юноши, не употребляющие никотин, чувствуя свою личностную защищенность и любовь родителей, считают, что их отцы — это «самостоятельные» и «зрелые» личности, они «принимают своих отцов такими, какие они есть». Для понимания отношений испытуемых к своим отцам были определены четыре темы. Одна из них: «Общая оценка поведения отца». Заканчивая предложение «Я думаю, что мой отец редко...» молодые мужчины-курильщики, демонстрируя свое позитивное к ним отношение, осуществляют это в контексте минимизации оценки негативных проявлений отца. Отмечают при этом: «...делает плохо», «...редко злой»; «...редко ругается»; «...редко пьет»; «...редко дымит», «...редко ругается матом, дебоширит», «...пил», «...выпивал», «...редко поступал плохо», «...ошибается и т. д.». 43,3% испытуемых выказывают к отцам положительное отношение, 31% из них отмечают, что папа хорош, потому что он редко злится и ругается; 69% курильщиков расположены к своим отцам, потому что те редко выпивают и курят. Складывается впечатление, что юноши-курильщики-- редко представляют, что значит отец в настоящем позитивном свете. У них не формируются когнитивные подлинные знания доброго, конструктивного и надежного мужского поведения, которое должны транслировать в семьях отцы. При завершении предложения «Если бы мой отец только захотел, то...» испытуемые аддикты используют в подавляющем большинстве речевые обороты «... я бы улыбнулся ему, «...то я бы сделал», «...сделал бы все для него», «... помог бы ему», «...позвал бы меня и т. д.». Очевидно, что восемнадцатилетние юноши-курильщики тоскуют по своим отцам, ищут сотрудничества и сближения с ними.

В семьях курящих зависимых и некурящих респондентов с раннего и до юношеского возраста царит особая и типичная атмосфера отношений. Со слов испытуемых, 79% независимых и 57,2% курильщиков говорят о позитивном к ним отношении родителей. Позитивное самосознание, самооценка свойственна 37,6% независимых и 18,1% зависимых респондентов. Недостаточный уровень общения, эмоциональной близости и деятельности в семьях может способствовать нарушению социализации развивающейся личности. В таких семьях в адрес мальчиков, будущих аддиктов, родители могут высказываться несложными обращениями. Дети с самого раннего детства научаются определять себя с позиций упрощенных определений. Типичными характеристиками самосознания личности подрастающих юношей-курильщиков становятся высказывания типа: «обычный», «нормальный ребенок», «эмоциональный ребенок», «творческий» «активный», «артистичный» и т. д. В отчетах испытуемых находим жесткие не вариативные оценочные и описательные семантические категории без перечисления особых свойств и дополнений. В подавляющем большинстве юноши-курильщики и вовсе затрудняются вспомнить себя, какими они были и как их называли в детстве родители. На момент исследования около 65% испытуемых-курильщиков о себе в детстве имели смутную и неопределенную информацию. Это также может говорить о подлинном незнании, какими они себя считали в раннем детстве. И в том и другом случае речь может идти о социально-психологическом неблагополучии в развитии детей-будущих аддиктов в их семьях. Понятно, что у детей, вырастающих в таких семьях, не формируются разноплановые представления о себе в дальнейшем; хорошо не зная себя, они могут демонстрировать жесткие ролевые самооценки и соотносить их с оценкой окружающих.

Нарушение социализации, начинающееся в семье с ранних лет, может закладывать фундамент будущих социально-поведенческих нарушений, приводить к табачной зависимости человека в юношеские и зрелые годы. В тоже время разнообразие видов деятельности и общения в семьях способствует формированию устойчивой самооценки. Ребенок в таких семьях начинает понимать себя с различных сторон, учитывая многообразие образов своего Я, формирует здоровую идентичность и предпосылки социальной адаптации. Причину нарушения социализации, приводящую к аддикциям в более позднем возрасте, доказали многие исследователи [6; 16; 22; 30]. На основании их результатов мы разработали модель исследования курильщиков и попытались проанализировать полученные результаты.

Испытуемые, которые не приобщились к табакокурению в юности, с детства общались взаимодействуя со взрослыми и сверстниками, имеют иной качественный и количественный репертуар ролевых социально-психологических позиций. Среди них больше, чем среди аддиктов, обнаруживается тех, кто были: ««милыми», «позитивными», «спокойными», «полслушными», «подвижными», «умными», «творческими» «любопытными» «активными», «вдумчивыми», «открытыми», «понимающими» и т. д.

Таким образом, разработанная нами модель исследования курильщика табака представляет собой систему социальных отношений, состоящих из определенных социально-психологических подсистемных компонентов. В качестве таких подсистемных компонентов в нашей работе выступают: факторы социализации, причины нарушения социализации, особенности социализации (условия социализации курящих табак), социально-психологические последствия, особенности личности и поведения курильщиков.

Таблица 3

Модель исследования социально-психологических особенностей курильщиков

Факторы социализации	Причины нарушения социализации	Особенности социализации	Социально-психологические особенности табакокурильщиков, юношей и девушек
1. Семья, расширенное семейное окружение	1. Нарушение взаимоотношений с матерью (особенности вербального и невербального общения). 2. Курение матери в семье, идентификация с курящей матерью, подражание ей. Двойственные требования (курить нельзя, мама курит — это можно, хорошо). 3. Критическое отношение членов семьи, родственников к	1. Нарушенное взаимодействие и общение в семье (нет контакта с родителями). Дистантные и контрастные отношения с родителями. Общение в форме критики, опеки, зависимости и агрессии к отцам, особенно у девушек. 2. Идентификация с отцами (папенькины дочки). 3. Процесс сепарирования девушек от матерей и родительской	1. Сложности вхождения в коллектив: неспособность к адекватной самопрезентации, ассимиляции и адаптации в коллективе, наличие неконформизма, неприятие норм и правил коллектива и группы, сужение навыков продуктивного общения. 2. Проявление сложностей в межличностных отношениях. Скованность в общении с противоположным полом, страх социальных

	<p>матерям. Идентификация ребенка с матерью.</p> <p>4. Снижение роли отца в семье</p>	<p>семьи, стремление к самостоятельной жизни (девушки).</p> <p>4. Неуспешность в учении</p>	<p>контактов, критики со стороны других, агрессивность, потеря принятия других.</p> <p>Нереальные представления об окружающих.</p> <p>Консервативность и негибкость в общении.</p> <p>3. Проявление мотивационного внутреннего конфликта, увеличение конфликтов с родителями</p>
<p>2. Первая степень зависимости от табакокурения в группе (при наличии значимой группы)</p>	<p>1. Принятие стандартов группы сверстников-табакокурльщиков и их мотивации, использование особого вида социального общения: обретение «власти» и «особенности» отношений в общении юношей и девушек</p>	<p>1. Зависимость от значимой группы, повышение своего социального статуса в референтной группе, социальная дезадаптивность.</p> <p>2. Появление типа поведения «Игра с сигаретой» (предпочтение крепких сигарет), неконструктивный способ включения в общение (стать в группе «крутым парнем и особенной, нужной девочкой»).</p> <p>3. Употребление лекарственных препаратов и алкоголя, как неконструктивное социальное поведение, способ вступления в группу и взаимодействия в ней</p>	<p>1. Активность в общении и деятельности не только в значимой группе, но и в коллективе, социальное доминирование в ближайшем окружении, инициативность в дружбе, потребность быть лучше окружающих, проявление высокого уровня общительности.</p> <p>2. Тревожность, неуверенность во взаимодействии с окружающими, основанная на потребности быть успешным</p>
<p>3. Вторая степень зависимости от табакокурения в референтной группе (свой человек)</p>	<p>1. Снижение успешности в общении, достижений, социальной активности, учебно-познавательной деятельности в коллективе. Неус-</p>	<p>1. Сохранение «важности собственных родителей» у юношей-табакистов в отличие от курящих девушек при незначимости родителей, потерям ре-</p>	<p>1. Усиление сложностей вхождения в коллектив, неспособность к адекватной самопрезентации, ассимиляции и адаптации в коллективе, проявление нонконфор-</p>

	<p>пешность в учебной деятельности. 2. Пренебрежение оценкой учебной группы</p>	<p>ферентной группы сверстников, групп по увлечениям: хобби, спортивных групп. 2. Появление негативного отношения к себе, снижение самооценки, оценки группой</p>	<p>мизма, отторжение норм и правил коллектива и группы, сужение навыков продуктивного общения. 2. Сложности межличностных взаимоотношений, скованность в общении с противоположным полом. Страх социальных контактов, потеря признательности других. Страх критики других, агрессивность. 3. Нереальные представления об окружающих. Консервативность: негибкость в общении. 3. Нелюдимость, несамостоятельность при принятии решений и выборе деятельности, общительность ради того, чтобы не остаться в одиночестве. 4. Бесчувственность и бестактность, низкая уживчивость с другими, грубость и отсутствие вежливости в общении с другими</p>
<p>4. Третья степень зависимости от табакокурения при вхождении в разные референтные группы</p>	<p>1. Устойчивая привычка курения. Искаженное представление о табакокурении как способе повышения социальной адаптивности (вера в то, что курение поддерживает социальную адаптивность)</p>	<p>1. Усиление курения в общении и деятельности по типу «Стимуляция», веры в то, что сигарета обладает взбадривающим действием, снимает усталость, служит дополнением к отдыху, комфортным состояниям (после еды, приятной беседы, работы). 2. Снижение оценки</p>	<p>1. Снижение активности общения в окружении. Повышение экстравертированности, адаптивности в привычной среде общения. Тщательное планирование своего будущего. 2. Избирательность в общении. Стереотипное общение со «своими» и неприятие в общении с «чужими».</p>

		важности родителей и сверстников. Сужение круга общения в ближайшем окружении. 3. Принятие друг друга, родителей (особенно девушками и их матерями, а также . юношами и матерями)	3. Настороженность и готовность к конфликтному поведению с окружающими. 4. Нереальные представления об окружающих в общении, уход и одиночество
--	--	--	--

Таким образом, для студентов-курильщиков характерными социально-психологическими особенностями являются: консервативность и негибкость в общении, «жесткий» когнитивный репертуар ролевых конструктов в обозначении партнеров по общению. Распространение на большинство участников взаимодействия (например, приписывание ролевых конструктов брату распространяется на друга и других представителей по общению); избирательность в общении (выбирают курильщиков и по общности интересов и ценностей); проявление обидчивости, агрессивности в общении; контрастные отношения к своим родителям (с одной стороны, конфликтность, с другой — высокая значимость участия родителей в их жизни); демонстрация социальной незрелости в социуме (юноши-табакокурильщики — инфантильны, стремятся сепарироваться от родителей и проявляют низкую социальную активность, у девушек-табакокурильщиц проявляются стремление сепарироваться от родителей, самостоятельность и социальная активности в социуме).

Выводы

Приобщение к курению табака детерминировано нарушением социализации, начинающемся в семье с ранних лет. Такое нарушение может закладывать фундамент будущих социально-поведенческих нарушений, приводить к табачной зависимости личности в юношеские и зрелые годы.

Выявлено, что испытуемые, которые не приобщились к табакокурению с детства, в юности, общаясь, взаимодействуя со взрослыми и сверстниками, имеют иной качественный и количественный репертуар ролевых социально-психологических позиций. Среди них больше, чем среди аддиктов, обнаруживаются дети, которые были «милыми», «позитивными», «спокойными», «послушными», «подвижными», «умными», «творческими» «любопытными» «активными», «вдумчивыми», «открытыми», «понимающими» и т. д.

Нарушение социализации, начинающееся в семье с ранних лет, может закладывать фундамент будущих социально-поведенческих нарушений, приводить к табачной зависимости личности в юношеские годы. В то же время разнообразие видов деятельности и общения в семьях способствует формированию устойчивой самооценки. Ребенок в таких семьях начинает понимать себя, его социализация способствует общению с социумом, формирует здоровую идентичность, предпосылки социальной адаптации, что может предотвратить появление аддикций.

По результатам исследования, курильщики в большей степени, чем некурящие, испытывают одиночество, в общении проявляют стеснение. При общении с противоположным полом наблюдается скованность, присутствуют признаки когнитивного искажения в восприятии межличностных отношений. Наряду со снижением уровня социальной адаптивности у табакокурильщиков наблюдаются нарушение уровня социальных контактов, снижение уверенности в себе и повышение интровертированности.

Разработана модель исследования курильщика табака, которая представляет собой систему социальных отношений, состоящих из определенных социально-психологических подсистемных компонентов. В качестве таких подсистемных компонентов выступают: факторы социализации, причины нарушения социализации, особенности социализации (условия социализации курящих табак), социально-психологические последствия в зависимости от особенностей курильщиков для каждой подсистемы.

На основании проведенного исследования предложены рекомендации психологам, социальным педагогам, а также родителям по профилактике табакокурения в подростковом и юношеском возрастах:

- организационно-педагогические мероприятия. Особое значение в русле этих мероприятий придается просвещению, консультированию будущих родителей в центрах помощи семье, родителям и детям, а также обучающимся в образовательных организациях по вопросам вреда табакокурения для будущего поколения. Цель просветительских бесед — обозначение патогенных факторов функционирования для взрослеющего и развивающегося индивида в кругу семьи и за ее пределами, которые впоследствии могут приводить к вредным привычкам и табакокурению. Темы профилактических бесед касаются вопросов ранней социализации детей в семье и актуальных проблем курильщиков в социальных отношениях, особенностей их социальной адаптации.
- социально-психологические практики — групповые тренинги личностного роста, социального взросления подростков, юношей способствуют изменению отношения к себе, нахождению друзей, доверительному общению со значимыми взрослыми.
- организация социально-группового и индивидуального психотерапевтического консультирования. В рамках подобных встреч под руководством психологов и психотерапевтов проводятся социальные коррекции, анализ и моделирование признаков нарушения привязанности, социализации, социальных контактов, когнитивных установок личности курильщиков.

Литература

1. Барнетт Р. Осмысление университета // Образование в современной культуре. Альманах № 1 / Под ред. М.А. Гусаковского. Минск: ПроPILEI, 2001. 128 с.
2. Бородулин Б.Е., Амосова Е.А., Поваляева Л.В. Табакокурение среди врачей города Самары и студентов медицинского вуза // Медицинский альманах. 2016. № 4 (44). С. 24—27.
3. Богданович Н.В., Щеткина Е.И., Борисова А.А., Шевцова Н.А., Моисеева Л.П. Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 232—249. doi:10.17759/psylaw.2019090216
4. Вохминцева Л.В., Юзенас Т.П., Ванюнина В.В., Терещенков А.Ю. Распространенность табакокурения среди студентов первых трех курсов Новосибирского государственного медицинского университета // Вестник новых медицинских технологий. 2010. Том 27. № 4. С. 205—208.
5. Гаврилов Е.С. Курение в студенческой среде: распространенность, причины, мотивы отказа, возможности профилактики (на примере студентов ДВГМУ) // Молодой ученый. 2020. № 26 (316). С. 57—59.
6. Громова И.А., Олифирова Н.И. Особенности родительской семьи у зависимых от психоактивных веществ // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Том 19. № 2. С. 132—141.

7. Григорьева А.А., Гавриченко А.А. Употребление подростками психоактивных веществ при разных видах аутоагрессивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 116—122. doi:10.17759/psylaw.2020100110
8. Жуйкова И.В. Индивидуальные особенности личности при аддиктивном поведении в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Вестник Курганского государственного университета. 2017. № 3. С. 46—51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-osobennosti-lichnosti-pri-addiktivnom-povedenii-v-yunosheskom-voznraсте/viewer> (дата обращения: 21.03.2021).
9. Игнатьева Э.А., Бадертдинова А.Р., Липатова Е.Е. Определение уровня зависимости от курения по Фагерстрему и типа курительного поведения по Хорну // Современные проблемы развития фундаментальных и прикладных наук: материалы международной научно-практической конференции, 18 января 2016. Praha: Printing house, 2016. С. 90—95.
10. Козлов В.А., Голенкова В.А., Деомидов Е.С. Никотиновая зависимость у студентов вузов // Acta Medica Eurasica. 2016. № 2. С. 12—16.
11. Кузьминов Н.Н., Кобзев Е.А. Личность и черты характера курильщиков в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Проблемы современного образования. 2018. № 4. С. 62—69. URL: <http://pmedu.ru/images/2018-4/06.pdf> (дата обращения: 03.07.2021).
12. Кобзев Е.А. Психология отношений в семье юношей и девушек, зависимых от табакокурения [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 74—85. doi:10.18384/2310-7235-2018-2-74-85
13. Максименко А.А., Пичугина Е.Г. Социально-психологические факторы, способствующие и препятствующие первичному отказу от табакокурения (на примере исследования курящих девушек) [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 267—276. doi:10.17805/zpu.2016.2.24
14. Медоуз Д. Азбука системного мышления. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 282 с.
15. Милёхин А.В. Проблема социализации старших школьников в условиях современного образования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2011. Том 3. № 3. С. 1—15. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47078.shtml (дата обращения: 03.03.2021).
16. Минчук О.В., Паршева Е.А. Социально-психологические аспекты табакокурения студенческой молодежи // Молодой ученый. 2016. № 21 (125). С. 786—789.
17. Михаелян Е.Е. Социализация девиантного поведения личности [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 60—63. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/7/sociologiya/mihaelyan.pdf (дата обращения: 03.07.2021).
18. Мокина Н.А., Березин И.И., Сахарова Г.М., Антонов Н.С. Оценка распространенности и статуса табакокурения среди самарских студентов [Электронный ресурс] // Пульмонология. 2012. № 3. С. 55—58. doi:10.18093/0869-0189-2012-0-3-55-58
19. Мэй Р. Раненый целитель [Электронный ресурс] // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 2. С. 90—95. URL: https://psyjournals.ru/files/24043/mpj_1997_n2_May.pdf (дата обращения: 25.05.2020).
20. О'Коннор Дж., Макдермотт И. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. М.: Альпина Паблишер, 2019. 396 с.

21. Решетко С.А. Обзор социально-психологических исследований проблемы табакокурения [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 6-1 (60) С. 142—144. doi:10.23670/IRJ.2017.60.057
22. Степанова О.П., Слепухина Г.В., Безенкова Т.А. Психологические особенности людей, зависимых от психоактивных веществ // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Том 7. № 4 (25). С. 355—357.
23. Хамитова И.Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 1-2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/teoriya-semeynyh-sistem-myurreya-bouena-0> (дата обращения: 20.10.2021).
24. Шпильерейн С.Н. Деструкция как причина становления [Электронный ресурс] // Логос. 1994. № 5. С. 207—238. URL: [https://logosjournal.ru/upload/iblock/aa7/Логос%20№5%20\[1994\].pdf](https://logosjournal.ru/upload/iblock/aa7/Логос%20№5%20[1994].pdf) (дата обращения: 20.10.2021).
25. Dubin R. Deviant behavior and social structure: Continuities in social theory // American Sociological Review, 1959. Vol. 24 (2). P. 147—164. doi:10.2307/208942625.
26. Effect of a sport-for-health intervention (SmokeFree Sports) on smoking-related intentions and cognitions among 9—10 year old primary school children: a controlled trial / C. E. McGee et al. // BMC Public Health. 2016. Vol. 1 (16). P. 445. doi: 10.1186/s12889-016-3048-3
27. Khoddam R., Doran N. Family smoking history moderates the effect of expectancies on smoking initiation in college students // Addictive Behaviors. 2013. Vol. 38 (8). P. 2384—2387. doi:10.1016/j.addbeh.2013.03.012
28. Kramchenkova V., Khomulenko T. Interaction between parents and adolescents in families with tobacco addiction // Science and Education. 2018. Issue 1. P. 77—82. doi:10.24195/2414-4665-2018-1-11
29. Patterns of electronic cigarette use and level of psychological distress / S. H. Park et al. // PLOS ONE. 2017. March 9. P. 1—13. doi:10.1371/journal.pone.0173625
30. Social and Psychological Predictors of Initial Cigarette Smoking Experience: A Survey in Male College Students / W. Menat et al. // American Journal of Men's Health. 2016. Vol. 10 (1). P. 14—23. doi: 10.1177/1557988314553262
31. Tully L. K., Correa J. B., Doran N. The relationship between family history of tobacco use and progression to tobacco use among young adult e-cigarette users // Preventive Medicine Reports. 2019. Vol. 15. 100914. doi:10.1016/j.pmedr.2019.100914

References

1. Barnett R. Osmyslenie universiteta. In M.A. Gusakovskiy (ed.), *Obrazovanie v sovremennoi kul'ture. Al'manakh № 1*. Minsk: Propilei, 2001. 128 p. (In Russ.).
2. Borodulin B.E., Amosova E.A., Povalyaeva L.V. Tabakokurenije sredi vrachei goroda Samary i studentov meditsinskogo vuza. *Meditsinskii al'manakh = Medical Almanac*, 2016, no. 4 (44), pp. 24-27. (In Russ.).
3. Bogdanovich N.V., Shetkina E.I., Borisova A.A., Shevtsova N.A., Moiseeva L.P. Osobennosti tsennostno-smyslovoi sfery u studentov v period obucheniya v vuze [Features of the Value-Semantic Sphere of Students in the Period of Study at the University] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 232—249. doi:10.17759/psylaw.2019090216 (In Russ.).
4. Vokhmintseva L.V., Yuzenas T.P., Vanyunina V.V., Tereshchenkov A.Yu. Rasprostranennost' tabakokurenija sredi studentov pervykh trekh kursov Novosibirskogo gosudarstvennogo

meditsinskogo universiteta [The prevalence of tobacco smoking among students from 1th to 3th years of the Novosibirsk State Medical University]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii = Journal of New Medical Technologies*, 2010. Vol. 27, no. 4. pp. 205—208. (In Russ.).

5. Gavrilov E.S. Kurenie v studencheskoi srede: rasprostranennost', prichiny, motivy otkaza, vozmozhnosti profilaktiki (na primere studentov DVGUMU). *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2020, no. 26 (316), pp. 57—59. (In Russ.).

6. Gromova I.A., Olifirovich N.I. Osobennosti roditel'skoi sem'i u zavisimykh ot psikhoaktivnykh veshchestv [Peculiarities of the drug addicts's parental family]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk = South-Russian Journal of Social Sciences*, 2018. Vol. 19, no. 2, pp. 132—141. (In Russ.).

7. Grigoryeva A.A., Gavrichenkova A.A. Upotreblenie podrostkami psikhoaktivnykh veshchestv pri raznykh vidakh autoagressivnogo povedeniya [Use of Psychoactive Substances by Adolescents in Different Types of Auto-Aggressive Behaviour] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 116—122. doi:10.17759/psylaw.2020100110 (In Russ.).

8. Zhuikova I.V. Individual'nye osobennosti lichnosti pri addiktivnom povedenii v yunosheskom vozraste [Individual personality characteristics of addictive behavior in adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kurgan State University*, 2017, no. 3, pp. 46—51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-osobennosti-lichnosti-pri-addiktivnom-povedenii-v-yunosheskom-vozhraсте/viewer> (Accessed 21.03.2021). (In Russ.).

9. Ignatyeva E.A., Badertdinova A.R., Lipatova E.E. Opredelenie urovnya zavisimosti ot kureniya po Fagerstremu i tipa kuritel'nogo povedeniya po Khornu. *Sovremennye problemy razvitiya fundamental'nykh i prikladnykh nauk: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 18 yanvarya 2016*. Praha: Printing house, 2016, pp. 90—95. (In Russ.).

10. Kozlov V.A., Golenkova V.A., Deomidov E.S. Nikotinovaya zavisimost' u studentov vuzov [Nicotine dependence in university students]. *Acta Medica Eurasica*, 2016, no. 2, pp. 12—16. (In Russ.).

11. Kuzminov N.N., Kobzev E.A. Lichnost' i cherty kharaktera kuril'shchikov v yunosheskom vozraste [Personality and character features of smokers in adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of Modern Education*, 2018, no. 4, pp. 62—69. URL: <http://pmedu.ru/images/2018-4/06.pdf> (Accessed 03.07.2021). (In Russ.).

12. Kobzev E.A. Psikhologiya otnoshenii v sem'e yunoshei i devushek, zavisimykh ot tabakokureniiya [Psychology of relations in the family of boys and girls dependent on smoking] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 74—85. doi:10.18384/2310-7235-2018-2-74-85 (In Russ.).

13. Maksimenko A.A., Pichugina E.G. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory, sposobstvuyushchie i prepyatstvuyushchie pervichnomu otkazu ot tabakokureniiya (na primere issledovaniya kuryashchikh devushek) [Social and psychological incentives and obstacles to young females' first giving up smoking: a case study] [Elektronnyi resurs]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2016, no. 2, pp. 267—276. doi:10.17805/zpu.2016.2.24 (In Russ.).

14. Meadows D. H. Azbuka sistemnogo myshleniya [Thinking in Systems. A Primer]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 282 p. (In Russ.).

15. Milekhin A.V. Problema sotsializatsii starshikh shkol'nikov v usloviyakh sovremennogo obrazovaniya [Problem of elder pupils' socialization in conditions of modern education] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Educa-*

tion, 2011. Vol. 3, no. 3, pp. 1—15. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47078.shtml (Accessed 03.03.2021). (In Russ.).

16. Minchuk O.V., Parsheva E.A. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty tabakokureniya studencheskoi molodezhi. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2016, no. 21 (125), pp. 786—789. (In Russ.).

17. Mihaelyan E.E. Sotsializatsiya deviantnogo povedeniya lichnosti [Socialization of deviant behavior of personality] [Elektronnyi resurs]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 7, pp. 60—63. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/7/sociologiya/mihaelyan.pdf (Accessed 03.07.2021). (In Russ.).

18. Mokina N.A., Berezin I.I., Sakharova G.M., Antonov N.S. Otsenka rasprostranennosti i statusa tabakokureniya sredi samarskikh studentov [Estimation of prevalence and tobacco smoking among Samara students] [Elektronnyi resurs]. *Pul'monologiya = Pulmonology*, 2012, no. 3, pp. 55—58. doi: 10.18093/0869-0189-2012-0-3-55-58 (In Russ.).

19. May R. Ranenyi tselitel' [The Wounded Healer] [Elektronnyi resurs]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal = Moscow Psychotherapeutic Journal*, 1997, no. 2, pp. 90—95. URL: https://psyjournals.ru/files/24043/mpj_1997_n2_May.pdf (Accessed 25.05.2020). (In Russ.).

20. O'Connor J., McDermott I. Iskusstvo sistemnogo myshleniya: Neobkhodimye znaniya o sistemakh i tvorcheskoy podkhode k resheniyu problem [The art of systems thinking. Essential Skills for Creativity and Problem Solving]. Moscow: Al'pina Publisher, 2019. 396 p. (In Russ.).

21. Reshetko S.A. Obzor sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy problemy tabakokureniya [Socio-psychological research on the problem of tobacco smoking] [Elektronnyi resurs]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2017, no. 6-1 (60), pp. 142—144. doi:10.23670/IRJ.2017.60.057 (In Russ.).

22. Stepanova, O.P., Slepukhina, G.V., Bezenkova, T.A. Psikhologicheskie osobennosti lyudei, zavisimykh ot psikhoaktivnykh veshchestv [Psychological features of people dependent on psychoactive substances]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2018. Vol. 7, no. 4 (25), pp. 355—357. (In Russ.).

23. Khamitova I.Yu. Teoriya semeinykh sistem Myurreya Bouena [Elektronnyi resurs]. *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza = Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*, 2001, no. 1-2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/teoriya-semeynyh-sistem-myurreya-bouena-0> (Accessed 20.10.2021). (In Russ.).

24. Shpilrein S.N. Destruktsiya kak prichina stanovleniya [Elektronnyi resurs]. *Logos = Logos Journal*, 1994, no. 5, pp. 207—238. URL: [https://logosjournal.ru/upload/iblock/aa7/Логос%20№5%20\[1994\].pdf](https://logosjournal.ru/upload/iblock/aa7/Логос%20№5%20[1994].pdf) (Accessed 20.10.2021). (In Russ.).

25. Dubin R. Deviant behavior and social structure: Continuities in social theory. *American Sociological Review*, 1959. Vol. 24, no. 2, pp. 147—164. doi:10.2307/208942625.

26. McGee C. E. et al. Effect of a sport-for-health intervention (SmokeFree Sports) on smoking-related intentions and cognitions among 9—10 year old primary school children: a controlled trial. *BMC Public Health*, 2016, Vol. 1, no. 16, p. 445. doi: 10.1186/s12889-016-3048-3

27. Khoddam R., Doran N. Family smoking history moderates the effect of expectancies on smoking initiation in college students. *Addictive Behaviors*, 2013. Vol. 38, no. 8, pp. 2384—2387. doi:10.1016/j.addbeh.2013.03.012

28. Kramchenkova V., Khomulenko T. Interaction between parents and adolescents in families with tobacco addiction. *Science and Education*, 2018, Issue 1, pp. 77—82. doi:10.24195/2414-4665-2018-1-11

Кобзев Е.А., Шульга Т.И.
Модель исследования социально-психологических
особенностей студентов-курильщиков
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 160–179.

Kobzev E.A., Shulga T.I.
Model of Research of Social and Psychological
Characteristics of Smoker Students
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 160–179.

29. Park S. H. et al. Patterns of electronic cigarette use and level of psychological distress. *PLOS ONE*, 2017, March 9, pp. 1—13. doi:10.1371/journal.pone.0173625
30. Menat W. et al. Social and Psychological Predictors of Initial Cigarette Smoking Experience: A Survey in Male College Students. *American Journal of Men's Health*, 2016, Vol. 10, no. 1, pp. 14—23. doi: 10.1177/1557988314553262
31. Tully L. K., Correa J. B., Doran N. The relationship between family history of tobacco use and progression to tobacco use among young adult e-cigarette users. *Preventive Medicine Reports*, 2019. Vol. 15. 100914. doi:10.1016/j.pmedr.2019.100914

Информация об авторах

Кобзев Евгений Анатольевич, старший преподаватель, кафедра начального образования, факультет психологии, Московский государственный областной университет (МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-296X>, e-mail: g.kobzew@yandex.ru

Шульга Татьяна Ивановна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный областной университет (МГОУ), г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatiana@gmail.com

Information about the authors

Evgeny A. Kobzev, Senior Lecturer, Department of Primary Education, Faculty of Psychology, Moscow Region State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-296X>, e-mail: g.kobzew@yandex.ru

Tatiana I. Shulga, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Moscow Region State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatiana@gmail.com

Получена 18.11.2021
Принята в печать 18.02.2022

Received 18.11.2021
Accepted 18.02.2022

Особенности взаимосвязи моральных суждений и модели психического (на примере взрослых с РАС)

Немзер Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1337-4186>, e-mail: zernemzer@gmail.com

Бородина Л.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3058-1569>, e-mail: bor111a@yandex.ru

Дефицит модели психического рассматривается рядом авторов как один из факторов риска вовлечения в преступную активность у лиц с расстройствами аутистического спектра (РАС), в том числе из-за трудностей понимания чужих намерений. В работе рассматривается связь между дефицитом модели психического и моральными суждениями. Использовались методы тестовой диагностики («Моральные дилеммы», А-ТоМ) и метод контент-анализа ответов на открытые вопросы по моральным дилеммам. Показано, что лица с РАС реже дают утилитарные ответы на безличные дилеммы, однако вне зависимости от сохранности модели психического присутствует тенденция к уменьшению степени утилитаризма при переходе от безличных дилемм к личным. Также показано, что лица с РАС не опираются на намерения акторов при рассуждении о моральных дилеммах, однако не только лица с РАС опираются в таких рассуждениях на последствия.

Ключевые слова: модель психического, расстройства аутистического спектра (РАС), моральное суждение, моральная дилемма.

Для цитаты: Немзер Е.А., Бородина Л.Г. Особенности взаимосвязи моральных суждений и модели психического (на примере взрослых с РАС) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 180—195. DOI:10.17759/psylaw.2022120114

Features of Relationship between Moral Judgments and Mental Model (on the Example of Adults with ASD)

Elizaveta A. Nemzer

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
e-mail: zernemzer@gmail.com

Lyubov G. Borodina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3058-1569>, e-mail: bor111a@yandex.ru

The deficit of theory of mind (ToM) is considered by a number of authors as one of the risk factors for involvement in criminal activity for individuals with autism spectrum disorders (ASD) (for example because of difficulties in understanding other people's intentions). The relationship between the deficit of ToM and moral judgments is discussed. The methods of test diagnostics ("Moral dilemmas", A-ToM) and the method of content analysis of answers to open questions on moral dilemmas were used. It is shown that individuals with ASD are less likely to give utilitarian answers to impersonal dilemmas, but regardless of the intact of ToM, there is a tendency to reduce the degree of utilitarianism from impersonal to personal dilemmas. It is also shown that individuals with ASD do not rely on the intentions of actors when reasoning about moral dilemmas, but not only individuals with ASD rely on consequences in such reasoning.

Keywords: theory of mind, autism spectrum disorders, moral judgment, moral dilemma.

For citation: Nemzer E.A., Borodina L.G. Features of Relationship between Moral Judgments and Mental Model (on the Example of Adults with ASD). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 180–195. DOI:10.17759/psylaw.2022120114 (In Russ.).

Введение

Способность выносить моральное суждение — это способность рассуждать о вопросах морали, используя собственные ценности и стандарты для определения верного решения [10]. Исследования показывают, что рассуждения о вопросах морали тесно пересекаются с пониманием психического состояния участников моральной ситуации. Например, наличие намерения навредить становится своеобразной лакмусовой бумажкой, указывающей на моральную неприемлемость деяния [15]. Однако чтобы определить такое намерение, необходимо приписать актору психическое состояние. Данные, полученные с помощью нейровизуализации, также указывают на связь морали и модели психического: так, и при решении задач на модель психического, и при анализе моральных ситуаций активируются области верхней височной борозды, орбитофронтальной коры, передних височных долей [4; 13].

Исследования связи модели психического и морали у лиц с расстройствами аутистического спектра (РАС) во многом основаны на выявлении способности определять намерение актора и, основываясь на нем, выносить моральное суждение [12]. Показано, что эта способность снижена у людей с РАС, что обусловлено дефицитом модели психического [9].

Другим методом изучения моральных суждений является тест, предложенный J.D. Greene, где респонденту предлагается решить ряд внеморальных, безличных и личных дилемм. В личной дилемме причиняемый вред является средством достижения цели, а в безличной — побочным эффектом. При решении дилемм такого рода также необходимо учитывать психическое состояние, чтобы различить цель и метод ее достижения. По сути, здесь также идет речь о намеренном причинении вреда и случайном, но неизбежном, хотя прямо в тексте намерение не выражается. Согласно данным масштабного опроса 2007 года, большинство людей считают морально верным причинить такой случайный вред (утилитарный ответ в безличной дилемме), но не намеренный (неутилитарный ответ в личной дилемме) [8]. Различия

между дилеммами считаются автоматически, эмоциональный процесс при принятии (не-утилитарного) решения не осознается [5; 6].

Мы не нашли исследований, где дилеммы такого рода предлагались бы лицам с РАС. Однако можно предположить, что поскольку людям с РАС малодоступно выявление намерений акторов (из-за дефицита модели психического), различия в решениях личных и безличных дилемм не будут столь явными, как у нейротипичных людей. Люди с РАС при вынесении моральных суждений часто опираются на последствия [12], результаты; но в дилеммах J.D. Greene разницы в результатах личных и безличных дилемм нет: всегда стоит вопрос, уместно ли пожертвовать меньшинством ради большинства. Люди с РАС могут решать оба типа дилемм утилитарно, что будет свидетельствовать не только о дефиците модели психического, но и о дефиците в сфере обработки эмоций (как, например, у асоциальных психопатов [1], у которых при этом не обнаружен дефицит модели психического [11]) в моральном контексте, или, наоборот, решать оба типа дилемм неутилитарно. Косвенным свидетельством, указывающим на вероятность второго варианта, является то, что люди с РАС подвержены влиянию эмоций жертвы [14].

Использование полученных результатов возможно в коррекционной практике при работе по развитию модели психического у лиц с РАС, как в контексте совершения ими правонарушений, так и без него.

Программа исследования

Исследование направлено на определение стиля моральных суждений людей с РАС, обусловленного дефицитом модели психического, и на подтверждение результатов других авторов о сложности выявления намерений в моральных дилеммах людьми с РАС. Нами было высказано несколько гипотез:

- различия в ответах на личные и безличные дилеммы связаны с выраженностью дефицита когнитивного компонента модели психического;
- решения моральных дилемм лицами с РАС отличается от решений нейротипичных участников исследования;
- выявление фактора намерения в моральных дилеммах связано отсутствием дефицита когнитивного компонента модели психического;
- при рассуждении о моральных дилеммах лица с РАС чаще опираются на последствия.

В исследовании приняли участие 66 человек в возрасте от 18 до 47 лет (M — 27,6; Sd — 7,4). При этом в основную группу (РАС) вошли 15 человек, в контрольную группу 1 (нейротипичные участники) — 32 человека, в контрольную группу 2 (лица, предполагающие у себя РАС, без официального диагноза, далее — самодиагностика) — 19 человек. Характеристика испытуемых представлена в табл. 1.

Таблица 1

Социально-демографическая характеристика выборки

Группа	Возраст (M, Sd, разброс)	Соотношение мужчин и женщин (%)
РАС	28; 7,2; 18—44	46,67 / 53,33
Нейротипичные	27; 6,8; 21—47	15,63 / 84,37
Самодиагностика	29; 8,7; 18—47	10,53 / 89,47

Были использованы методики:

- для оценки стиля моральных суждений — тест «Моральные дилеммы»;

- для оценки когнитивного компонента модели психического — тест А-ТоМ;
- для оценки особенностей моральных суждений, связанных с выявлением факторов намерения и личной силы, — дилеммы из исследования Greene.

Тест «Моральные дилеммы» состоит из 15 дилемм: 5 неморальных, 5 безличных, 5 личных. Примеры дилемм представлены в табл. 2.

Таблица 2

Примеры моральных дилемм

Внеморальная	Вы фермер, управляющий машиной для сбора урожая. Вы приближаетесь к двум расходящимся путям. Если вы повернете налево, то соберете 10 бушелей репы. Если вы повернете направо, то соберете 20 бушелей репы. Если вы ничего не сделаете, машина автоматически повернет налево. Уместно ли для вас повернуть машину направо, чтобы собрать 20 бушелей репы вместо 10?
Безличная	Вы ночной сторож в больнице. Из-за несчастного случая из соседнего здания в больницу просочились через вентиляционную систему ядовитые пары. В одной палате три пациента, в другой один. Если вы ничего не сделаете, пары дойдут до палаты с тремя пациентами. Единственный способ избежать их смерти — нажать на переключатель заслонов в системе. Тогда пары попадут в палату, где находится один пациент. Уместно ли для вас нажать на переключатель, чтобы избежать смерти троих пациентов?
Личная	Вы стоите на мосту и видите, как неуправляемая вагонетка несется по рельсам и скоро собьет пятерых рабочих. Рядом с вами на мосту стоит незнакомый толстый человек. Единственный способ спасти пятерых рабочих — толкнуть толстяка, чтобы он своим весом остановил вагонетку. Незнакомец умрет, если вы сделаете это, но пятеро рабочих будут спасены. Уместно ли для вас толкнуть знакомого, чтобы спасти рабочих?

Внеморальные дилеммы не связаны с аффективными реакциями, при их решении задействуются только когнитивные структуры.

Отличие личной дилеммы от безличной можно представить в виде словесной формулы *Me hurt you*. *Hurt* обозначает такой вред, который может быть понят животными (физическое нападение, а не, например, уклонение от налогов, при этом не опосредованное специальными инструментами). *You* подразумевает, что жертва представлена и наделена некоторыми отличительными особенностями. Наконец, *me* требует от осуществляющего вред агентного состояния, действие должно совершиться по его воле, в результате выбора, а не принуждения к конкретному варианту. При выполнении этих критериев дилемма считается личной [6].

Таким образом, респондентам предлагалось разрешить ряд воображаемых ситуаций. Для преодоления эффекта последовательности при расположении дилемм разного типа в опроснике было применено позиционное уравнивание.

Ответ засчитывался как утилитарный в случае выбора, предполагающего меньшие потери по объективному критерию (меньше убитых, например). Далее подсчитывалось количество утилитарных и неутилитарных ответов по каждому типу дилемм.

Тест А-ТоМ [23] представляет собой 10 видеороликов (максимальная длина видео — 56 секунд, минимальная — 18), после которых следует 1 вопрос по сюжету просмотренного материала (в одном из роликов — 2 вопроса). В роликах показывается диалог между двумя (в

одном случае — тремя) персонажами, диалоги идут на английском языке и сопровождаются русскими субтитрами.

5 роликов направлены на диагностику способности понимания контекста и иронии в речи («социальные» ролики), еще 5 — контрольные («физические» ролики).

В табл. 3 представлен пример содержания роликов.

Таблица 3

Примеры роликов А-ТоМ

Тип ролика	Содержание	Вопрос
Социальный	<p>В кадре — плачущий мужчина. После показывают девушку и парня, стоящих рядом. Парень недоуменно смотрит на плачущего мужчину.</p> <p>— Что с ним случилось?</p> <p>— Его жена только что ушла от него к мужчине помоложе.</p> <p>— Какой ужас! Он в порядке?</p> <p>В кадре снова плачущий мужчина. После показывают девушку, она отвечает на вопрос парня.</p> <p>— Да, он нормально это переносит.</p>	<p>Почему женщина сказала: «Он нормально это переносит»?</p>
Контрольный	<p>В кадре появляется женщина, врач, сидящая за столом с компьютером.</p> <p>В комнату заходит женщина с тростью:</p> <p>— Здравствуйте! Как вы?</p> <p>— Здравствуйте! Хорошо.</p> <p>— Присаживайтесь.</p> <p>Женщина с тростью садится на свободный стул рядом с врачом.</p> <p>— Как я могу вам помочь?</p> <p>— Ох, вчера я упала на ступеньках. Я смогла встать, но я чувствую этот ушиб. И сегодня, когда я прогуливалась, представляете, моя нога как будто околела.</p> <p>Врач начинает осматривать ногу.</p> <p>— Позвольте посмотреть. Дайте знать, если будет больно... Она выглядит довольно опухшей... Мне придется направить вас в отделение травматологии в больницу, чтобы вам сделали рентген.</p>	<p>Почему ей нужен рентген?</p>

В первую очередь дается бинарная оценка: в случае правильного ответа выставляется 1 балл, в случае неправильного — 0 баллов. В случае если правильных ответов по «социальным» роликам менее трех, можно предположить дефицит модели психического; если правильных ответов 3—5, предполагается сохранность модели психического.

Для оценки особенностей моральных суждений, связанных с выявлением факторов намерения и личной силы, использовались четыре дилеммы из исследования J.D. Greene [7]. Ди-

леммы различаются по наличию / отсутствию намерения и применения личной силы в действиях персонажа. Описание дилемм представлено в табл. 4 и табл. 5.

Таблица 4

Дилеммы для качественного анализа

А	Б
Джо может направить вагонетку на боковой путь. Однако на боковом пути привязан один человек. Его масса может остановить вагонетку.	Джо может направить вагонетку на боковой путь. Однако на боковом пути привязан один человек, а за ним лежит тяжелый груз. Масса этого груза может остановить вагонетку.
В	Г
Джо находится на высоком и узком мосту. Он может перенаправить вагонетку, однако между ним и переключателем стоит пешеход. Чтобы вовремя добраться до переключателя, Джо должен побежать по мосту, из-за чего он столкнется с прохожим и столкнет его вниз, что приведет к смерти пешехода.	Джо находится на высоком и узком мосту. Он может перенаправить вагонетку, однако между ним и переключателем стоит пешеход. Чтобы вовремя добраться до переключателя Джо должен побежать по мосту и оттолкнуть пешехода с дороги, из-за чего он упадет вниз и погибнет.

Таблица 5

Распределение факторов намерения и личной силы в дилеммах

	Личная сила	Намерение
А	-	+
Б	-	-
В	+	-
Г	+	+

Респондентам предлагается попарно сравнить дилеммы (А-Б, В-Г, А-Г, Б-В) и указать, что в них общего и различного.

Ответы обрабатывались методом контент-анализа: выделялись смысловые единицы, лежащие в основе ответов испытуемых. Далее производился бинарный подсчет выделенных смысловых единиц по каждому респонденту.

Результаты исследования

Был использован критерий Краскела — Уоллиса для анализа различий в ответах на «социальные» и «физические» ролики; результаты представлены на рис. 1. При решении «физических» роликов ответы респондентов трех групп значимо не различаются ($p=0,809$). Однако в решении «социальных» роликов количество правильных ответов в группах различается ($p<0,001$).

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение физических является одинаковым для категорий группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,809	Нулевая гипотеза принимается.
2	Распределение социальных является одинаковым для категорий группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен

Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок

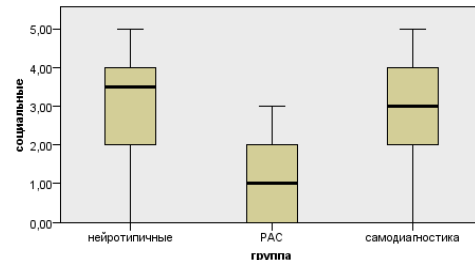


Рис. 1. Различия в ответах на «социальные» ролики в зависимости от наличия / отсутствия диагноза РАС

Для попарного сравнения использовался критерий Манна — Уитни. Были обнаружены значимые различия между группой нейротипичных участников и участников с РАС ($p < 0,001$; $U = 42,5$) и между группой участников с РАС и участников, предполагающих у себя РАС ($p < 0,001$; $U = 42$).

Анализ связи между дефицитом модели психического и наличием диагноза РАС проводился с помощью критерия хи-квадрат. Результаты представлены в табл. 6. Было показано, что среди группы РАС значимо чаще встречается дефицит модели психического, чем в группе нейротипичных участников и участников, предполагающих у себя РАС ($p < 0,001$; $\chi^2 = 16,902$).

Таблица 6

Соотношение наличия / отсутствия дефицита модели психического и наличия / отсутствия диагноза РАС

Группа	Модель психического		Всего
	Дефицит	Норма	
Нейротипичные	10	22	32
РАС	14	1	15
Самодиагностика	7	12	19
Всего	31	35	66

Для сравнения количества утилитарных ответов в дилеммах разного типа у трех групп (нейротипичные, РАС, самодиагностика) был использован критерий Краскала — Уоллиса.

Анализ показал наличие значимых различий по количеству утилитарных ответов во вне-моральных ($p = 0,043$; $\chi^2 = 6,316$) и в безличных дилеммах ($p = 0,008$; $\chi^2 = 9,721$). Попарное сравнение с помощью критерия Манна — Уитни показало, что участники группы РАС значимо чаще дают утилитарные ответы во вне-моральных дилеммах по сравнению с нейротипичными участниками ($p = 0,017$; $U = 139,5$). Также участники с РАС значимо реже дают утилитарные ответы в безличных дилеммах по сравнению с нейротипичными участниками ($p = 0,002$; $U = 110$) и участниками, предполагающими у себя РАС ($p = 0,030$; $U = 80$). Данные тенденции продемонстрированы на рис. 2.

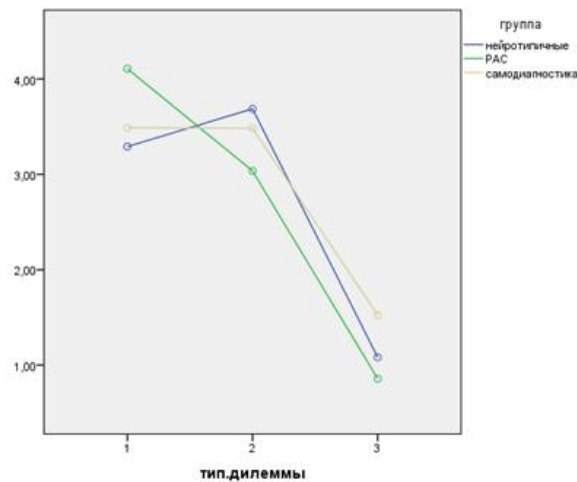


Рис. 2. Средние значения по утилитаризму участников трех групп на дилеммы (1 — внеморальные, 2 — безличные, 3 — личные)

При анализе ответов на дилеммы, различающиеся по наличию/отсутствию факторов намерения и личной силы, были выделены дополнительные смысловые единицы, встречающиеся в ответах испытуемых. Смысловые единицы представлены вместе с примерами ответов в табл. 7.

Таблица 7

Смысловые единицы, выделенные при контент-анализе ответов на открытые вопросы по дилеммам

Единица	Описание	Пример ответа
Намерение	Описывает наличие / отсутствие намерения навредить у актора	Во втором случае Джо намеренно толкает человека. Проявляет активное намерение и действие.
Личная сила	Описывает необходимость применения личной силы актором или ее отсутствие	Толкать сложнее.
Физические различия	Описывает механические причины	Отличие с том, что с точки зрения физики во втором случае вагонетка имеет большую скорость.
Деонтология	Указывает на моральную неприемлемость принятия актором решения	Я не хочу играть в бога и выбирать, кто именно. Переключать. Совершать убийство. Для меня было бы неприемлемо трогать рычаг. Что касается Джо, у него своя система ценностей и аргументация. Пусть он делает, что считает нужным.
Консеквенциализм	Указывает на последствия действий	Здесь особой разницы нет, потому что и так и так пешеход неизбежно погибнет.

Внешние нормы	Указывает на социальные ограничители	Здесь не надо рассуждать, здесь надо руководствоваться правилами и уголовным кодексом: оценить, будет ли признано преступным действием или бездействием его поведение, напрямую связанное с исполнением служебных функций.
Образ жертвы	Указывает на особенности жертв	Второй будто бы случайный человек, не он остановит вагонетку, а груз за ним, его смерть более нелепая и напрасная.
Отказ от ответа	Не отвечает на оба вопроса (о сходстве и различии)	Разницы нет [не указано, что общего].

Статистический анализ с помощью критерия χ^2 Пирсона оказался доступным для факторов «намерение» (табл. 8) и «физические различия» (табл. 9). В остальных случаях наблюдений оказалось недостаточно.

Были обнаружены значимые различия по выделению фактора «намерение» между тремя группами ($p=0,004$; $\chi^2=11,244$). Нейротипичные участники и участники, предполагающие у себя РАС, значимо чаще выделяют фактор намерения, чем участники с РАС.

Таблица 8

Выделение фактора «намерение» в группах

Группа	Намерение		Всего
	нет	есть	
Нейротипичные	19	13	32
РАС	14	1	15
Самодиагностика	7	12	19
Всего	40	26	66

По выделению фактора физических различий значимых различий обнаружено не было ($p<0,099$; $\chi^2=4,634$).

Таблица 9

Выделение фактора «физические различия» в группах

Группа	Физика		Всего
	нет	есть	
Нейротипичные	10	22	32
РАС	4	11	15
Самодиагностика	11	8	19
Всего	25	41	66

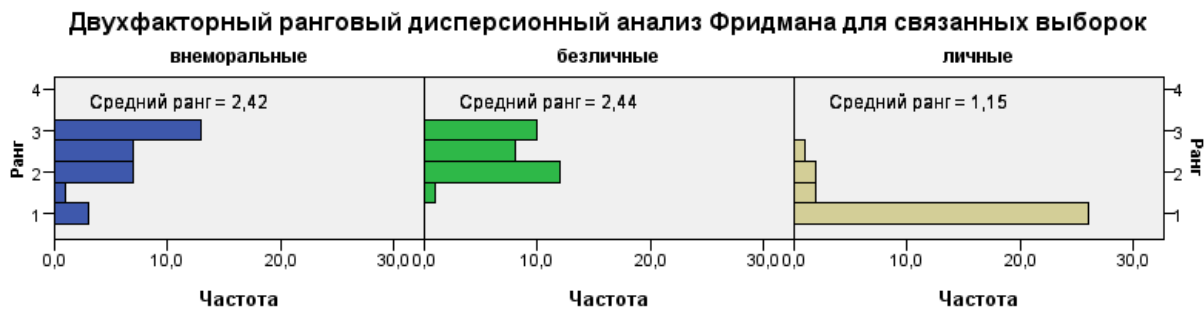
Для анализа тенденций при решении дилемм в разных группах был проведен однофакторный анализ с повторными измерениями (критерий Фридмана), при котором градациями фактора был тип дилеммы (3 градации):

- внеморальные;
- безличностные;
- личностные.

Измеряемым признаком было количество утилитарных ответов.

Анализ показал наличие значимых различий в количестве утилитарных ответов на дилеммы разного типа, как в группе лиц с дефицитом модели психического ($p < 0,001$; $\chi^2 = 36,965$), так и в группе лиц без него ($p < 0,001$; $\chi^2 = 40,481$) (рис. 3).

Группа «дефицит модели психического» ($p < 0,001$; $\chi^2 = 36,965$)



Группа «сохранность модели психического» ($p < 0,001$; $\chi^2 = 40,481$)

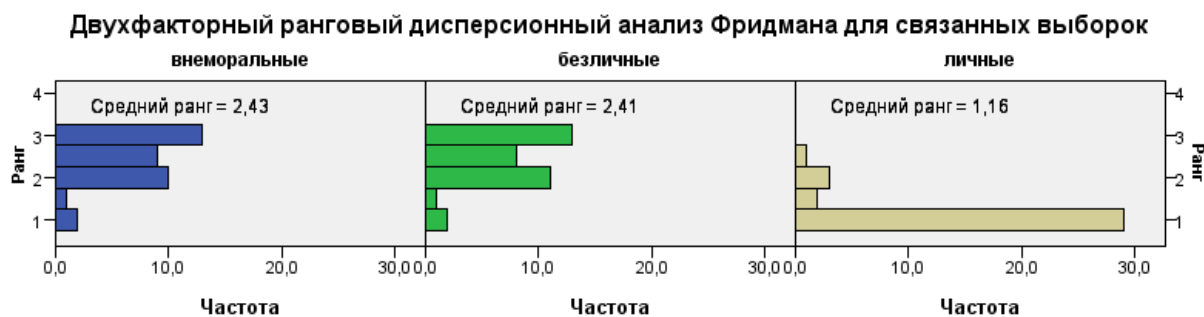


Рис. 3. Средние ранги по решению дилемм трех типов в зависимости от сохранности модели психического

Для определения, между какими градациями фактора имеются значимые различия, было проведено попарное сравнение по критерию Вилкоксона.

Было показано, что различия между количеством утилитарных ответов в безличных и личных дилеммах присутствуют как в группе «сохранность модели психического» ($p < 0,001$; $Z = -4,917$), так и в группе «дефицит модели психического» ($p < 0,001$; $Z = -4,758$). Аналогично для различий между внеморальными и личными дилеммами: они найдены и для группы с дефицитом ($p < 0,001$; $Z = -4,680$), и для группы без него ($p < 0,001$; $Z = -4,940$).

Для анализа влияния дефицита модели психического на количество утилитарных ответов был использован Т-критерий Стьюдента (табл. 10).

Таблица 10

Описательные статистики по Т-критерию Стьюдента для сравнения количества утилитарных ответов в зависимости от сохранности модели психического

Дилеммы	Модель психического	N	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднеквадратичная ошибка среднего
Внеморальные	Дефицит	31	3,5484	1,12068	,20128
	Норма	35	3,7429	,81684	,13807

Безличные	Дефицит	31	2,9355	1,48179	,26614
	Норма	35	3,6000	1,16821	,19746
Личные	Дефицит	31	,9677	1,16859	,20988
	Норма	35	1,3429	1,23533	,20881

Не было обнаружено различий ни по внеморальным ($p=0,429$), ни по личным дилеммам ($p=0,211$). Однако лица с дефицитом модели психического значимо реже дают утилитарные ответы в безличных дилеммах ($p=0,046$) (рис. 4).

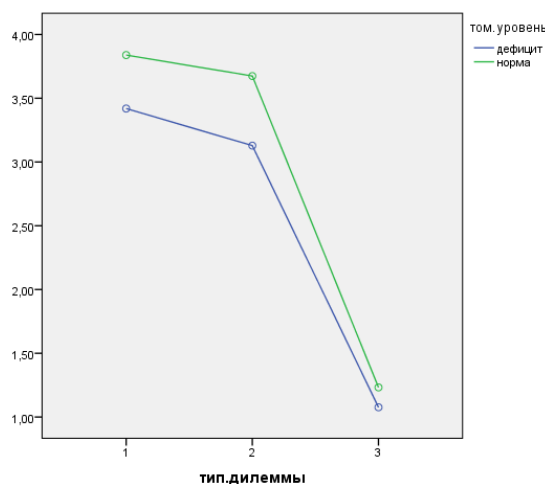


Рис. 4. Средние значения по решению дилемм трех типов (1 — внеморальные, 2 — безличные, 3 — личные) в зависимости от сохранности модели психического

Статистический анализ взаимосвязей между смысловыми единицами, выделенными в ходе контент-анализа, и наличием/отсутствием дефицита модели психического проводился с помощью критерия χ^2 Пирсона. Он оказался доступным для факторов «намерение», «личная сила», «физические различия», «деонтология», «образ жертвы», «отказ от ответа» (табл. 11). В остальных случаях наблюдений оказалось недостаточно, приводится анализ на уровне описательных статистик.

Таблица 11

Взаимосвязь выделения определенных факторов в дилеммах и сохранности модели психического

Фактор «модель психического»	χ^2	P
Намерение	6,921	0,009
Личная сила	1,379	0,240
Физические различия	0,142	0,706
Деонтология	3,710	0,054
Образ жертвы	1,095	0,295
Отказ от ответа	0,004	0,948

Участники без дефицита модели психического значимо чаще в своих рассуждениях опираются на намерения актора (табл. 12). Хотя среди этих участников тех, кто выделяет фактор намерения, примерно столько же, сколько не выделяющих (19 и 16 соответственно).

Таблица 12

Выделение фактора «намерение» в зависимости от сохранности модели психического

Модель психического	Намерение		Всего
	нет	есть	
Дефицит	24	7	31
Норма	16	19	35
Всего	40	26	66

На уровне описательных статистик можно отметить, что обе группы одинаково часто опираются на последствия в своих рассуждениях, а также что в обеих группах чаще встречается фактор «консеквечиализм», чем не встречается (табл. 13).

Таблица 13

Выделение фактора «консеквечиализм» в зависимости от сохранности модели психического

Модель психического	Консеквечиализм		Всего
	нет	есть	
Дефицит	4	27	31
Норма	6	29	35
Всего	10	56	66

Опора на внешние нормы встречается редко в обеих группах, чаще такой параметр не используется респондентами. Однако в группе лиц с дефицитом модели психического у респондентов, строящих рассуждения с отсылкой на внешние нормы, больше. Результаты представлены в табл. 14.

Таблица 14

Выделение фактора «внешние нормы» в зависимости от сохранности модели психического

Модель психического	Внешние нормы		Всего
	нет	есть	
Дефицит	29	2	31
Норма	34	1	35
Всего	63	3	66

Обсуждение результатов

В первой части исследования мы проверили связь между дефицитом модели психического и РАС. Как и предполагалось, участникам с РАС, в отличие от нейротипичных участников и участников, предполагающих у себя РАС, свойственен дефицит когнитивного компонента модели психического. Однако у ряда респондентов без РАС также был обнаружен дефицит модели психического. Поэтому в дальнейшем анализ проводился по двум направлениям: различия, связанные с решением моральных дилемм, мы смотрели, во-первых, сравнивая лиц с РАС с нейротипичными участниками и участниками, предполагающими у себя РАС; во-вторых, сравнивая лиц с дефицитом модели психического и без него вне зависимости от наличия или отсутствия диагноза. Впрочем, необходимо отметить, что когда речь идет о людях с дефицитом модели психического также подразумеваются и люди с РАС (но не наоборот).

При анализе ответов на моральные дилеммы мы обнаружили, что лица с РАС чаще дают утилитарные (рациональные) ответы на внеморальные дилеммы, чем респонденты других групп. Внеморальные дилеммы не связаны с моделью психического или с моралью; они, по сути, являются контрольными вопросами, требующими от отвечающего способности к простым математическим расчетам и целенаправленному вниманию. Можно предположить, что поскольку другие задачи требовали рассуждений о психическом состоянии, они оказались сложнее для лиц с РАС. Поэтому лица с РАС «сосредоточились» на более простых для себя задачах.

Анализ показал, что в обеих группах (с дефицитом модели психического и без него) присутствует тенденция уменьшения количества утилитарных ответов при переходе от внеморальных дилемм через безличные к личным и между количеством утилитарных ответов в безличных и личных дилеммах обнаружены значимые различия в обеих группах, что опровергло гипотезу (1).

Однако, сравнивая ответы лиц с РАС с ответами других участников, мы выяснили, что они реже дают утилитарные ответы на безличные моральные дилеммы. Такой же вывод мы получили, сравнивая респондентов с дефицитом модели психического и без него: лица с дефицитом модели психического реже дают утилитарные ответы на безличные дилеммы. Тем самым была подтверждена гипотеза (2). То есть, несмотря на то, что люди с РАС в целом при решении дилемм придерживаются той же логики рассуждений, что и нейротипичные участники, и для них так же недопустимо утилитарное решение в личной дилемме, они стремятся избежать утилитаризма и в безличных дилеммах. Это можно объяснить, например, склонностью людей с РАС в моральных рассуждениях опираться на последствия [12], которые в дилеммах обоих типов одинаковые. Выбор же неутилитарных ответов может быть связан с повышенной эмоциональной эмпатией [2], нежеланием причинять даже непреднамеренный вред, который, как было показано в исследовании J.M. Moran, вызывает у людей с РАС сильное осуждение [9].

Другим возможным объяснением выбора неутилитарных решений является опора на внешние нормы. Поскольку опора на намерения актора остается недоступной, суждения можно строить, исходя из последствий именно для актора. Убийство, о котором идет речь в дилеммах, является нежелательным действием, предполагается, что оно наказуемо. Если рассуждать о последствиях для актора, то наиболее выгодным для него будет невмешательство. Некоторые отсылки к внешним нормам можно увидеть и в ответах респондентов: только лица с дефицитом модели психического, рассуждая о дилеммах, аргументировали необходимость невмешательства законом. При этом невмешательство отстаивали и респонденты без дефицита модели психического, однако они объясняли его необходимость более глубокими деонтологическими конструкциями, ссылаясь на нежелание убивать, недопустимость такого выбора с нравственной точки зрения.

Мы предполагали, что рассуждения лиц с РАС будут основаны на анализе последствий. Однако оказалось, что рассуждает с опорой на последствия большинство участников всех групп, т. е. была опровергнута гипотеза (4). Также консеквенсиализм оказался не связан с дефицитом модели психического. То же справедливо и для рассуждений о физических различиях в ситуациях — их описывали участники всех групп. Однако те участники, у которых не был обнаружен дефицит модели психического, чаще использовали в своих рассуждениях и другие аргументы. Так, фактор намерения, как и предполагалось, используется преимущественно людьми без дефицита модели психического, которая участвует в распознавании намерения. Таким образом, была подтверждена гипотеза (3).

Литература

1. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю. Моральные дилеммы и особенности личности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 141—155. doi:10.17759/psylaw.2019090210
2. Blair R.J. Brief report: morality in the autistic child // *Journal of Autism Developmental Disorders*. 1996. Vol. 26. P. 571—579. doi:10.1007/BF02172277
3. Brewer N., Young R., Barnett E. Measuring Theory of Mind in Adults with Autism Spectrum Disorder // *Journal of autism and developmental disorders*. 2017. Vol. 47. P. 1927—1941. doi:10.1007/s10803-017-3080-x
4. Fede S.J., Kiehl K.A. Meta-analysis of the moral brain: patterns of neural engagement assessed using multilevel kernel density analysis // *Brain Imaging and Behavior*. 2020. Vol. 14. P. 534—547. doi:10.1007/s11682-019-00035-5
5. Galotti K.M. Approaches to studying formal and everyday reasoning // *Psychological Bulletin*. 1989. Vol. 105. P. 331—351. doi:10.1037/0033-2909.105.3.331
6. Greene J.D. et al. Cognitive load selectively interferes with utilitarian moral judgment // *Cognition*. 2008. Vol. 107. P. 1144—1154. doi:10.1016/j.cognition.2007.11.004
7. Greene J.D. et al. Pushing moral buttons: The interaction between personal force and intention in moral judgment // *Cognition*. 2009. Vol. 111. P. 364—371. doi:10.1016/j.cognition.2009.02.001
8. Hauser M., Cushman F., Young L. A dissociation between moral judgments and justifications // *Mind and Language*. 2007. Vol. 22. P. 1—21. doi:10.1111/j.1468-0017.2006.00297.x
9. Hu Y., Pereira A.M. et al. Right Temporoparietal Junction Underlies Avoidance of Moral Transgression in Autism Spectrum Disorder // *Journal of Neuroscience*. 2021. Vol. 41. P. 1699—1715. doi:10.1523/JNEUROSCI.1237-20.2020
10. Rest J.R. *Development in judging moral issues*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1979. 305 p.
11. Richell R.A. et al. Theory of mind and psychopathy: can psychopathic individuals read the “language of the eyes”? // *Neuropsychologia*. 2003. Vol. 41. P. 523—526. doi:10.1016/s0028-3932(02)00175-6
12. Ringshaw J.E., Hamilton K., Malcolm-Smith S. Theory of Mind and Moral Decision-Making in the Context of Autism Spectrum Disorder // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2021. Vol. 22. P. 316—327. doi:10.1007/s10803-021-05055-z
13. Riva P., Manfrinati A., Sacchi S. et al. Selective changes in moral judgment by noninvasive brain stimulation of the medial prefrontal cortex // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2019. Vol. 19. P. 797—810. doi:10.3758/s13415-018-00664-1
14. Weisberg D.S., Leslie A. The role of victims’ emotions in preschoolers’ moral judgments // *Review of Philosophy and Psychology*. 2012. Vol. 3. P. 439—455. doi:10.1007/s13164-012-0101-8
15. Young L. et al. The neural basis of the interaction between theory of mind and moral judgment // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. Vol. 104. P. 8235—8240. doi:10.1073/pnas.0701408104

References

1. Enikolopov S.N., Medvedeva T.I., Vorontsova O.Yu. Moral’nye dilemmy i osobennosti lichnosti [Moral Dilemmas and Personality Traits] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* = *Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 141—155. doi:10.17759/psylaw.2019090210 (In Russ.).
2. Blair R.J. Brief report: morality in the autistic child. *Journal of Autism Developmental Disorders*, 1996. Vol. 26, pp. 571—579. doi:10.1007/BF02172277

3. Brewer N., Young R., Barnett E. Measuring Theory of Mind in Adults with Autism Spectrum Disorder. *Journal of Autism Developmental Disorders*, 2017. Vol. 47, pp. 1927–1941. doi:10.1007/s10803-017-3080-x
4. Fede S.J., Kiehl K.A. Meta-analysis of the moral brain: patterns of neural engagement assessed using multilevel kernel density analysis. *Brain Imaging and Behavior*, 2020. Vol. 14, pp. 534–547. doi:10.1007/s11682-019-00035-5
5. Galotti K.M. Approaches to studying formal and everyday reasoning. *Psychological Bulletin*, 1989. Vol. 105, pp. 331–351. doi:10.1037/0033-2909.105.3.331
6. Greene J.D., et al. Cognitive load selectively interferes with utilitarian moral judgment. *Cognition*, 2008. Vol. 107, pp. 1144–1154. doi:10.1016/j.cognition.2007.11.004
7. Greene J.D., et al. Pushing moral buttons: The interaction between personal force and intention in moral judgment. *Cognition*, 2009. Vol. 111, pp. 364–371. doi:10.1016/j.cognition.2009.02.001
8. Hauser M., Cushman F., Young L. A dissociation between moral judgments and justifications. *Mind and Language*, 2007. Vol. 22, pp. 1–21. doi:10.1111/j.1468-0017.2006.00297.x
9. Hu Y., Pereira A.M. et al. Right Temporoparietal Junction Underlies Avoidance of Moral Transgression in Autism Spectrum Disorder. *Journal of Neuroscience*, 2021. Vol. 41, pp. 1699–1715. doi:10.1523/JNEUROSCI.1237-20.2020
10. Rest J.R. Development in judging moral issues. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1979. 305 p.
11. Richell R.A. et al. Theory of mind and psychopathy: can psychopathic individuals read the “language of the eyes”? *Neuropsychologia*, 2003. Vol. 41, pp. 523–526. doi:10.1016/s0028-3932(02)00175-6
12. Ringshaw J.E., Hamilton K., Malcolm-Smith S. Theory of Mind and Moral Decision-Making in the Context of Autism Spectrum Disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2021. Vol. 22, pp. 316–327. doi:10.1007/s10803-021-05055-z
13. Riva P., Manfrinati A., Sacchi S. et al. Selective changes in moral judgment by noninvasive brain stimulation of the medial prefrontal cortex. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 2019. Vol. 19, pp. 797–810. doi:10.3758/s13415-018-00664-1
14. Weisberg D.S., Leslie A. The role of victims’ emotions in preschoolers’ moral judgments. *Review of Philosophy and Psychology*, 2012. Vol. 3, pp. 439–455. doi:10.1007/s13164-012-0101-8
15. Young L. et al. The neural basis of the interaction between theory of mind and moral judgment. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2007. Vol. 104, pp. 8235–8240. doi:10.1073/pnas.0701408104

Информация об авторах

Немзер Елизавета Андреевна, студент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1337-4186>, e-mail: zernemzer@gmail.com

Бородина Любовь Георгиевна, кандидат медицинских наук, доцент, доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3058-1569>, e-mail: bor111a@yandex.ru

Немзер Е.А., Бородина Л.Г.
Особенности взаимосвязи моральных суждений и
модели психического (на примере взрослых с РАС)
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 180–195.

Nemzer E.A., Borodina L.G.
Features of Relationship between Moral Judgments
and Mental Model (on the Example of Adults with ASD)
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 180–195.

Information about the authors

Elizaveta A. Nemzer, student, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1337-4186>, e-mail: zernemzer@gmail.com

Lyubov G. Borodina, PhD in Medicine, Docent, Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3058-1569>, e-mail: bor111a@yandex.ru

Получена 15.08.2021
Принята в печать 18.02.2022

Received 15.08.2021
Accepted 18.02.2022

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Психологические факторы, обуславливающие доверие потребителей к юридической компании

Хохлова Н.И.

Сургутский государственный университет (БУ ВО «СурГУ»), г. Сургут, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-9629>, e-mail: hohlova-ni@yandex.ru

Плеханова Н.П.

Сургутский государственный университет (БУ ВО «СурГУ»), г. Сургут, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8096-6547>, e-mail: plehanova-np@yandex.ru

Статья посвящена проблеме формирования доверия к деятельности юридических компаний в процессе профессионального взаимодействия юристов и клиентов. Результаты исследования показали, что основными параметрами доверия к юридической компании являются коммуникативные качества юристов: внимательное отношение к пожеланиям клиента, индивидуальный подход. Было выявлено, что оценка личностных качеств юриста, как фактор доверия, значительно различается в представлениях юристов и их клиентов. Юристы считают, что основой доверия клиентов является высокий уровень профессионализма, в отличие от потребителей, которые более ориентированы на коммуникативные качества и имидж специалистов. Доверительные отношения потребителей складываются в результате совпадения их ожиданий и реального опыта получения юридической помощи. Качество юридической помощи и доверие потребителей достигаются путем построения продуктивного взаимодействия клиента и юриста с использованием широкого спектра коммуникативных средств. В статье представлены направления психологической работы по повышению квалификации специалистов юридических компаний.

Ключевые слова: доверие потребителей юридических услуг, психологические факторы доверия, качества личности юриста как критерий доверия, качество юридических услуг.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования магистранта направления «Психология» БУ ВО «Сургутский государственный университет» М.А. Рошевец.

Для цитаты: Хохлова Н.И., Плеханова Н.П. Психологические факторы, обуславливающие доверие потребителей к юридической компании [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 196—208. DOI:10.17759/psylaw.2022120115

Psychological Factors Contributing to Clients' Trust for a Law Company

Natalia I. Khokhlova

Surgut State University, Surgut, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-9629>, e-mail: hohlova-ni@yandex.ru

Natalia P. Plekhanova

Surgut State University, Surgut, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8096-6547>e-mail: plehanova-np@yandex.ru

The article deals with the problem of building trust for the activities of law companies in the process of professional interaction between lawyers and their clients. The results of the study demonstrated that the main sources of consumers' confidence in a law (legal) company are its lawyers' communicative qualities, their good understanding of clients' needs and individual approach. It has been revealed that the view of a lawyer's personal qualities, as a factor of trust, differs greatly between lawyers and their clients. Lawyers believe that the basis for clients' trust is high level of lawyers' expertise, which is in contrast to the users who are more oriented towards lawyers' communicating qualities and their image. Users' trusting attitude comes as a result of meeting of their expectations and their actual experience in getting legal advice. The quality of legal services and clients' confidence are attained by building a productive cooperation between a client and a lawyer using a wide range of communication means. The article presents areas of psychological work for further professional training of lawyers in legal companies.

Keywords: trust of users of legal services, psychological trust factors, lawyer's personality traits as a trust factor, quality of legal advice.

Acknowledgements: The authors extend their gratitude to Roshevets M.A. (student of a master's degree in psychology, Surgut State University) for data collection for the study.

For citation: Khokhlova N.I., Plekhanova N.P. Psychological Factors Contributing to Clients' Trust for a Law Company. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 196–208. DOI:10.17759/psylaw.2022120115 (In Russ.).

Введение

В современной социально-политической ситуации активно возрастает потребность в защите прав и интересов граждан. На фоне расширения количества юридических услуг возросла конкуренция среди компаний и как результат повысились требования клиентов-потребителей к качеству услуг. Взаимоотношения потребителя услуг и компании выстраиваются таким образом, что клиент находится в центре интересов компании и является объектом целенаправленного воздействия. В связи с этим возникает необходимость определения социально-психологических характеристик компаний, служащих критериями качества юридических услуг и доверия клиентов.

На фоне экономических факторов функционирования компании важно уделять внимание профессиональным и этическим вопросам, поскольку юристы являются лицом правосудия Российской Федерации. Сложность юридических услуг определяется тем, что они относятся

к группе неосязаемых услуг и доверие юристу как профессионалу является одним из важных условий продуктивности юридической помощи. Представление о качестве оказанной юридической помощи у клиента в свою очередь складывается в процессе межличностного взаимодействия и становится важным фактором доверия к юридическим компаниям и юридической профессии в целом [8]. Следовательно, доверие потребителей является одним из эффективных нематериальных ресурсов юридической компании, основой положительной репутации и привлечения новых клиентов. Доверие в юридических вопросах является важным фактором плодотворного сотрудничества.

В психологии доверие рассматривается в контексте междисциплинарных исследований. Как показывает А.Б. Купрейченко [5; 7], работы социальных и экономических психологов тесно переплетаются с исследованиями экономистов и социологов (Ю.В. Веселов, А.К. Ляско, Е.В. Капусткина, Б.З. Мильнер, В.В. Радаев, М.В. Синютин и др.). В частности, Б.З. Мильнером [1; 2; 6] описана роль доверия в социально-экономических преобразованиях в обществе. Ряд исследований посвящен формированию доверия в массовом инвестиционном поведении (В.А. Дулич, О.Е. Кузина, Р.Б. Перкинс и др.) и доверию населения к банковской системе (Н. Ермакова, Д.А. Литвинов и др.).

Теоретическую основу исследования составили подходы к пониманию сущности доверия (Б. Барбер, В.С. Кравцов, К.К. Платонов, Б.Ф. Поршневы и др.), характеристик доверия (И.В. Антоненко, А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, В.П. Позняков, Т.П. Скрипкина, В.А. Сумарокова, Р.Б. Шо и др.); исследования структуры доверия к медицинской организации (И.В. Изюмова и др.) [3; 6; 13; 14; 15], а также в коммерческой деятельности и деловых отношениях (Г.А. Агуреева, И.А. Антоненко, А.Я. Кибанов, Т.А. Нестик, А.В. Филиппов и В.А. Денисов, П.Н. Шихирев и др.).

В социальной психологии феномен доверия рассматривается с разных сторон взаимодействия компании: доверие потребителей, доверие внутри организаций и между ними, доверие между сотрудниками, доверие между сотрудниками и их руководством. И.В. Изюмова [6] определяет «профессиональное доверие» как совокупность психологических отношений к коллективу организации и отдельным сотрудникам, включающих в себя ожидание выполнения организацией взятых на себя обязательств, позитивные эмоциональные оценки организации в целом и отдельных ее элементов; готовность делиться информацией о себе с представителями организации и следовать принятым в организации правилам. Оно основывается на отношении клиента к науке или отрасли, в которой компания осуществляет деятельность; к используемым в организации технологиям и процедурам; к персоналу или к отдельным представителям организации. Доверие выступает механизмом, способствующим минимизации риска, снижению неопределенности, формированию ожиданий определенных действий со стороны другого.

В рамках социально-психологического подхода, в отличие от психологического, информационного, субъектно-ориентированного и исследований доверия как социального капитала в организации, доверие рассматривают в контексте ожиданий, нормы и правил поведения, экспектации людей по отношению друг к другу. Так А.Б. Купрейченко рассматривала доверие как психологическое отношение, включающее когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие [11]. В нашем эмпирическом исследовании мы опирались на определение доверия как психологического отношения, включающего интерес и уважение к объекту или партнеру; представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате взаимодействия с ним; эмоции от предвкушения их удовлетворения и позитивные эмоциональные оценки партнера; расслабленность и безусловную готовность проявлять по

отношению к нему добрую волю, а также совершать определенные действия, способствующие успешному взаимодействию потребителя и продавца услуг (товаров) [5; 7].

Одним из направлений изучения доверия в психологии является анализ факторов доверия и недоверия. Д. Макнайт, Л. Куммингс и Н. Червани считают, что первоначально доверие формируется под влиянием трех групп факторов: личностных как предрасположенности к доверию, готовности доверять у кого-то из участников взаимодействия; институциональных и когнитивных—процессов категоризации и иллюзий контроля [9]. Личностными факторами являются общая установка на доверие другим людям и миру, уровень субъективного контроля, а также наличие опыта взаимодействия. Именно непосредственный опыт общения субъектов доверия позволяет оценивать намерения и мотивы других людей, а также степень надежности партнера [7].

Наряду с личностными факторами исследователи отмечают, что респонденты чаще готовы доверять в ситуациях, когда нуждаются в помощи. Клиенты юридических компаний, обращаясь за помощью в решении правовых вопросов, готовы к сотрудничеству и ожидают от юриста справедливости и профессионального выполнения принятых на себя обязательств, защиты прав. Качественно оказанная юридическая помощь становится основой положительной репутации компании, увеличения положительных отзывов и рекомендаций о фирме, притоку новых клиентов. Качество и результат юридических услуг, с одной стороны, зависят от личных и профессиональных качеств юриста, с другой стороны, определяются ожиданиями потребителей, а также соответствием этих ожиданий реальной ситуации. На основе личного опыта у потребителей складывается мнение, как о данной юридической компании, так и о доверии либо недоверии в целом законодательной системе страны.

Несмотря на разнообразие психологических исследований, остается открытым вопрос о системе наиболее значимых характеристик организации и их сотрудников, служащих критериями доверия для клиентов. Таким образом, актуальность исследования психологических факторов доверия потребителей обусловлена стремлением изучить специфику доверия потребителей юридическим компаниям и необходимостью определения содержания и формы психологического сопровождения деятельности юристов и повышения качества оказываемых услуг в целом.

Цель исследования: изучить психологические факторы, обуславливающие доверие потребителей к юридическим компаниям.

Задачи исследования:

- 1) определить параметры доверия потребителей юридическим компаниям и сравнить с критериями качества оказанных услуг;
- 2) изучить взаимосвязь доверия потребителей юридических услуг к миру, себе и другим людям;
- 3) исследовать представления юристов и потребителей юридических услуг качествах личности юристов как критериях доверия;
- 4) определить содержание и формы повышения квалификации юристов в рамках психологического сопровождения.

Методы исследования.

Характеристика участников эмпирического исследования

Выборку на первом этапе эмпирического исследования составили потребители юридических услуг — 84 человека в возрасте 18—60 лет, из них 21% мужчин и 79% женщин. На втором этапе исследования путем рандомизации были отобраны 25 клиентов, имеющих опыт

получения юридической помощи в возрасте 25—60 лет и 23 специалиста юридических компаний со стажем работы более 5 лет.

Для исследования психологических факторов, обеспечивающих доверие потребителей к юридическим компаниям, был использованы:

1) метод психологического измерения и методики:

- авторский опросник общих характеристик респондентов, параметров оценки качества юридических услуг и доверия потребителей;
- опросник А.Б. Купрейченко «Взаимосвязь доверия / недоверия личности к миру, себе и другим людям» [5; 7];
- метод семантического дифференциала (модифицированный вариант) по оценке качеств личности юриста как критерия доверия потребителей юридическим компаниям;

2) методы статистической обработки данных:

- факторный анализ (метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера);
- корреляционный анализ (критерий χ^2 Пирсона) в программе SPSS 19.0.

Исследование психологических факторов, обуславливающих доверие потребителей к юридическим компаниям, было реализовано поэтапно совместно с магистрантом М.А. Рошевец. Задачи каждого этапа, их результаты и обсуждения представлены далее.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе эмпирического исследования был произведен опрос потребителей с целью выявления параметров выбора юридических компаний и исследования взаимосвязи доверия потребителей к миру, себе и другим людям.

Степень удовлетворенности качеством оказанной юридической помощи среди потребителей распределилась следующим образом: 33% опрошенных полностью удовлетворены; 31% скорее удовлетворены; 14% затруднились оценить качество услуги; 22% остались не удовлетворены результатами. Следовательно, по мнению трети потребителей, оказанные юридические услуги были реализованы некачественно или они не получили ожидаемых результатов.

Анализ параметров, определяющих выбор потребителями юридической фирмы, показал, что наиболее значимыми являются рекомендации друзей/знакомых — 83%; хорошие отзывы и положительная репутация компании — 67%; личный опыт — 24% (рис. 1). Клиенты менее ориентированы на имидж компании (удобное расположение — 19% и название — 4,1%), рекламу (2,4%) и уникальность предлагаемых услуг (14%).

По мнению опрошиваемых, гарантией качества юридических услуг являются репутация компании на рынке — 86%; документы, подтверждающие квалификацию специалистов (43%); высокие цены за оказание услуг — 5% (рис. 2).

Сравнительный анализ половых различий не выявил значимых расхождений в оценке параметров доверия к юридическим компаниям (рис. 3). Мужчины и женщины при выборе фирмы ориентированы на положительную репутацию компании, знания о качестве оказываемых услуг и профессионализме сотрудников, полученные от друзей и знакомых. Следует отметить, что для мужчин личное знакомство и доверие юристу (78%) имеет большее значение, чем для женщин (60%), они более ориентированы на удобное расположение компании в отличие от женщин (66% и 30% соответственно). Женщины выше оценивают наличие индивидуального подхода, качество, оперативность и стоимость оказываемых услуг.

Таким образом, по мнению опрошиваемых, основой гарантии качества юридических услуг является репутация компании и наличие сертификатов, дипломов, свидетельствующих о высокой квалификации специалистов. Основными факторами, обуславливающими доверие

юридической компании, являются качество оказываемых услуг, компетентность сотрудников, хорошие отзывы и положительная репутация компании на рынке. Активная реклама и внешние элементы имиджа компании не оказывают значительного влияния на выбор потребителей. Следовательно, параметры оценки качества юридических услуг и уровня доверия, по мнению потребителей, различны. Основной причиной недовольства клиентов является некачественное исполнение обязательств.

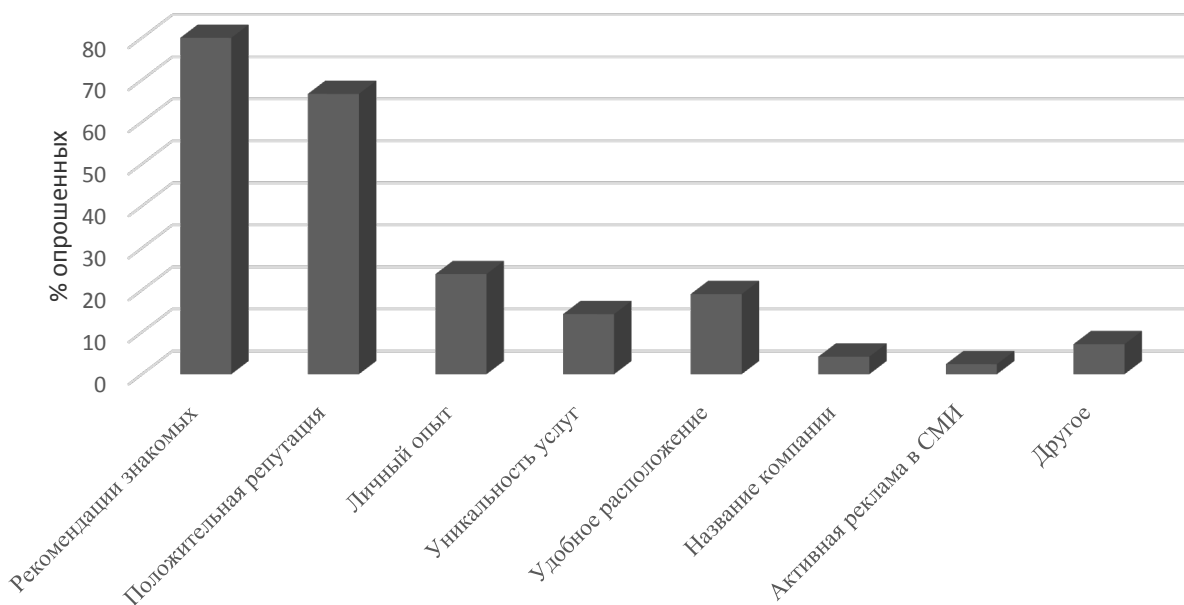


Рис. 1. Распределение параметров выбора потребителями юридической компании

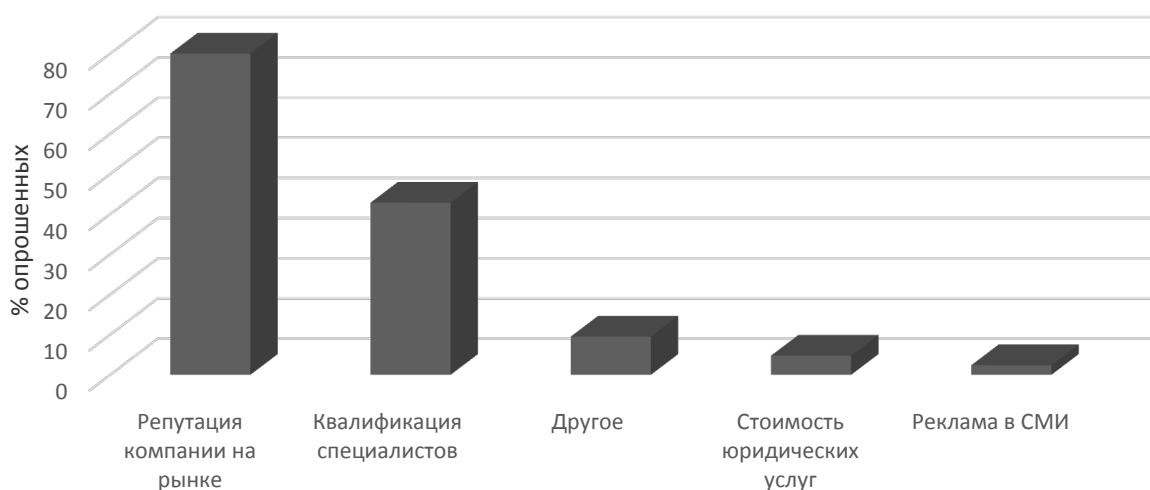


Рис. 2. Критерии качества юридических услуг, по мнению потребителей

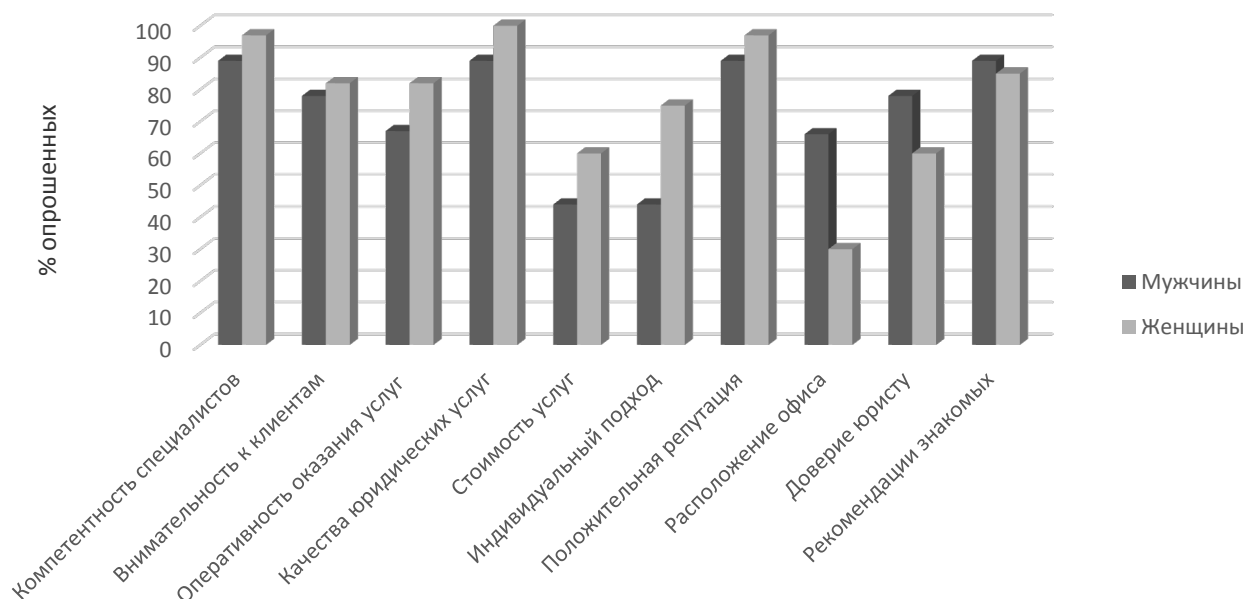


Рис. 3. Половые различия в оценке потребителями параметров, вызывающих доверие к юридической компании

Далее, с целью выявления общего уровня доверия потребителей юридических услуг, мы изучили степень выраженности доверия к себе, миру, другим людям и их сочетания. Т.П. Скрипкина к объектам доверия относит доверие к миру как базовую установку личности; доверие к себе считает рефлексивным феноменом личности, способствующим тому, что человек занимает определенную ценностную позицию по отношению к миру и самому себе; доверие к себе возникает на основе взаимодействия людей [12]. Выбор параметров доверия определенным образом коррелирует с уровнем доверия к миру. Доверие выступает одним из механизмов формирования установок толерантного сознания, направленных на изменение смысловых структур сознания человека, связанных с этикой принятия другого [4; 8; 10].

На основе анализа результатов методики «Взаимосвязь доверия/недоверия личности к миру, себе и другим людям» [5, с. 149] мы выявили, что у 48% респондентов уровень доверия к миру высокий и выше среднего, что свидетельствует о позитивной направленности респондентов. Данный показатель выше у респондентов-женщин. Доверие в ситуации деловых отношений упорядочивают и регламентируют взаимодействие, способствует оптимизации принятых решений.

Для определения взаимосвязи между доверием к миру, доверием к другим людям и доверием к себе был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона (r Пирсона) в программе SPSS 19.0. По результатам корреляционного анализа мы выявили высокую связь между доверием к другим людям и доверием к миру ($r = 0,83$ при $p \leq 0,05$) и слабые связи между доверием к себе и доверием к миру ($r = 0,357$ при $p \leq 0,05$) и между доверием к себе и доверием к другим людям ($r = 0,485$ при $p \leq 0,05$). Это свидетельствует об обособленности показателя доверия себе. Респонденту, ориентированному на собственную систему ценностей, в деловых взаимоотношениях с другими важно находить подтверждение собственных позиций. Поэтому оценка доверия к компании складывается в результате диалога с другими, а не оценки рейтинга фирмы. Все опрашиваемые, вне зависимости от уровня доверия при выборе юридической

фирмы, основываются на рекомендации друзей/знакомых и положительную репутацию фирмы.

Для установления корреляционной связи между показателями доверия был использован факторный анализ (метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера) в программе SPSS 19.0. КМО (уровень применения данного анализа —0,7) предварительно показывает, пригодна ли корреляционная матрица для поиска в ней пучков парных линейных связей.

Первый фактор (31% от общей дисперсии) объединил показатели «Ориентированность на клиента» (в скобках указан коэффициент корреляции):

- внимательность к пожеланиям клиента (0,837);
- индивидуальный подход к клиенту и оказанию услуг (0,810);
- оперативность оказанию услуг (0, 671);
- стоимость услуг (0,630).

Второй фактор (27% от общей дисперсии) «Уровень профессионализма сотрудников»:

- компетентность персонала (0,882);
- качество оказываемых услуг (0,861);
- хорошие отзывы и положительная репутация фирмы (0,693).

Третий фактор (21% от общей дисперсии) «Личная причастность»:

- личное знакомство и доверие к юристу (0,823);
- рекомендации родственников, друзей (0,666);
- удобное расположение (0,656).

Следовательно, выбор юридической компании основывается на рекомендациях друзей и знакомых (третий фактор), а оценка качества деятельности складывается на основе выстраивания взаимодействия с клиентом (первый фактор). В формировании доверия потребителей юридических услуг важна ориентированность компании на клиента и индивидуальный подход.

На втором этапе исследования двум группам респондентов (23 юриста и 25 клиентов) было предложено с помощью семантического дифференциала оценить личностные качества юриста как критерия доверия юридической компании. Полученные результаты были проанализированы с помощью факторного анализа (метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера) в программе SPSS 19.0. В результате были выделены факторы, объединяющие качества юриста, вызывающего доверие с позиции юристов и потребителей. В табл.1 представлены первые четыре из 11 факторов, имеющие большую дисперсионную нагрузку.

Таблица 1

Распределения качеств юриста, вызывающего доверие у потребителей

Факторы	Мнение юристов	Мнение потребителей
	<i>Компромиссность</i>	<i>Внешняя презентабельность</i>
1	Предпочитающий компромиссы (0,835), независимый (0,811), ответственный (0,797), красивый (0,729), борющийся за справедливость (0,721), искренний (0,604)	Красивый (0,770), борющийся за справедливость (0,752), рациональный (0,732), открытый (0,611), авторитетный (0,470)
2	<i>Интеллектуальность</i>	<i>Предсказуемость</i>
	<i>Мыслящий</i> (0,915);	Предсказуемый (0,814),

	скрытный (0,899), дерзкий (0,777), сильный (0,654), хвастливый (0,637), любопытный (0,585), смелый (0,501)	ответственный (0,798), опрятный (0,747), <i>мыслящий</i> (0,596), терпимый к недостаткам (0,554)
3	Коммуникабельность	Независимость
	Вежливый (0,935), находчивый (0,790), неагрессивный (0,669), спокойный (0,662), терпимый к недостаткам (0,567)	Независимый (0,821), сильный (0,813), любопытный (0,690), искренний (0,506), участливый (0,451)
4	Борющийся за справедливость	Внешний вид (успешность)
	Борющийся за справедливость (0,834), плохо одетый (0,825), непосредственный (0,753), <i>честный</i> (0, 663), неавторитетный (0,507), бедный (0,496)	Богатый (0,875), <i>честный</i> (0,843), хорошо одетый (0,522)

Наиболее значимыми качествами, вызывающими доверие у потребителей, по мнению юристов, являются личностные качества, связанные с ценностно-смысловой сферой специалиста; а для потребителя более значим имидж юриста, умение выстраивать деловые контакты и пр. В первом факторе совпадают только 2 качества: «красивый» и «борющийся за справедливость». Следует отметить амбивалентную оценку последнего четвертого г фактора, который коррелирует с показателями «плохо одетый», «честный», «бедный» и пр. Возможно, это качество в большей степени негативно оценивается юристами, чем потребителями.

Второй фактор, с позиции юристов, объединяет профессиональные качества: «мыслящий», «дерзкий», «смелый». При этом потребители ориентированы на отношение к себе со стороны юриста («предсказуемый», «терпимый к недостаткам»), а не уровень профессионализма.

Третий фактор в представлении юристов объединяет коммуникативные качества «вежливый», «неагрессивный»; для потребителя важны личностные качества юриста «независимый», «сильный».

В группу четвертого фактора юристы отнесли негативные характеристики («плохо одетый», «бедный» и пр.), в сочетании с такими характеристиками, как «честный» и «борющийся за справедливость». «Честность», по мнению юристов, можно рассматривать как фактор, обуславливающий «бедность» и «не авторитетность». Потребители включили также, как и юристы, оценку финансового благосостояния юриста, но в позитивном аспекте.

Пятый фактор, имеющий меньшую дисперсионную нагрузку, включает параметры поведения юриста, по мнению двух групп респондентов.

Таким образом, потребители и юристы по-разному рассматривают качества личности юриста как основания доверия. Юристы считают, что качествами специалиста, вызывающего доверие потребителей, являются профессиональные знания и умения, а потребители — коммуникативные навыки. Это может быть связано с общим низким уровнем юридической грамотности потребителей и понимания судебных процессов. Поскольку клиенты слабо ориен-

тируются в специфике юридической деятельности, они ориентируются лишь на внешние аспекты выстраивания взаимоотношений юриста и потребителей.

Следовательно, юристы под доверием потребителей понимают уровень профессионализма, а потребители ориентированы на отношение к себе. Поэтому при установлении доверительных отношений в процессе делового взаимодействия с клиентом для юриста важен высокий уровень владения коммуникативными средствами.

На основании полученных результатов эмпирического исследования были определены содержание и форма психологического сопровождения, направленного на развитие коммуникативных знаний и навыков у юристов. Одной из главных задач данной работы является децентрация юристов по отношению к ожиданиям и потребностям потребителей юридических услуг.

Программа психологического сопровождения состоит из трех блоков, направленных на анализ двух ключевых компонентов доверия: характеристика организации («глазами потребителя») и характеристика персонала (реальная и идеальная ситуация).

1. Имидж и репутация юридической компании: уровень известности фирмы в городе и регионе; положительные отзывы о деятельности, представленность в СМИ и др.

2. Корпоративная культура компании:

- организация процессов оказания услуги (анализ всего процесса взаимодействия потребителя и представителей компании на всех этапах оказания юридической помощи);
- профессиональная компетентность персонала;
- представление юристом себя как профессионала и своего места в данной организации.

3. Стратегии развития компании, продвижения на рынке юридических услуг, развитие способов и средств продуктивного взаимодействия с потребителями:

- конкурентоспособность и стабильность организации (критерии формируются в результате проведения «мозгового штурма»);
- ассортимент услуг, их доступность и цена (мониторинг актуального уровня и возможных вариантов);
- профессиональные роли (моделирование ситуаций).

Наиболее продуктивной формой психологического сопровождения, по нашему мнению, является реализация дискуссий в малых группах посредством проведения SWOT-анализа по общим и специфическим характеристикам компании, с учетом мнения потребителей, и последующим представлением результатов работы всем сотрудникам компании. На следующем этапе каждая из подгрупп выбирает один из аспектов (из перечня «слабые стороны») и разрабатывает сценарий преодоления недостатка с использованием бенчмаркинга. Совместно с сотрудниками планируется разработка стратегии развития компании в части обозначенной проблемы.

Заключение

Мы определили наиболее значимые параметры выбора юридической компании: рекомендации друзей и знакомых, хорошие отзывы и положительная репутация компании на рынке. Активная реклама в СМИ не влияет на выбор потребителей. Анализ половых различий в оценке критериев доверия показал следующее: личное знакомство и доверие юристу для мужчин более значимо, в отличие от женщин, которые в основном ориентированы на индивидуальный подход, оперативность и стоимость оказываемых услуг.

Показатель доверия к себе является обособленным от показателей доверия к другим людям, миру. Респондентам, ориентированным на собственную систему ценностей, во взаимо-

отношениях с другими важно подтверждение собственных позиций. Все опрашиваемые, вне зависимости от уровня доверия, как общего, так и доверия к миру, к другим людям и себе, при выборе юридической фирмы основываются на рекомендации друзей/знакомых, хорошие отзывы и положительную репутацию фирмы. Гарантией высокого качества оказываемых услуг для большинства опрашиваемых является репутация компании на рынке. Для формирования доверия у потребителей важна ориентированность компании на клиента.

Наиболее значимыми качествами, по мнению юристов, вызывающими доверие потребителей, являются личностные качества, связанные с ценностно-смысловой сферой, а для потребителя — внешняя составляющая деятельности и личности юриста. Таким образом, юристы под доверием потребителей понимают уровень профессионализма, а потребитель помимо успешного разрешения своей проблемы, ориентирован на отношение к себе, сотрудничество и информирование о процессе ведения дела. Поэтому при выстраивании взаимодействия с потребителем при установлении доверительных отношений важной составляющей являются коммуникативные средства.

Практическая значимость работы определяется тем, что результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в работе с персоналом юридических организаций. Материалы проведенного исследования актуальны для подготовки психологов, юридических психологов, руководителей различного уровня.

Литература

1. Блэкуэлл Р., Миниард П., Энджел Дж. Поведение потребителей. СПб: Питер, 2007. 944 с.
2. Донцов А.И., Перельгина Е.Б., Зотова О.Ю. Доверие и субъективное благополучие как основание психологической безопасности современного общества: Монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. 578 с.
3. Достовалов С.Г. Доверие к социальному миру как фактор формирования правосознания у подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 1. С. 1—11. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58316.shtml> (дата обращения: 03.02.2021).
4. Демяненко А.Н. Доверие как мотив правового поведения // Мировой судья. 2010. № 3. С. 5—9.
5. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества: Коллективная монография / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 329 с.
6. Изюмова И.В. Критерии доверия клиентов к организации при разной субъективной оценке риска для здоровья: Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М., 2009. 28 с.
7. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 570 с.
8. Панченко В.Ю., Михалева А.Е. Правовые средства обеспечения доверия клиента при оказании юридической помощи: возможности и пределы использования // Вестник КрасГАУ. 2014. № 11. С. 243—245.
9. Переверзева И.А. Проблема доверия в сфере бизнеса. М.: ИНФРА-М, 2000. 195 с.
10. Полянина А.К. Доверие к праву у студентов, обучающихся по юридическим специальностям // Право и образование. 2012. № 1. С. 26—30.
11. Почебут Л.Г., Гуриева С.Д., Чикер В.А. Прогностическая модель социально-психологических факторов укрепления доверия в организации [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 1. С. 22—42. doi:10.17759/sps.2018090103

12. Скрипкина Т.П. Философско-психологическая концепция доверия как социально-психологического явления // Доверие в социально-психологическом взаимодействии: Коллективная монография / Под ред. Т.П. Скрипкиной. Ростов-на-Дону, 2006. С. 15—39.
13. Чупров В.И., Михеев В.В. Доверие в саморегуляции социальных взаимоотношений в условиях неопределенности. М.: Норма, 2012. 160 с.
14. Larson M. S. The Rise of Professionalism: Monopolies of Competence and Sheltered Markets. 2nd ed. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2012. 145 p. doi:10.4324/9781315134635
15. Reuter M., Wijkström F., Ugglä B. (eds.), Trust and Organizations: Confidence across Borders. London: Palgrave Macmillan, 2013. 222 p. doi:10.1057/9781137368812

References

1. Blackwell R. D., Miniard P. W., Engel J. F. Povedenie potrebiteli [Consumer Behavior]. Saint Petersburg: Piter, 2007. 944 p. (In Russ.).
2. Dontsov A.I., Perelygina E.B., Zotova O.Yu. Doverie i sub"ektivnoe blagopoluchie kak osnovanie psikhologicheskoi bezopasnosti sovremennogo obshchestva: Monografiya. Yekaterinburg, 2018. 578 p. (In Russ.).
3. Dostovalov S.G. Doverie k social'nomu miru kak factor formirovaniya pravosoznaniya u podrostkov [Confidence in social world as a factor of legal consciousness in teenagers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2013. Vol. 3, no. 1, pp. 1—11. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58316.shtml> (Accessed 03.02.2021). (In Russ.).
4. Demyanenko A.N. Doverie kak motiv pravovogo povedeniya. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, 2010, no. 3, pp. 5—9. (In Russ.).
5. Kupreichenko A.B., Mersiyanova I.V. (eds.), Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva. Moscow: NIU VShE Publ., 2013. 329 p. (In Russ.).
6. Izyumova I.V. Kriterii doveriya klientov k organizatsii pri raznoi sub"ektivnoi otsenke riska dlya zdorov'ya. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2009. 28 p. (In Russ.).
7. Kupreichenko A.B. Psikhologiya doveriya i nedoveriya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. 570 p. (In Russ.).
8. Panchenko V.Yu., Mikhaleva A.E. Pravovye sredstva obespecheniya doveriya klienta pri okazanii yuridicheskoi pomoshchi: vozmozhnosti i predely ispol'zovaniya [Legal means of the client trust ensuring in the legal aid rendering: the opportunities and limits of use]. *Vestnik KrasGAU = Bulletin of KrasSAU*, 2014, no. 11, pp. 243—245. (In Russ.).
9. Pereverzeva I.A. Problema doveriya v sfere biznesa. Moscow: INFRA-M, 2000. 195 p. (In Russ.).
10. Polyana A.K. Doverie k pravu u studentov, obuchayushchikhsya po yuridicheskim spetsial'nostyam [Credibility of Law for Students Studying Jurisprudence]. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2012, no. 1, pp. 26—30. (In Russ.).
11. Pochebut L.G., Gurieva S.D., Chiker V.A. Prognosticheskaya model' sotsial'no-psikhologicheskikh faktorov ukrepleniya doveriya v organizatsii [Predictive model of socio-psychological factors of building confidence in the organization] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 1, pp. 22—42. doi:10.17759/sps.2018090103 (In Russ.).
12. Skripkina T.P. Filosofsko-psikhologicheskaya kontseptsiya doveriya kak sotsial'no-psikhologicheskogo yavleniya. *Doverie v sotsial'no-psikhologicheskom vzaimodeistvii: Kollektivnaya monografiya*. Rostov-on-Don, 2006, pp. 15—39. (In Russ.).

Хохлова Н.И., Плеханова Н.П.
Психологические факторы, обуславливающие
доверие потребителей к юридической компании
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 196–208.

Khokhlova N.I., Plekhanova N.P.
Psychological Factors Contributing
to Clients' Trust for a Law Company
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 196–208.

13. Chuprov V.I., Mikheev V.V. *Doverie v samoregulyatsii sotsial'nykh vzaimootnoshenii v usloviyakh neopredelennosti*. Moscow: Norma, 2012. 160 p. (In Russ.).
14. Larson M.S. *The Rise of Professionalism: Monopolies of Competence and Sheltered Markets*. 2nd ed. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2012. 145 p. doi:10.4324/9781315134635
15. Reuter M., Wijkström F., Ugglä B. (eds.), *Trust and Organizations: Confidence across Borders*. London: PalgraveMacmillan, 2013. 222 p. doi:10.1057/9781137368812

Информация об авторах

Хохлова Наталья Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Институт гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет (БУ ВО «СурГУ»), г. Сургут, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-9629>, e-mail: hohlova-ni@yandex.ru

Плеханова Наталья Павловна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Институт гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет (БУ ВО «СурГУ»), г. Сургут, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-9629>, e-mail: plehanova-np@yandex.ru

Information about the authors

Natalia I. Khokhlova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Institute of Humanities and Sports, Surgut State University, Surgut, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-9629>, e-mail: hohlova-ni@yandex.ru

Natalia P. Plekhanova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Institute of Humanities and Sports, Surgut State University, Surgut, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8096-6547>, e-mail: plehanova-np@yandex.ru

Получена 21.02.2021

Received 21.02.2021

Принята в печать 21.01.2022

Accepted 21.01.2022

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ |
PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Криминологические аспекты агрессивности

Собчик Л.Н.

Институт прикладной психологии (ООО «Институт прикладной психологии»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4963-5915>, e-mail: luniso@yandex.ru

Спасенников Б.А.

Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко (ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5668-6457>, e-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Кулакова С.В.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Результаты ретроспективного исследования групп осужденных с различной степенью агрессивного поведения показывают возможности Стандартизованного многофакторного метода исследования личности (СМИЛ, российский вариант ММП), интерпретационный подход которого опирается на созданную Л.Н. Собчик теорию ведущих тенденций в оценке степени агрессивности, соответствующей тяжести совершенного деяния. Ведущими тенденциями, по усредненным профилям СМИЛ, определены: у «хулиганов» — импульсивность со слабо выраженной агрессивностью и несформированным самоконтролем; у «грабителей» — жесткость, готовность к противоправному поведению; у «убийц» — выраженность агрессивности (у гипертимного типа — эксплозивные черты и свойства экспансивно-шизоидной акцентуации; у гиперстенического типа — экзальтация, завышенная самооценка, внешне-обвиняющий тип реагирования; у лиц с патологией влечения — парциальное нарушение в сексуальной сфере при сохранном интеллекте); у «коррупционеров»: профиль — в коридоре нормативного разброса, но самоуважение и представления о собственном материальном благосостоянии прямо пропорциональны; у несовершеннолетних агрессия выступает гиперкомпенсацией неуверенной личности с псевдоагрессивными действиями.

Ключевые слова: агрессивность, психодиагностика, преступление, личность преступника, несовершеннолетние, профилактика преступного поведения.

Для цитаты: Собчик Л.Н., Спасенников Б.А., Кулакова С.В. Криминологические аспекты агрессивности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 209—225. DOI:10.17759/psylaw.2022120116

Criminological Aspects of Aggression

Lyudmila N. Sobchik

Applied Psychology Institute, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4963-5915>, e-mail: luniso@yandex.ru

Boris A. Spasennikov

N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5668-6457>, e-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Svetlana V. Kulakova

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

The results of a retrospective study of groups of convicts with varying degrees of aggressive behavior show the possibilities of the Standardized Multifactorial Personality Research Method (SMIL, the Russian version of MMPI), the interpretive approach of which is based on the one created by L.N. Sobchik theory of leading trends in assessing the degree of aggressiveness corresponding to the severity of the committed act. The leading tendencies, according to the average profiles of SMIL, are determined: among "hooligans" impulsivity with weakly expressed aggressiveness and unformed self-control; the "robbers" have rigidity, readiness for illegal behavior; in "killers" the severity of aggressiveness (in the hyperthymic type, explosive features and properties of expansive-schizoid accentuation; in the hypersthenic type, exaltation, overestimated self-esteem, an outwardly blaming type of response; in persons with impulse pathology, a partial violation in the sexual sphere with preserved intelligence); for "corrupt officials": the profile is in the corridor of normative dispersion, but self-esteem and ideas about their own material well-being are directly proportional; in minors, aggression acts as a hypercompensation of an insecure personality with pseudo-aggressive actions.

Keywords: aggressiveness, psychodiagnostics, crime, the identity of the offender, minors, crime prevention.

For citation: Sobchik L.N., Spasennikov B.A., Kulakova S.V. Criminological Aspects of Aggression. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 209–225. DOI:10.17759/psylaw.2022120116 (In Russ.).

Введение

В научной литературе понятие «агрессия», как поведенческая черта, и «агрессивность», как свойство личности, отражено во многих работах российских и зарубежных авторов [6; 8; 9; 11 и др.]. Агрессия чаще всего рассматривается в социально-правовом плане по общественно опасным последствиям этого феномена. Цель исследования: анализ особенностей личности осужденных, отбывающих наказание за преступления с различной степенью агрессивного поведения. Использовался метод исследования, объективизирующий особенности личности. Личностные особенности лиц, совершивших преступления агрессивной направленности, отражены в целом ряде работ с опорой на исследования с применением методик К. Розенцвега, Г. Айзенка, А. Басса, А. Дарки. На наш взгляд, наиболее глубоким и эффективным для этой цели является тест MMPI [6; 8; 11],

адаптированный Л.Н. Собчик для отечественных ученых и зарубежных русскоязычных исследователей [10; 13; 21; 22]. Полученные данные кодировались по Хатэуэю. Подобное кодирование удобно для обмена информацией учеными различных стран и оформления результатов исследований. При этом в строке сначала приводятся номера шкал Стандартизованного многофакторного метода исследования личности (далее — СМИЛ) с самыми высокими показателями (двойной апостроф отграничивает шкалы, показатели которых выше 80 Т-баллов (далее — Т), один апостроф — шкалы выше 70 Т, затем по нисходящей остальные повышенные шкалы, а после слеша (/) — те, что ниже 50 Т [13].

Методы и методики исследования

Исследование проводилось на протяжении нескольких лет на основании изучения данных теста СМИЛ в группах осужденных, условно обозначенных по объекту совершенного посягательства как «убийцы», «хулиганы», «грабители» и «коррупционеры». В 2020 г. нами проведена работа по обобщению полученных данных.

Усредненный профиль группы «хулиганы» ($n = 500$)¹, выглядел следующим образом: 4''8'6-/27 (рис. 1). Профиль показал высокую импульсивность и склонность к иррациональным реакциям со слабо выраженной агрессивностью.

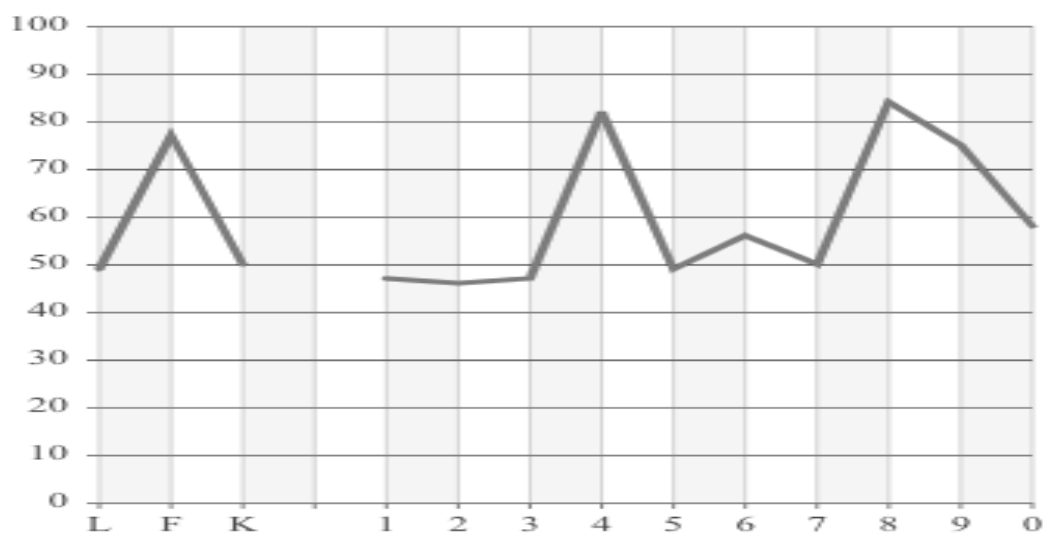


Рис. 1. Усредненный профиль СМИЛ группы «хулиганы»

Усредненный профиль группы лиц, осужденных за грабеж («грабители») ($n = 500$), показывает выраженную агрессивность и отличается от «хулиганов» менее выраженной импульсивностью (показатель 4-й шкалы ниже 80 Т), но выраженной жесткостью и аффективной насыщенностью эмоциональных проявлений, а также признаками корыстности и враждебности (профиль СМИЛ 46'89-/5 или 6''4'98-/5) (рис. 2). Следует иметь в виду, что интерпретация психодиагностических данных отражает диалектическое положение о переходе количества в качество. Это проявляется в том, что интерпретация показателей имеет качественно разные оттенки в зависимости от количественных показателей каждой шкалы. Поэтому по той же 6-й шкале данные в пределах 65 Т трактуются нами как соревновательность, реалистичность и конкретность мышления, опора на накопленный опыт, настойчивость и упрямство, в то время как более высокие показатели характерны для лиц,

¹ Результаты представлены впервые, ранее не опубликованы.

легко загорающихся враждебностью и готовых дать отпор любому посягательству на их реальные или мнимые права (до 75 Т).

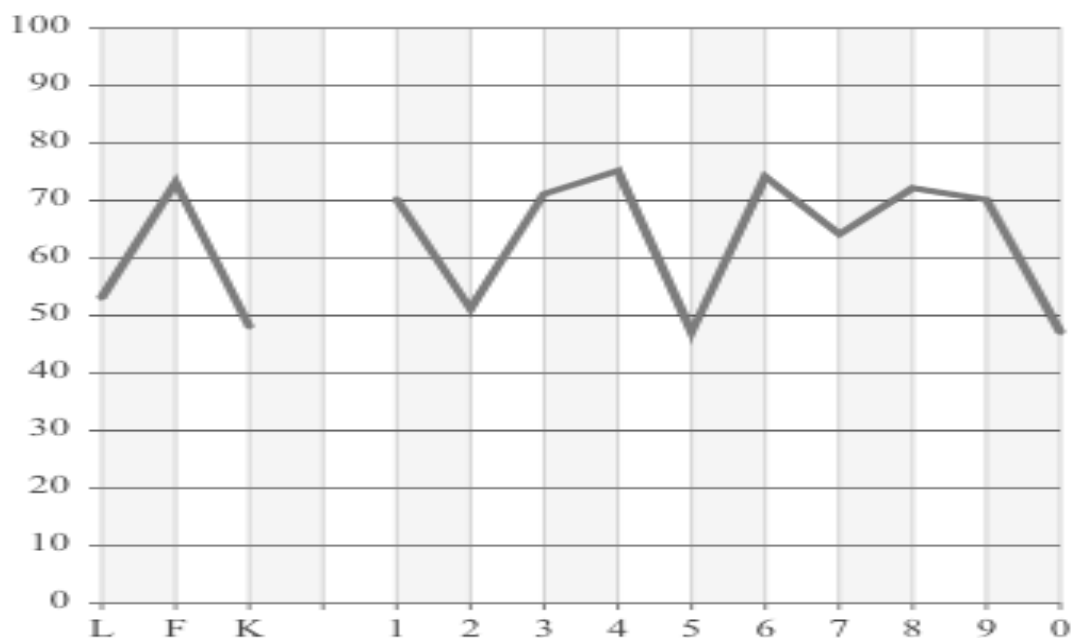


Рис. 2. Усредненный профиль группы «грабители»

Усредненный профиль СМИЛ в группе лиц, совершивших убийство («убийцы») (рис. 3) отражает еще большую выраженность агрессивности, иррациональность мотивации поступков, эмоциональную жесткость и аффективную заряженность на грани одержимости (профиль *8'64'9-/5) с параноидной подозрительностью и убежденностью в правильности своих убеждений (n=500). В связи с крайне заостренным индивидуализмом, проявляющимся в основном чрезвычайно низкой психологической совместимостью с другими людьми, эмоциональной холодностью при легко загорающейся враждебности, перерастающей в разрушительную агрессию, они не тяготеют к объединению в группы. В основе формирования этих тенденций при углубленном обследовании часто обнаруживалась органически измененная почва: травма головного мозга, ранняя алкоголизация (иногда еще в утробе матери), наркомания, различные нейроинфекции, производственная интоксикация, а также отмечен дефицит эмоционального тепла в раннем детстве [8; 23]. Это психология «степного волка». Проблема таких людей уходит корнями в те социальные условия, которые на определенном этапе фрустрировали насущную для стеничных личностей потребность в положительной самооценке при отсутствии необходимых позитивных атрибутов, позволяющих им утвердиться в этом мнении. Не имея реальной возможности в социально приемлемом самоутверждении, они используют преступный, разрушительный путь самореализации.

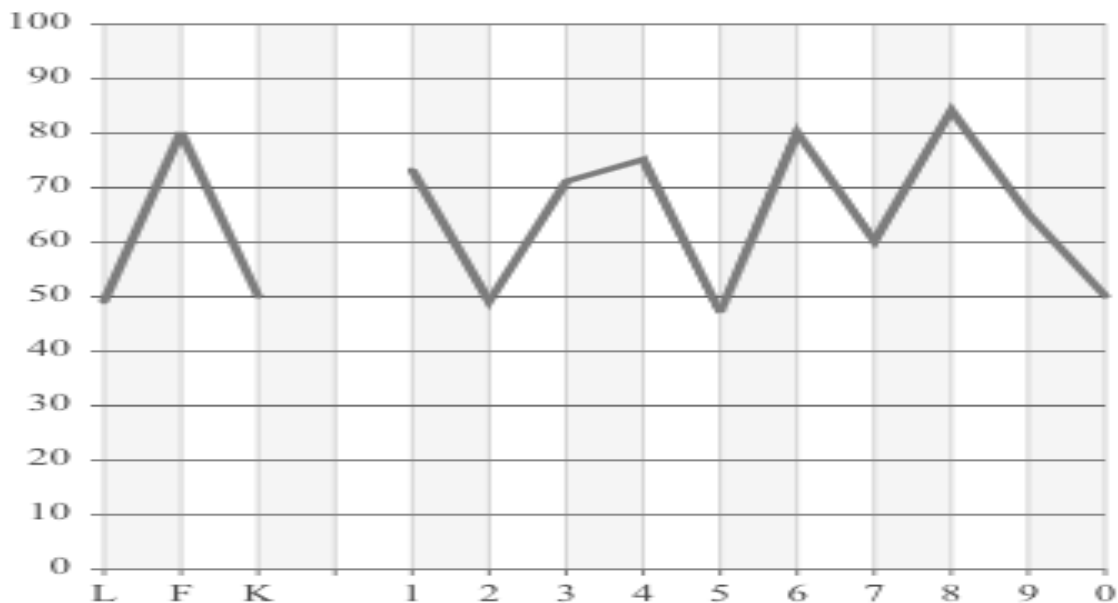


Рис. 3. Усредненный профиль группы «убийцы»

Совершенно верно отметил С.Н. Ениколопов [3; 4], что для этих групп агрессивных правонарушителей, по данным СМИЛ, характерна завышенная позитивная самооценка: каждый из них к себе как к личности относится без всякого унижения, а свои агрессивные действия по отношению к другим они полностью оправдывают тем, что окружающий мир жесток и несправедлив и что их поступки носят характер самозащиты или мести за все те злоключения, которые выпали на их долю. На это указывают и другие авторы [1; 2; 9; 17; 19; 24]. К этому необходимо добавить, что конверсионная «пятерка» в профиле (высокие 1-я и 3-я шкалы при низкой 2-й — 50Т и ниже) означает не только самоутверждение демонстративной личности и выраженный эгоцентрический радикал по истероидному типу, но также низкий уровень самосознания, т. е. отсутствие способности объективно понимать долю своей вины в содеянном. Мощный заслон в виде защитной реакции по типу вытеснения любой негативной информации, задевающей личность, дает им уверенность в своей правоте и не пробуждает то, что обычно называют нравственным кредо личности, т. е. совестью. Профили группы подозреваемых и обвиняемых в убийстве отличались такими же высокими 6-й, 8-й и 4-й шкалами, 70—72 Т, но на фоне тревожно-депрессивного состояния, которое было обусловлено ожиданием приговора суда (в пределах до 75—80 Т были повышены 2-я и 7-я шкалы).

Ранее проведенное нами исследование [10] позволило выделить еще одну группу — не более 7—10% от общего числа группы убийц — с гиперстеническим типом реагирования (рис. 4), что проявлялось в профиле СМИЛ высоким показателем по 9-й шкале на уровне 85 Т. Состояние характеризовалось признаками бравады, экзальтации, завышенной самооценки, отрицанием проблем, внешне-обвиняющим типом реагирования (высокие показатели 9-й шкалы с сопутствующим подъемом 4-й, 6-й и при низких 2-й, 7-й и 0-й). Анализ полученных данных позволил выделить вариант состояния, развивающегося в ситуации стресса и избыточной эмоциональной напряженности с выраженными особенностями, близкими к маниакальным. Это исследование лишний раз подтвердило правильность позиций, на которых основывается разработанная нами теория личности: базовые личностные особенности как присущий конкретному лицу врожденный тип

реагирования, проявляются как устойчивая ведущая тенденция на всех уровнях и этапах развития личности, а также оказывают влияние на формирование клинико-криминологического синдрома при дезадаптации [9; 12; 20; 21]. Ретроспективный анализ данных этих лиц показал, что они всегда отличались гипертимными чертами — избыточным оптимизмом, самоуверенностью, легко загорающейся враждебностью, облегченным отношением к социальным нормам поведения, пониженным самоконтролем. Эти тенденции оказываются доминирующими во время совершения деяния. Даже в этот момент их девизом остаются такие сентенции, как: «Лучше прожить тридцать лет соколом, чем триста — вороном»; «Случись все снова, я поступил бы так же» (в отношении жертвы).

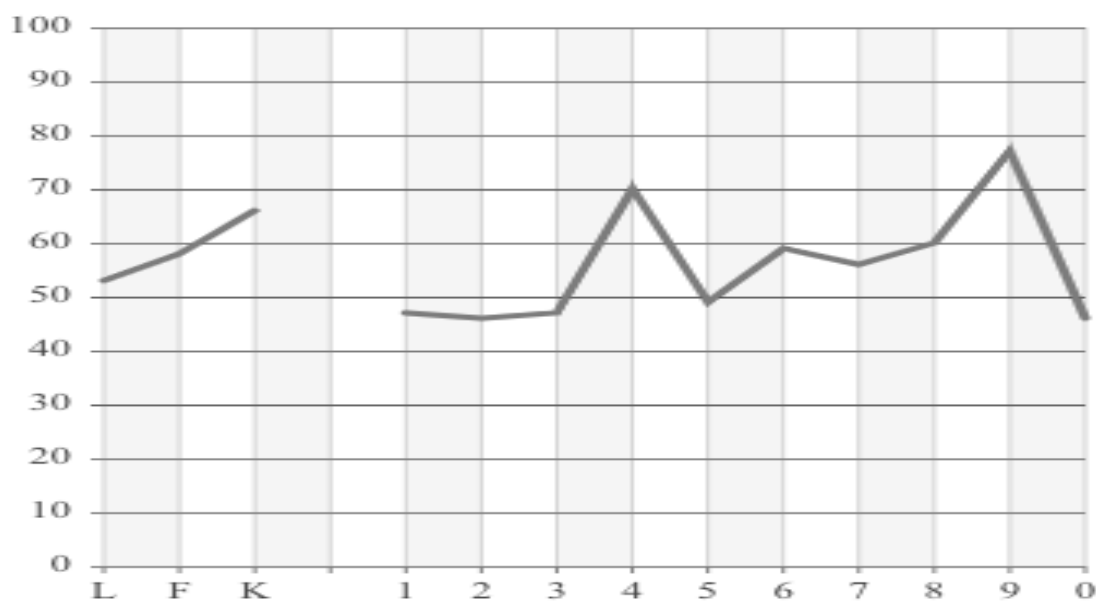


Рис. 4. Усредненный профиль СМИЛ группы «гиперстеничные убийцы»

Что касается противоправного поведения у обследованных лиц, совершивших убийство, соединенное с сексуальным насилием (рис. 5), то среди них наибольшую опасность представляют лица с патологией влечения. Иногда такие особенности проявляются даже у интеллектуально сохранных, успешно проявляющих себя в своей профессиональной карьере лиц: профиль СМИЛ с высокими (выше 75 T) пиками по 6-й, 8-й и 4-й шкалам, при утопленной 2-й и сопутствующим повышением по 1-й и 7-й шкалам, что является свидетельством переживания своего состояния как некой навязчивости, болезненной одержимости, противиться которой нет никакой возможности. По данным Роршах-теста выявилось обилие сексуальных ассоциаций при достаточно высоком и сохранным интеллекте, сниженном самоконтроле при аффективной насыщенности переживаний и ситуативно обусловленном повышении уровня тревожности, что говорит о частичном нарушении в сфере сексуального влечения.

Клиническим криминологам знакома особая форма психического расстройства, затрагивающая преимущественно сферу сексуального влечения, направляющего это влечение в сторону извращенных тенденций.

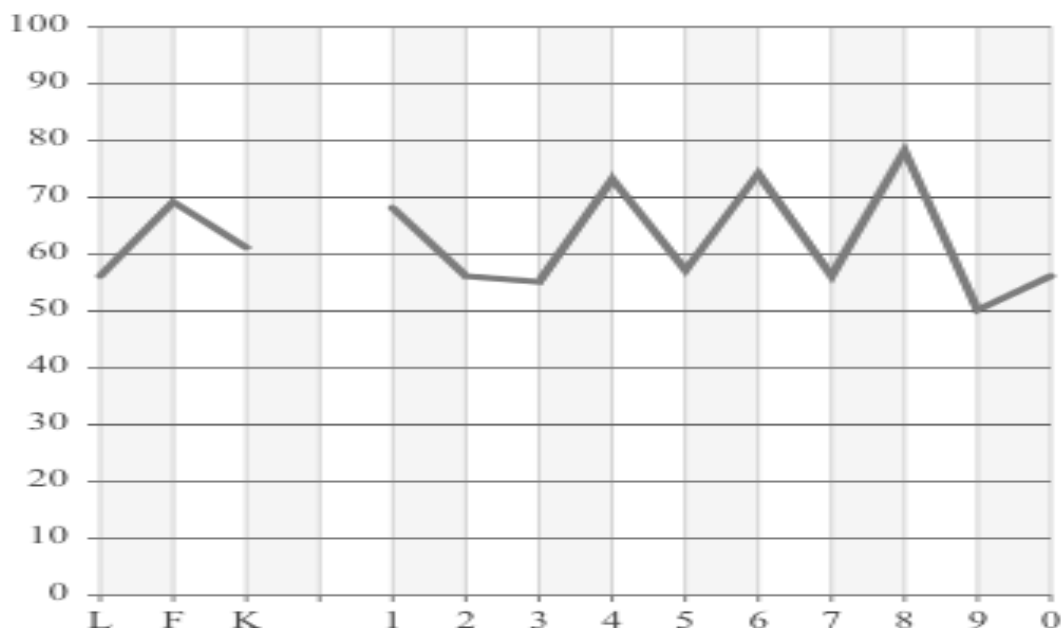


Рис. 5. Профиль лиц, совершивших убийство, соединенное с сексуальным насилием

Приведенные обобщенные профили отличаются более высокими показателями по сравнению с усредненными данными теста СМИЛ лиц, осужденных за преступления террористического характера, опубликованные нами ранее [6].

С одной стороны, это можно объяснить тем, что рассматриваются отличающиеся друг от друга группы лиц. Убийцы и грабители — извечно существующий в любом обществе криминальный контингент. Большая репрезентативная группа лиц, осужденных за преступления террористической направленности, обследованная профессором Б.А. Спасенниковым с соавторами, отличается по направленности смысла деятельности. При этом их реакции окрашены фанатичной верой в правоту своих позиций. В этом качественное различие особенностей личности представителей этой группы от общеуголовных преступников. Кроме того, судя по шкалам достоверности приведенных профилей, авторы статьи в процедуру усреднения брали только профили, в которых шкалы L, F и K не превышали 70 T. Что касается шкалы лжи и коррекции, то авторы поступили совершенно правильно. Но со шкалой F появилась гипотеза, что интерпретация профилей с высокой (выше 70 T) F отражает портрет личности весьма реалистично. Постепенно пришло понимание, что для шкалы F, отражающей стремление давать искренние ответы, не должно быть такого ограничения. Поэтому в приведенных выше данных к усреднению допускались профили с достаточно высокими (выше 70 T) показателями по шкале F.

Терроризм и экстремизм как насущная проблема человечества — преимущественно продукт современной эпохи, результат неправильно понятой проблемы толерантности, неумелых попыток политиков перекраивать карту мира и навязывания этносам неприемлемых форм общения, вызывающего протестные реакции. Здесь сказывается отсутствие настоящей заинтересованности государственных структур в привлечении компетентных ученых к своевременному анализу как текущих, так и исторических событий (тот факт, что профессор Б.А. Спасенников ранее был профессиональным законодателем — исключение). Дело в том, что одной из важных сторон психодиагностики в криминологии является возможность раннего определения назревающих тенденций на фоне общей картины

настроений в той или иной группе. Это могут быть и накапливающиеся негативные переживания экстремистского характера, предшествующие террористическим акциям. Когда происходит усреднение множества профилей, показатели многих противоположных личностных характеристик взаимно уравниваются друг друга и нивелируются. На этом фоне особенно начинают выделяться те тенденции, которые для большинства оказываются общими. Так, при сравнении нескольких профилей, полученных в результате массовых обследований тестом СМИЛ разных этнических групп, мимо нашего внимания не прошел тот факт, что в одном из этносов ближневосточного региона в обобщенном профиле значительно выделяются 6-я и 8-я шкалы, а оценка всей конфигурации профиля позволила его обозначить как профиль фанатика, одержимого ненавистью ко всему иному, что не совпадает с его устремлениями и верой. При этом обследование проводилось без всякого предубеждения, только в целях сравнения характерологических особенностей представителей разных национальных групп. Но в усредненных профилях немцев, итальянцев, поляков, латышей (их профили тоже входили в исследование) подобных особенностей обнаружено не было. То, что зрели такие настроения в рассматриваемой группе, было обусловлено определенными историческими событиями и геополитической дислокацией этого региона. Но если бы такая информация была бы своевременно учтена, многих негативных политико-правовых последствий можно было бы избежать. Конечно, поголовное анкетирование с помощью опросника СМИЛ проводить не нужно (достаточно репрезентативной выборки). Но существуют и другие методы (модифицированный восьмицветный тест Люшера, адаптированный тест Леопольда Сонди и др.). Любой тест из этих методик, используемых учеными, сотрудниками правоохранительных органов, может оказаться весьма информативным для выявления ведущей тенденции (в том числе террористической) в обобщенных данных того или иного контингента.

Особое место в структуре противоправных нарушений занимает группа, которая условно названа «коррупционеры» ($n = 500$). Их усредненный профиль в значительной мере более уравновешенный, чем профиль СМИЛ среднестатистического российского гражданина (рис. 6). Профиль полностью пребывает в коридоре нормативного разброса. Только небольшое повышение 6-й шкалы (в пределах 58—60 Т), без признаков дезадаптации, свидетельствует, что это не просто «нормальная» личность. Это тип человека, который хорошо адаптируется (приспосабливается) к любым условиям и находит выгоду в любой сложившейся ситуации. Самоуважение у таких лиц и представления о собственном материальном благосостоянии прямо пропорциональны, что отражается в показателях 9-й шкалы теста СМИЛ (выше 50 Т), соответствующих позитивной самооценке.

Аналогичные данные получены у лиц, совершивших преступление в сфере цифровой экономики [16].

Похожей на представителей этой группы оказалась группа предпринимателей, которые не привлекались к уголовной ответственности, — это личности с некоторым авантюризмом (ведущие в пределах нормы шкалы — 4-я, 6-я и 9-я), которые стремятся достичь высокой прибыли, рентабельности, эффективности в своей деятельности.

Таким образом, полученные данные опровергают мнение о наличии каких-либо особых личностных черт у разнообразного по своему составу и близкого к среднестатистической норме контингента коррупционеров. И это мнение соответствует тем выводам, которые сделали Н.А. Ратинова и М.В. Кроз [7]: Полученные этими коллегами данные также противоречат распространенным представлениям о «коррупционере». Бытующий в общественном сознании негативный собирательный образ, подкрепленный лишь

гипотетическими соображениями отдельных ученых, наделенный всяческими немислимыми недостатками, далек от действительности. Это связано с тем, что коррупция — социально обусловленное явление. Из этого следует, что лишение свободы на длительный срок не соответствует уровню криминализации (агрессивности) этих лиц. Большую действенность в их отношении имеют экономические санкции (штраф, конфискация, исправительные работы и т. д.). Средства государственного принуждения, расходуемые на исполнение наказания, связанного с лишением свободы «коррупционеров» и иных предпринимателей, осужденных за экономические преступления, расходуются, на наш взгляд, неэффективно и бесцельно.

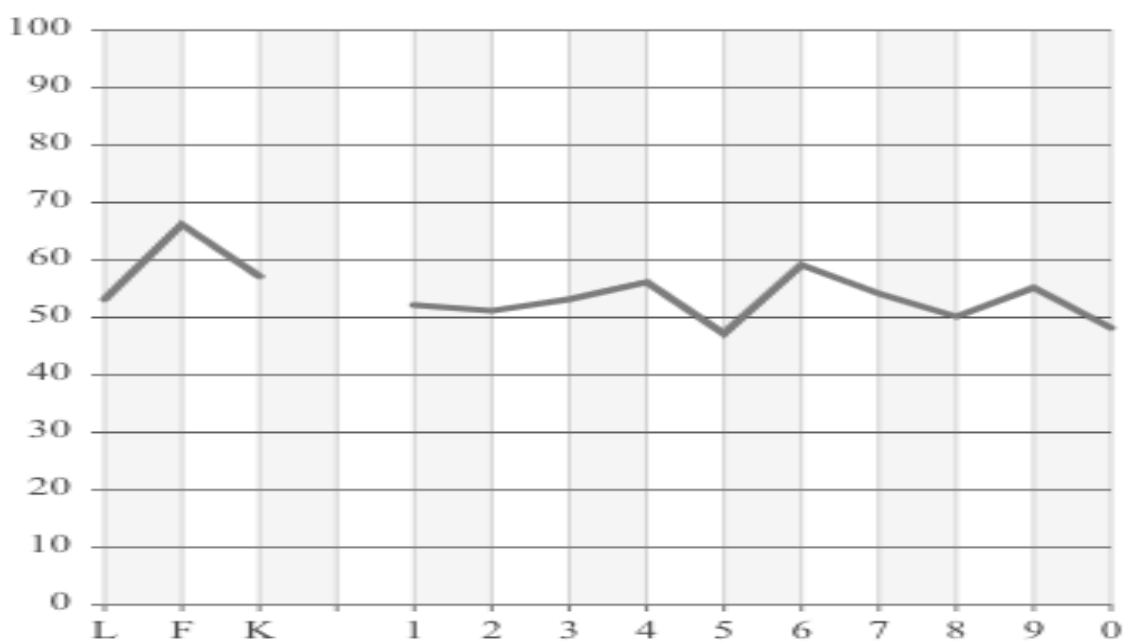


Рис. 6. Усредненный профиль СМИЛ по группе «коррупционеры»

Ряд авторов делят агрессивность на «вредную», т. е. разрушительную, и «полезную», конструктивную. На наш взгляд, речь идет о смешении понятий. Наступательная позиция личности, отличающейся чертами лидера, в основном связана с таким личностным свойством, как спонтанность (4-я шкала теста СМИЛ), отражающим при показателях в пределах верхней границы нормы высокую поисковую активность, радикализм, стремление самостоятельно решать проблемы, нежелание подчиняться и стремление командовать другими. Умеренно повышенная 6-я шкала в профиле лидера отражает умение заразить окружающих своими идеями, соревновательность, опору на накопленный (подчас криминальный) опыт. По нашим данным, такого типа профили, не превышающие 70 Т, свойственны лидерам разного толка, намерения и действия которых весьма конструктивны при условии наличия хорошего уровня интеллекта, IQ не менее 100. Их в целом наступательная позиция, стремление вести за собой свою команду приносит пользу и является конструктивной. Издержки такой позиции могут проявляться негативно только в случае слишком выраженного командно-административного поведения при отсутствии критики. И это напрямую связано с ограниченными интеллектуальными способностями (ниже 90 IQ). При истинной агрессивности, выявляемой высоким показателем по 6-й шкале теста СМИЛ, особенно совместно с высокой 8-й особенностью профиля, действительно

выявляется выраженная иррациональная (на грани одержимости) аффективно насыщенная яростная мстительность, склонность к жестокости, к садистическим проявлениям.

При обсуждении криминологических проблем агрессивности, на наш взгляд, первостепенное значение имеет предупреждение криминализации подрастающего поколения. В последние годы проблема подростковой преступности с выраженной агрессивностью стала особенно актуальной. Эти вопросы рассматривались в работах С.В. Кулаковой с соавторами [15]. Наше исследование несовершеннолетних ($n = 300$) показало, что намечающиеся контуры личности подростка подвергаются воздействию изнутри и снаружи (рис. 7). Мощный всплеск выбрасываемых гормонов, стремление к доминированию в своей среде, противостоянию с чуждой средой (чужая компания, чужая школа и т. д.), возникающий сексуальный интерес при отсутствии культуры отношений приводят к уродливым формам поведения. Гипертимные личности ведут себя в этой ситуации то нарочито нагло и демонстративно, то агрессивно и запальчиво.

Психофизиологические изменения, характерные для 14—16-летних, нарушают их образ Я. Избыток физической энергии, высокая поисковая активность с тенденцией к самореализации сталкиваются с окружающим миром. Подросток испытывает на себе противоречивость «идеальной» модели мира и реальной окружающей его действительности. Чем больше разнятся они между собой, тем больше проявляется тот когнитивный диссонанс, который переживается подростком. У большинства этот стресс сопровождается горькими разочарованиями, ломкой самосознания, изменением или обновлением субъективного образа Я. В этот момент его реакции могут стать искаженными и приводят к преступному поведению за счет протестной реакции у еще незрелой личности.

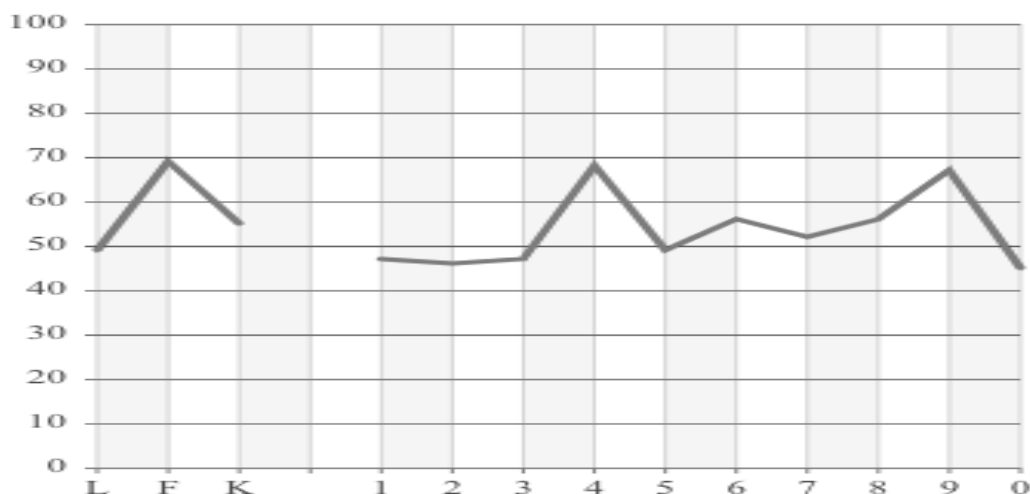


Рис. 7. Усредненный профиль СМИЛ несовершеннолетних преступников с агрессивным поведением

У несовершеннолетних преступников часто речь идет о поведенческой агрессивности, являющейся признаком эмоциональной незрелости, но иногда такие реакции могут носить брутальный характер. Зачастую агрессия — проявление защитной реакции на жестокость других лиц, в том числе и жестокость, семейное насилие. Агрессивность часто имеет и компенсаторный характер в качестве гиперкомпенсации неуверенной личности с псевдоагрессивными действиями [14; 15].

Изучение несовершеннолетних преступников показывает, что среди них встречаются лица с признаками ярко проявляющейся агрессивности. Они не только отличаются жестокостью, но и вовлекают в свою философию других несовершеннолетних, что представляет общественную опасность. Поведение таких лиц часто базируется на агрессивности как на врожденном, генетически унаследованном свойстве или на приобретенном качестве в силу травмы головы, алкогольной или наркотической интоксикации. В любом случае раннее распознавание склонности к агрессивным проявлениям с помощью скрининговых исследований необходимо для предупреждения криминализации и канализации избыточной активности в социально приемлемое русло.

Выводы

Таким образом, результаты ретроспективного исследования групп осужденных с различной степенью агрессивного поведения позволили подтвердить теорию ведущих тенденций в оценке степени агрессивности, соответствующей тяжести совершенного деяния Л.Н. Собчик так:

- данные усредненного профиля СМИЛ группы «хулиганы» показали высокую импульсивность и склонность к иррациональным реакциям со слабо выраженной агрессивностью, что является типичным для гипертимной акцентуации и часто встречаются у лиц с несформированным самоконтролем при выраженной эмоциональной незрелости;
- усредненный профиль СМИЛ группы лиц, осужденных за грабеж, показал выраженную агрессивность, отличающуюся от профиля «хулиганов» менее выраженной импульсивностью, но выраженной жесткостью и аффективной насыщенностью эмоциональных проявлений, а также с признаками корыстности, готовностью к взрывам ярости, враждебности, к агрессивному противоправному поведению;
- усредненный профиль СМИЛ в группе лиц, совершивших убийство, отражает еще большую выраженность агрессивности, это личности гипертимного типа с эксплозивными чертами, высокой спонтанностью и свойствами экспансивно-шизоидной акцентуации (или с аналогичными психопатическими чертами, так как именно психопатические личности больше склонны к дезадаптации по антисоциальному типу), имеющие в анамнезе органическую и эмоциональную травматизацию, выбравшие для самореализации преступный путь;
- усредненный профиль СМИЛ лиц, с гиперстеническим типом реагирования, совершивших убийство, характеризуется признаками бравады, экзальтации, завышенной самооценки, отрицанием проблем, внешне-обвиняющим типом реагирования;
- усредненный профиль СМИЛ лиц, совершивших убийство, соединенное с сексуальным насилием, показал, что среди них наибольшую опасность представляют лица с патологией влечения, у которых при достаточно высоком и сохранном интеллекте отмечен сниженный самоконтроль и при аффективной насыщенности переживаний и ситуативно обусловленным повышением уровня тревожности появляется навязчивость, болезненная одержимость, противиться которой нет никакой возможности, что говорит о частичном нарушении в сфере сексуального влечения;
- усредненный профиль СМИЛ совершивших преступления коррупционного характера полностью пребывает в коридоре нормативного разброса, однако это не просто «нормальная» личность. Это тип человека, который хорошо приспосабливается к любым условиям и находит выгоду в любой сложившейся ситуации; самоуважение и

представления о собственном материальном благосостоянии у них прямо пропорциональны;

- усредненный профиль СМИЛ несовершеннолетних осужденных с агрессивным поведением показывает, что их агрессивность зачастую имеет компенсаторный характер, выступая как гиперкомпенсация неуверенной личности с псевдоагрессивными действиями. В среде несовершеннолетних чаще возникают протестные реакции против любых ограничений их повышенной спонтанности, которые по своей сути не являются проявлением агрессии.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования ясно показывают, что агрессивность, ее направленность и степень выраженности выявляются с помощью психодиагностических методов.

Тест СМИЛ позволяет дифференцировать общественно опасный уровень агрессивности потенциального убийцы, грабителя, различать хулиганскую импульсивность или подростковую гиперактивность, имеющие различную общественную опасность. Представленные усредненные психодиагностические данные, полученные при масштабных обследованиях, позволяют выявлять зреющие экстремистские тенденции в разных геолокациях и этнических группах. Исследование понятия о «полезной» и «вредной» агрессивности является необоснованным, так как конструктивная лидерская активность не является проявлением агрессии, что отражено в данных психодиагностического обследования. Значение имеет лишь деление агрессии на примитивную, «слепую» и агрессию осознанно-волевою, отсроченную.

В перспективе данное исследование необходимо продолжить в отношении изучения аспектов агрессивности у осужденных женского пола, имеющих, безусловно, иные особенности, а также расширить результаты данного исследования с помощью компьютерной программы Л.Н. Собчик [12], включающей в себя психодиагностический комплекс, в котором показатели нескольких тестов рассматриваются в сравнительном анализе. Эта программа может служить хорошим инструментом при превентивном выявлении и коррекции агрессивности в правоприменительной практике. Данные о структуре личности, полученные с помощью психодиагностики СМИЛ, позволят лучше понять внутренние ресурсы личности осужденного, опираясь на которые сотрудники ФСИН России и других правоохранительных органов могут выбирать наиболее эффективный путь для коррекции агрессивных наклонностей, предупреждения преступного поведения, достижения целей наказания.

Литература

1. Антонян Ю.М., Бовин Б.Г., Чернышкова М.П. Работа с осужденными за убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью на основе их социально-демографических, уголовно-правовых и индивидуально-психологических характеристик: Метод. рекомендации. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2016. 71 с.
2. Бородин С.В., Полубинская С.В. Уголовное право и психиатрия: некоторые области и проблемы взаимодействия // Уголовное право: новые идеи / Отв. ред. С.Г. Келина, А.В. Наумов. М.: Институт государства и права, 1994. С. 83—99.

3. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 28—32.
4. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60—72.
5. Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования Красноярск: Красноярский государственный университет, 1998. 256 с.
6. Казберов П.Н., Спасенников Б.А., Тюньков В.В. Особенности личности осужденных за преступления террористического и экстремистского характера [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Том 13. № 6. С. 921—931. doi:10.17150/2500-4255.2019.13(6).921-931
7. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психологические особенности коррупционных преступников [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 15—34. doi:10.17759/psylaw.2018080202
8. Мордовский Э.А., Соловьев А.Г., Санников А.Л., Спасенников Б.А. Отягощенный алкогольный анамнез как ассоциированный фактор риска нарушения порядка отбывания наказания осужденными-рецидивистами [Электронный ресурс] // Экология человека. 2018. № 10. С. 52—57. doi:10.33396/1728-0869-2018-10-52-57
9. Муzychuk Т.Л., Кулакова С.В., Суслов Ю.Е., Самойлова А.А. Криминально-личностные особенности осужденных женщин фертильного возраста, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Том 12. № 4. С. 525—530. doi:10.17150/2500-4255.2018.12(4).525-530
10. Собчик Л.Н., Ефремова Г.Х. Личность и криминальные наклонности // Личность преступника как объект психологического исследования: сборник научных трудов. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. С. 57—62.
11. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМЛ — адаптированный тест ММРІ. Методы психологической диагностики: метод. пособие. М.: Московский кадровый центр, 1990. 74 с.
12. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб: Речь, 2018. 489 с.
13. Собчик Л.Н., Славинская Ю.В. Психодиагностические критерии оценки криминальных наклонностей // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 6—23.
14. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120—124.
15. Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Макаренко Т.Д., Спасенникова М.Г. Криминологическая характеристика несовершеннолетних осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, по результатам переписи 2019 года [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Том 14. № 2. С. 290—297. doi:10.17150/2500-4255.2020.14(2).290-297
16. Суходолов А.П., Иванцов С.В., Молчанова Т.В., Спасенников Б.А., Калужина М.А. Цифровая криминология: математические методы прогнозирования. Часть 1 [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Том 12. № 2. С. 230—236. doi:10.17150/2500-4255.2018.12(2).230-236

17. Суходолов А.П., Калужина М.А., Спасенников Б.А., Колодин В.С. Цифровая криминология: метод цифрового профилирования поведения неустановленного преступника [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Том 13. № 3. С. 385—394. doi:10.17150/2500-4255.2019.13(3).385-394
18. Хабриев Р.У., Кулакова С.В., Пертли Л.Ф., Спасенников Б.А. Смертность от внешних причин у лиц группы риска [Электронный ресурс] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Том 27. № 1. С. 4—8. doi:10.32687/0869-866X-2019-27-1-4-8
19. *Bluglass R., Bowden R., Wilker N.* Principles and practice of Forensic Psychiatry. Edinburgh: Academic Publisher, 1990. 1408 p.
20. *Borum R.* Radicalization and Involvement in Violent Extremism I: A Review of Definitions and Applications of Social Science Theories // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4. P. 7—36. doi:10.5038/1944-0472.4.4.1
21. *Dahlstrom W.G., Welsh G.S.* An MMPI handbook: a guide to use in clinical practice and research. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1960. 559 p.
22. *Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., Wolf A. de, Mann L., Feddes A.R.* Terrorism, radicalization, and de-radicalization // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. P. 79—84. doi:10.1016/j.copsyc.2016.06.008
23. *Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E.* Culture and Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69 (3). P. 495—517. doi:10.1111/josi.12026
24. *King M., Taylor D.M.* The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. Vol. 4. P. 602—622. doi:10.1080/09546553.2011.587064

References

1. Antonyan Yu.M., Bovin B.G., Chernyshkova M.P. Rabota s osuzhdennymi za ubiistva i umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu na osnove ikh sotsial'no-demograficheskikh, ugovovno-pravovykh i individual'no-psikhologicheskikh kharakteristik: Metodicheskie rekomendatsii. Moscow: FKU NII FSIN Rossii Publ., 2016. 71 p. (In Russ.).
2. Borodin S.V., Polubinskaya S.V. Ugolovnoe pravo i psikhatriya: nekotorye oblasti i problemy vzaimodeistviya. In Kelina S.G., Naumov A.V. (eds.), *Ugolovnoe pravo: novye idei*. Moscow: Institut gosudarstva i prava Publ., 1994, pp. 83—99. (In Russ.).
3. Enikolopov S.N. Terrorizm i agressivnoe povedenie [Terrorism and violent behavior]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2006, no. 1, pp. 28—32. (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Enikolopov S.N. Ponyatie agressii v sovremennoi psikhologii [The concept of aggression in modern psychology]. *Prikladnaya psikhologiya = Applied Psychology*, 2001, no 1, pp. 60—72. (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. Efremova G.Kh., Ratinov A.R. Pravovaya psikhologiya i prestupnoe povedenie. Teoriya i metodologiya issledovaniya. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1998. 256 p. (In Russ.).
6. Kazberov P.N., Spasennikov B.A., Tyunkov V.V. Osobennosti lichnosti osuzhdennykh za prestupleniya terroristicheskogo i ekstremistskogo kharaktera [Features of the personality of those convicted of crimes of a terrorist and extremist nature] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019. Vol. 13, no 6, pp. 921—931. doi:10.17150/2500-4255.2019.13(6).921-931 (In Russ., abstr. in Engl.).

7. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psikhologicheskie osobennosti korrupsionnykh prestupnikov [Psychological features of corruption criminals] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 15—34. doi:10.17759/psylaw.2018080202 (In Russ., Abstr. in Engl.).
8. Mordovsky E.A., Soloviev A.G., Sannikov A.L., Spasennikov B.A. Otyagoshchennyi alkohol'nyi anamnez kak assotsirovannyi faktor riska narusheniya poryadka otbyvaniya nakazaniya osuzhdennymi-retsdivistami [Burdened alcohol anamnesis as a risk factor associated with the violation of the penitentiary order by prisoners-recidivists] [Elektronnyi resurs]. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*, 2018, no. 10, pp. 52—57. doi:10.33396/1728-0869-2018-10-52-57 (In Russ., Abstr. in Engl.).
9. Muzychuk T.L., Kulakova S.V., Suslov Yu.E., Samoilova A.A. Kriminal'no-lichnostnye osobennosti osuzhdennykh zhenshin fertil'nogo vozrasta, soderzhashchikhsya v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh Rossii [Criminal-personal features of convicted women of childbearing age in Russian penitentiary institutions] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018. Vol. 12, no. 4, pp. 525—530. doi:10.17150/2500-4255.2018.12(4).525-530 (In Russ., Abstr. in Engl.).
10. Sobchik L.N., Efremova G.Kh. Lichnost' i kriminal'nye naklonnosti. *Lichnost' prestupnika kak ob'ekt psikhologicheskogo issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Vsesoyuznyi institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti Publ., 1979, pp. 57—62. (In Russ., in Engl.).
11. Sobchik L.N. Metodicheskoe posobie: Standartizirovannyi mnogofaktornyi metod issledovaniya lichnosti SMIL — adaptirovannyi test MMRI. *Metody psikhologicheskoi diagnostiki*. Moscow: Moskovskii kadrovyy tsentr Publ., 1990. 74 p. (In Russ.).
12. Sobchik L.N. *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki*. Saint Petersburg: Rech', 2018. 489 p. (In Russ.).
13. Sobchik L.N., Slavinskaya Yu.V. Psikhodiagnosticheskie kriterii otsenki kriminal'nykh naklonnostei. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2008, no. 3, pp. 6—23. (In Russ.).
14. Spasennikov B.A., Smirnov A.M. Sotsial'no-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh muzhchin, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'nykh koloniyakh [Social and legal characteristics of the convicts serving sentences in Russian correction colonies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2015, no. 9 (377), pp. 120—124. (In Russ., Abstr. in Engl.).
15. Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Makarenko T.D., Spasennikova M.G. Kriminologicheskaya kharakteristika nesovershennoletnikh osuzhdennykh, soderzhashchikhsya v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh, po rezul'tatam perepisi 2019 goda [Criminological characteristics of minors in penitentiary institutions according to the 2019 census] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020. Vol. 14, no 2, pp. 290—297. doi:10.17150/2500-4255.2020.14(2).290-297 (In Russ., Abstr. in Engl.).
16. Sukhodolov A.P., Ivantsov S.V., Molchanova T.V., Spasennikov B.A., Kaluzhina M.A. Tsifrovaya kriminologiya: matematicheskie metody prognozirovaniya (chast' 1) [Digital criminology: mathematical methods of prediction (part 1)] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018. Vol. 12, no 2, pp. 230—236. doi:10.17150/2500-4255.2018.12(2).230-236 (In Russ., Abstr. in Engl.).
17. Sukhodolov A.P., Kaluzhina M.A., Spasennikov B.A., Kolodin V.S. Tsifrovaya kriminologiya: metod tsifrovogo profilirovaniya povedeniya neustanovlennogo prestupnika [Digital criminology: the method of digital profiling of an unidentified criminal's behavior] [Elektronnyi resurs].

Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology, 2019. Vol. 13, no. 3, pp. 385–394. doi:10.17150/2500-4255.2019.13(3).385-394 (In Russ., abstr. in Engl.).

18. Khabriev R.U., Kulakova S.V., Pertli L.F., Spasennikov B.A. Smertnost' ot vneshnikh prichin u lits gruppy riska [The Mortality from External Causes in Individuals of Risk Group] [Elektronnyi resurs]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 2019. Vol. 27, no 1, pp. 4–8. doi:10.32687/0869-866X-2019-27-1-4-8 (In Russ., Abstr. in Engl.).

19. Bluglass R., Bowden R., Wilker N. Principles and practice of Forensic Psychiatry. Edinburgh: Academic Publisher, 1990. 1408 p.

20. Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism I: A Review of Definitions and Applications of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*, 2011, no. 4, pp. 7–36. doi:10.5038/1944-0472.4.4.1

21. Dahlstrom W.G., Welsh G.S. An MMPI handbook: a guide to use in clinical practice and research. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press Publ., 1960. 559 p.

22. Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., Wolf A. de, Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization, and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 2016, no. 11, pp. 79–84. doi:10.1016/j.copsyc.2016.06.008

23. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 495–517. doi:10.1111/josi.12026

24. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, no. 4, pp. 602–622. doi:10.1080/09546553.2011.587064

Информация об авторах

Собчик Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, генеральный директор, Институт прикладной психологии (ООО «Институт прикладной психологии»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4963-5915>, e-mail: luniso@yandex.ru

Спасенников Борис Аристархович, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор, Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко» (ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5668-6457>, e-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Кулакова Светлана Владимировна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Information about the authors

Lyudmila N. Sobchik, Doctor of Psychology, Professor, Director-General, Applied Psychology Institute, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4963-5915>, e-mail: luniso@yandex.ru

Boris A. Spasennikov, Doctor of Law, Doctor of Medicine, Professor, N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5668-6457>, e-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Собчик Л.Н., Спасенников Б.А., Кулакова С.В.
Криминологические аспекты агрессивности
Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 209–225.

Sobchik L.N., Spasennikov B.A., Kulakova S.V.
Criminological Aspects of Aggression
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 209–225.

Svetlana V. Kulakova, PhD in Education, Senior Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Получена 08.08.2021
Принята в печать 08.02.2022

Received 08.08.2021
Accepted 08.02.2022